

СТИВЕН КИНГ

Лавка дурных снов

Стивен Кинг

Лавка дурных снов (сборник)

«АСТ»

2015

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кинг С.

Лавка дурных снов (сборник) / С. Кинг — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-094184-1

Автор многочисленных романов, Стивен Кинг всегда считался еще и блестящим мастером малой прозы, ведь именно эти произведения принесли ему престижную премию О. Генри. Новый сборник рассказов Кинга «Лавка дурных снов» – книга уникальная. Мастер впервые предваряет каждое произведение удивительно откровенной историей его создания, приоткрывая «дверь» в свою творческую мастерскую. Захватывающие и пугающие, будоражащие воображение и предостерегающие, эти рассказы – маленькие шедевры, которые мог написать только великий Стивен Кинг. «Я создал их специально для тебя, – обращается писатель к своему читателю. – Можешь смотреть, можешь трогать, но будь осторожен. У самых лучших есть зубы».

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094184-1

© Кинг С., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Примечание автора	6
Предисловие[2]	7
I	8
II	9
III	10
Миля 81[3]	11
1. Пит Симмонс («Хаффи» 2007-го)	12
2. Даг Клейтон («Приус» 2009-го)	20
3. Джулиана Вернон («Додж-Рэм» 2005-го)	23
4. Семья Люсье («Форд-экспедишн» 2011-го)	26
5. Джимми Голдинг («Краун-Виктория» 2011-го)	34
6. Детишки («Ричфорт» 2010-го)	39
«Гармония премиум»[4]	43
Бэтмен и Робин вступают в перебранку[6]	51
Дюна[7]	60
Гадкий мальчишка[9]	69
1	70
2	73
3	77
4	79
5	84
6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Стивен Кинг

Лавка дурных снов (сборник)

Я стреляю от бедра и владею собой.

AC/DC

Stephen King

THE BAZAAR OF BAD DREAMS

© Stephen King, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Примечание автора

Некоторые из данных рассказов выходили в свет раньше, но это не значит, что они были закончены тогда, – и даже не значит, что они закончены теперь. Пока писатель не ушел в отставку или не умер, его работы не завершены; всегда можно внести изменения и правку. Тут есть и несколько совсем новых историй. И я хочу, чтобы ты знал, мой постоянный читатель: я страшно рад, что мы оба все еще здесь. Круто, да?

*С.К.*¹

¹ © Перевод. Т. Покидаева, 2015.

Предисловие²

Перевод Т. Покидаевой

Я смастерил для тебя несколько вещей, мой постоянный читатель; видишь, я разложил их перед тобой в лунном свете. Но прежде чем ты возьмешься рассматривать эти маленькие сокровища ручной работы, которые есть у меня на продажу, давай поговорим о них, ладно? Это не займет много времени. Вот, садись рядом со мной. Придвигайся поближе. Я не кусаюсь.

Хотя... мы знакомы уже много лет, и ты, я думаю, знаешь, что это не совсем правда. Да?

² © Перевод. Т. Покидаева, 2015.

I

Вы удивитесь – по крайней мере, я думаю, что удивитесь, – когда узнаете, насколько много людей задают мне вопрос, почему я до сих пор пишу рассказы. Причина очень проста: это приносит мне радость, поскольку я изначально «заточен» под то, чтобы развлекать людей. Я почти не умею играть на гитаре и совсем не умею отбивать чечетку, но писать я *умею*. Вот и пишу.

По натуре я – романист, тут я с вами согласен, и мне особенно нравятся объемистые романы, захватывающие и писателя, и читателя, романы, где у вымысла есть все шансы стать миром, который будет почти реальным. Это удивительный опыт. Если длинная книга имеет успех, то писатель с читателем не просто вступают в любовные отношения – они заключают брак. Если читатели пишут мне, что им было ужасно жаль, когда «Противостояние» или «11/22/63» закончились, я чувствую, что книга достигла цели.

Но все-таки стоит сказать и о более сжатом, более насыщенном опыте. Он может быть вдохновляющим и бодрящим, иногда – ошеломляющим, как вальс с незнакомкой, с которой ты больше никогда не увидишься, или как поцелуй в темноте, или красивая безделушка, выложенная на продажу на дешевеньком одеяле на уличном базаре. И да, когда выходит сборник моих рассказов, я чувствую себя лоточником, который торгует только в полночь. Я раскладываю товары и приглашаю читателей – то есть вас – подойти и выбрать изделие себе по вкусу. Но я всегда честно предупреждаю: будь осторожен, мой милый читатель, среди этих вещей есть опасные. В них скрыты ночные кошмары, они никак не идут из головы, когда вы ворочаетесь в постели, не в силах заснуть, и задаетесь вопросом, почему дверца шкафа открыта, ведь вы же помните, что закрывали ее, прежде чем лечь.

II

Я совру, если скажу, что мне нравится жесткая дисциплина ума, которой требует написание коротких рассказов. Для коротких рассказов необходимо владеть своеобразными навыками акробатики, что достигаются путем утомительных тренировок. *Легкое чтение есть продукт тяжеского труда писателя*, утверждают некоторые учителя, и это чистая правда. Промахи и ошибки, которые можно не заметить в большом романе, в коротком рассказе сразу режут глаз. Нужна жесткая дисциплина. Писателю приходится сдерживать порывы идти чарующими обходными путями, приходится держаться основного маршрута.

Именно при работе с короткой прозой я особенно остро ощущаю пределы своих возможностей. Мне доводилось бороться с ощущением собственной несостоятельности, с внутренним страхом, что я не сумею навести мост над пропастью между отличной идеей и ее воплощением. В общем, готовый продукт почти всегда кажется не в пример хуже блестящей идеи, однажды всплывшей из подсознания вместе с волнующей мыслью: *Ого! Это надо немедленно записать!*

Но иногда результат получается неплохим. Временами он получается даже лучше изначальной задумки. Я радуюсь, когда это происходит. Самое трудное – начать, и, должно быть, поэтому многие люди, мечтающие стать писателями, люди, у которых полно прекрасных идей, так и не могут заставить себя взять в руки перо или сесть за клавиатуру. Зачастую это подобно попыткам завести машину в морозный день. Поначалу мотор даже не реагирует, а только хрипит. Но если ты продолжаешь попытки (и если аккумулятор еще не умер), мотор заработает... сперва с перебоями... а потом уже по-настоящему.

Здесь есть рассказы, рожденные вспышками вдохновения (например, «Летний гром»), их надо было записывать сразу, пусть даже для этого приходилось прерывать работу над большим романом. Есть и другие, как «Миля 81», которые терпеливо ждали своей очереди десятилетиями. Однако жесткая сосредоточенность, необходимая для сочинения хорошего рассказа, всегда остается неизменной. Создание романа немного похоже на игру в бейсбол, где матч длится столько, сколько нужно, пусть даже до двадцати иннингов. Рассказ – это футбольный или баскетбольный матч: ты соревнуешься не только с командой соперников, но и со временем.

Когда речь идет о сочинении – что длинных романов, что коротких рассказов, – ты никогда не перестаешь учиться. Пусть в налоговой декларации я именуюсь профессиональным писателем, но с точки зрения творческого процесса все равно остаюсь любителем, все еще обучаюсь своему мастерству. Так происходит со всеми. Каждый день, посвященный писательству, – это учеба и битва за то, чтобы создать что-то новое. Филонить не разрешается. Нельзя приумножить талант – он поставляется в комплекте, – но можно добиться того, чтобы талант не скукожился. По крайней мере, мне бы хотелось так думать.

И да! Мне до сих пор это нравится.

III

Так что вот мой товар, постоянный читатель. Сегодня я продаю всего понемногу: чудовище, которое маскируется под машину (намек на «Кристину»), человека, способного убить тебя, написав твой некролог, электронную читалку с доступом в параллельные миры и к любимому всеми концу света. Я продаю эти вещицы, когда остальные торговцы давно разошлись по домам, когда улицы пустынь и над каньонами города встает холодная долька луны. Вот тогда я расстилаю *свое* одеяло и выкладываю *свой* товар.

Но хватит болтать. Может, теперь ты захочешь что-то купить? Все, что ты видишь, – ручная работа, и хотя мне очень дорого каждое из разложенных здесь изделий, я буду счастлив продать их тебе, потому что сделал их специально для тебя. Можешь смотреть, можешь трогать, но будь осторожен.

У самых лучших есть зубы.

6 августа 2014 г.

Миля 81³

Перевод Т. Покидаевой

Когда мне было девятнадцать и я учился в Мэнском университете, я периодически ездил из Ороно в маленький городок Дарем, который обычно описываю в своих книгах под названием Харлоу. Эти поездки я совершал по выходным, примерно раз в три недели, чтобы повидаться со своей девушкой... и заодно с мамой. У меня был подержанный «форд»-универсал 1961 года: «шесть в ряд вмиг домчат» и «три ступеньки под баранкой» (если не знаете, что это значит, спросите у папы). Машина досталась мне по наследству от брата Дэвида.

В те годы на шоссе I-95 не было такого плотного движения, как сейчас, а после Дня труда, когда отдыхающие возвращались к рабочим будням, машин на некоторых участках не наблюдалось вообще. Сотовых телефонов тогда тоже еще не было. В случае поломки где-то на трассе выбирать приходилось из двух вариантов: чинить тачку самостоятельно или дожидаться, пока какой-нибудь добрый самаритянин не отбуксирует тебя до ближайшей автомастерской.

Во время этих поездок у меня развился панический страх перед восьмьдесят пятой милей, обозначенной указателем «Миля 85», стоявшим посреди чистого поля где-то между Гардинером и Льюистоном. Почему-то во мне поселилась уверенность, что если моя колымага откинет колеса, то это случится именно здесь. Я прямо видел, как мой бедный «фордик» стоит на обочине, брошенный и одинокий. Притормозит ли кто-нибудь, чтобы убедиться, что с водителем все в порядке? Что он не корчится на сиденье, умирая от сердечного приступа? Разумеется, кто-нибудь остановится. Добрые самаритяне есть повсюду, и особенно – в захолустьях. Люди из захолустья всегда помогают своим.

Но, допустим, подумалось мне, мой старенький универсал – вовсе не то, чем кажется. Допустим, что это замаскированное чудовище, смертельная ловушка для неосторожных. Из этого может выйти отличный рассказ, решил я, и рассказ был написан. Я назвал его «Миля 85». Я ни разу не правил этот рассказ, не говоря уже о том, чтобы опубликовать, потому что потерял его. В те годы я регулярно закидывался кислотой и всегда все терял. Включая – на время – собственный рассудок.

Пролетело почти сорок лет. И хотя в двадцать первом веке движение на шоссе I-95 стало оживленнее, после Дня труда машин все равно становится намного меньше, а из-за сокращения бюджета власти штата были вынуждены закрыть многие придорожные зоны отдыха. Автозаправку с «Бургер кингом» (где я истребил немало «вопперов») неподалеку от съезда на Льюистон тоже закрыли. Она стояла заброшенная и унылая за знаками «НЕ ВХОДИТЬ» на барьерах, что перегораживали въезд и выезд. Асфальт на стоянке растрескался от зимних морозов, сквозь трещины проросли сорняки.

Однажды, проезжая мимо, я вспомнил свой давний потерявшийся рассказ и решил написать его заново. Заброшенная заправка располагалась чуть южнее пугающей восьмьдесят пятой мили, и мне пришлось изменить название. Все остальное, кажется, не изменилось. Возможно, этого придорожного оазиса уже нет – как нет старого «форда»-универсала, моей тогдашней подружки и многих прежних привычек, – но остался рассказ. Один из моих любимых.

³ © Перевод. Т. Покидаева, 2015.

1. Пит Симмонс («Хаффи» 2007-го)

– Тебе с нами нельзя, – сказал старший брат.

Джордж говорил вполголоса, хотя все его друзья-приятели (компания соседских мальчишек двенадцати-тринадцати лет, именовавших себя «Чумовыми громилами») ждали на углу, в конце квартала. Ждали с явным нетерпением.

– Это опасно.

Пит храбро ответил:

– Я не боюсь.

Хотя он, конечно, *боялся*. Чуть-чуть. Джордж с друзьями собирались к карьеру за кегельбаном. Там они хотели играть в игру, которую придумал Норми Терриоль. Норми был вожаком «Чумовых громил», а игра называлась «Десант из ада». Смысл ее состоял в том, чтобы разогнаться на бугристой тропинке, ведущей к краю гравийного карьера, и слететь оттуда вниз, на кучу песка. В полете требовалось спрыгнуть с велика, вопя во все горло: «Громилы круче всех!» Там было невысоко, футов десять, не больше, а песок был мягким и рыхлым, но рано или поздно кто-то наверняка промажет и вместо песка улетит на гравий. Сломает руку или ногу. Даже Пит понимал, как это опасно (но в этом-то и заключалась вся прелесть!). Если бы что-то случилось, родители бы точно узнали об их забавах и «Десанту из ада» конец. Но пока игра продолжалась – и в нее, ясное дело, играли без шлемов.

Однако Джордж прекрасно понимал, что младшего брата нельзя брать в игру; пока родители были на работе, он присматривал за Питом. Если бы Пит повредил велосипед в гравийном карьере, Джорджа ждало бы наказание и запрет выходить из дома на неделю, не меньше. Если Пит сломает руку, Джордж не выйдет гулять целый месяц. А если Пит – не дай бог! – свернет себе шею, Джорджу придется сидеть под домашним арестом до окончания школы.

К тому же он любил маленького сопляка.

– Ты пока тут потусуйся, – сказал Джордж. – Мы через пару часов вернемся.

– *С кем* мне тусоваться? – угрюмо спросил Пит. В школе весенние каникулы, все *его* друзья – «подходящие по возрасту», как сказала бы мама, – разъехались кто куда. Двоих повезли в Диснейуорлд в Орландо, и когда Пит думал об этом, его сердце переполнялось завистью, черной злой завистью.

– Ну займись чем-нибудь, – сказал Джордж. – Типа сходи в магазин. – Он сунул руку в карман и достал две смятые долларовые бумажки. – Вот тебе деньги.

Пит быстро взглянул на них.

– Ого, куплю себе «корвет». Может быть, даже два.

– Симмонс, давай быстрее! – крикнул Норми. – А то уедем без тебя!

– Уже иду! – крикнул в ответ Джордж, а потом обратился к Питу, снова вполголоса: – Бери деньги и не будь мерзкой соплей.

Пит взял деньги и сказал:

– Я захватил лупу. Хотел показать им...

– Они уже тысячу раз видели этот малышковый фокус, – перебил Джордж, но, заметив, как сник брат, попытался смягчить удар: – К тому же ты посмотри на небо, дубина. Солнца нет, сплошные тучи. В общем, ладно. Давай. Потом, когда вернусь, поиграем с тобой на компьютере, в «Морской бой», например.

– Все, мы поехали! – крикнул Норми.

– Мне пора, – сказал Джордж. – Пожалуйста, не влипай в неприятности. И не отходи далеко от дома.

– Может, ты себе спину сломаешь на хрен и останешься парализованным до конца жизни, – пробурчал Пит и тут же сплюнул через «козу» из двух пальцев, чтобы быстрее отменить проклятие. – *Удачи!* – крикнул он брату в спину. – *Победи всех!*

Джордж махнул рукой, давая понять, что услышал, но не обернулся. Он крутил педали своего огромного старого «швинна». Пит восхищался велосипедом, но ездить на нем не мог (он однажды попробовал и свалился прямо во дворе). Он смотрел, как брат набирает скорость и летит вдоль квартала частных домов в пригороде Оберна, спеша присоединиться к друзьям.

Потом Пит остался один.

Он достал лупу из подседельной сумки и поднес к предплечью, но пятнышка света не получилось. Ни пятнышка, ни тепла. Пит уныло уставился в хмурое небо, затянутое облаками, и убрал лупу обратно в сумку. Это была очень хорошая лупа, «Ричфорт». Питу подарили ее на прошлое Рождество для школьного проекта с муравьиной фермой.

– Все равно в конце концов она будет собирать пыль в гараже, – сказал папа.

Проект они сдали еще в феврале (Пит и его напарница Тэмми Уитем получили пятерки), но Пит до сих пор не расстался с лупой. Вопреки папиным прогнозам она ему не надоела. Больше всего ему нравилось прожигать дырки в кусочках бумаги на заднем дворе.

Но не сегодня. Сегодняшний день раскинулся перед ним как бескрайняя пустошь. Можно было бы вернуться домой и посмотреть телевизор, однако отец заблокировал все интересные каналы, когда обнаружил, что Джордж записывает на диски «Подпольную империю», где сплошные гангстеры и голые сиськи. На компьютере Пита тоже стоял «родительский контроль», и он еще не разобрался, как его обойти. Но он обязательно что-то придумает, дайте время.

Ну и?

– Ну и чем мне заняться? – пробурчал он и поехал, медленно крутя педали, к концу Мерфи-стрит. – Чем... на хрен... заняться?

Слишком маленький, чтобы играть в «Десант из ада», потому что это опасно. Усратья можно. Ему хотелось замутить что-нибудь этакое, чтобы показать Джорджу, Норми и всем остальным всадникам, что даже маленькие дети не боятся опаснос...

И тут его осенило. Можно разведать заброшенную зону отдыха. Вряд ли о ней знают большие ребята, потому что проход туда нашел Крейг Ганьон, ровесник Пита. Крейг говорил, что был там с еще двумя ребятами, десятилетними, прошлой осенью. Конечно, Крейг мог и наврать, но Пит так не думал. Слишком много подробностей. А Крейг не из тех, кто умеет выдумывать всякие небылицы. Тупой как пробка.

Определив себе цель, Пит пригнулся к рулю и поднажал. В конце Мерфи-стрит он свернул налево, на Хайасинт. Прохожих там не оказалось, машин тоже. Из дома Россиньoley доносился шум пылесоса, но в остальном было тихо. Как будто все умерли или спят. Хотя, наверное, все на работе, рассудил Пит. Как его папа с мамой.

Он свернул направо, на Роузвуд-террас, проехал мимо желтого знака «ТУПИК». На Роузвуд было не больше десятка домов. В конце улицы стояло сетчатое ограждение. За ним виднелись густые заросли кустарника и чахлые низкорослые деревца. Приблизившись к забору (с совершенно излишней табличкой «ПРОЕЗДА НЕТ»), Пит перестал крутить педали и съехал вниз по инерции.

Он понимал – смутно, – что хотя всегда думал о Джордже и его приятелях-«Громилах» как о больших ребятах (а сами «Громилы» точно считали себя таковыми), они были не *настоящими* большими ребятами. Настоящие большие ребята – это крутые, безбашенные подростки, у которых уже есть водительские права и подружки. Настоящие большие ребята учатся в старших классах. Они пьют спиртное, курят траву, слушают хэви-метал или хип-хоп и вовсю обжимаются со своими девчонками.

Где? На заброшенной зоне отдыха.

Пит слез с велика и огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает. Улица словно вымерла. Не было видно даже противных близняшек Кросскилл, которые вечно прыгали через скакалку (сразу вдвоем) по всей округе. Настоящее чудо, подумал Пит.

Он слышал ровный гул машин, мчавшихся по шоссе I-95 на юг к Портленду или на север к Огасте.

Даже если Крейг не соврал, забор наверняка починили, подумал Пит. *Так всегда и бывает.*

Но, рассмотрев ограждение поближе, увидел, что, хотя сетка *выглядит* целой, на самом деле она не целая. Кто-то (вероятно, какой-нибудь большой мальчик, уже давно влившийся в стройные ряды по-настоящему взрослых молодых людей) разрезал ячейки сетки по прямой линии сверху донизу. Пит еще раз огляделся и попробовал сдвинуть сетку. Она поддалась с неожиданной легкостью, он и не думал, что все будет так просто. Вырезанный кусок отогнулся наподобие калитки. Да, Пит не ошибся. Настоящие большие ребята используют этот проход. Круто.

И, если подумать, логично. Может, у них и есть права, но в зону отдыха на восемьдесят первой миле на машине не заедешь. Въезд и выезд перегорожены тяжеленными оранжевыми бочками, которыми пользуются дорожно-ремонтные бригады. Трава проросла сквозь трещины в крошащемся асфальте на пустой стоянке. Пит это видел тысячу раз, когда проезжал мимо в школьном автобусе, подбиравшем его у Лорелвуд. Автобус выруливал на шоссе I-95 и уже оттуда съезжал на Сабаттус-стрит, где располагалась Обернская начальная школа номер 3, также известная как Алькатрас.

Пит помнил то время, когда зона отдыха на восемьдесят первой миле еще работала. Здесь были автозаправка, «Бургер кинг», «Ти-си-би-уай» и «Сбарро». Потом все закрылось. Папа Пита говорил, что на шоссе закрывается много придорожных зон отдыха, поскольку у властей штата нет денег на их содержание.

Пит протасил велосипед через дыру в ограждении, потом аккуратно вернул отогнутый кусок на место, чтобы со стороны сетка казалась целой, и зашагал к изгороди из кустарников, внимательно глядя под ноги, чтобы колесо велосипеда не попало на битое стекло (с этой стороны забора все было им усыпано). Пит искал то, на что намекала прорезь в сетке.

И не ошибся. Вот она, обозначенная втоптанными в землю окурками и разбросанными бутылками из-под пива и лимонада: тропинка, уходящая в глубь кустов. По-прежнему веда велик рядом, Пит пошел по тропинке. Высокий кустарник поглотил мальчика. Роузвуд-террас за его спиной мирно дремала под хмурым весенним небом.

Как будто Пит Симмонс там и не проезжал.

По прикидкам Питера, длина тропинки между сетчатым ограждением и зоной отдыха составляла около полумили, и вдоль нее – от начала и до конца – виднелись указательные знаки, оставленные большими ребятами: полдюжины маленьких пузырьков из коричневого стекла (два – с прикрепленными к ним маленькими кокаиновыми ложечками, покрытыми коркой соплей); пустые пакеты из-под чипсов; кружевные девчачьи трусики, висевшие на колючем кусте (похоже, они тут висели уже давно, лет пятьдесят), и – вот везение! – наполовину полная бутылка водки «Попов» с плотно закрученной крышкой. После некоторой внутренней борьбы Пит все-таки поднял бутылку и спрятал в подседельную сумку, где лежали лупа, последний номер «Замка и ключа» и несколько печений «Орео».

Он перекатил велосипед через вялый мутный ручеек и – есть контакт! – вышел к зоне отдыха с задней стороны. Там было еще одно сетчатое ограждение, тоже разрезанное сверху донизу, и Пит без труда проскользнул за него. Тропинка тянулась дальше сквозь высокую траву, к задней стоянке. Пит подумал, что там, наверное, разгружались машины доставки. Ближе к зданию на асфальте виднелись прямоугольные участки более темного цвета – там, где

раньше стояли мусорные баки. Пит поставил свой «хаффи» на один из этих прямоугольников и опустил подножку.

Когда он подумал о том, что сейчас будет, сердце бешено заколотилось у него в груди. *Проникновение со взломом, мой помпончик. За такое сажают в тюрьму.* Но проникновение ли это со взломом, когда ты вламываешься куда-то через открытую дверь или через забитое расшатанными досками окно? Пит рассудил, что это все равно будет проникновением, но без взлома. А ведь проникновение само по себе – это не преступление?

В душе Пит был уверен, что преступление, однако рассудил, что без взлома за него в тюрьму не сажают. И потом, он же для этого сюда и пришел! Чтобы предпринять что-то рискованное. Что-то такое, чем потом можно будет похвастаться перед Норми, и Джорджем, и остальными «Чумовыми громилами».

Да, ему было страшно, но зато не скучно.

Он попробовал открыть дверь с выцветшей табличкой «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД», но дверь была заперта. И не просто заперта, а *всерьез* – она никак не поддавалась. Два окна рядом с дверью были крепко забиты досками. Тут Пит вспомнил о сетчатом ограждении, которое казалось целым, но целым не было, и решил подергать доски. Никакого результата. В каком-то смысле это было даже хорошо. Теперь можно было спокойно уйти. Он сделал что мог.

Хотя... настоящие большие ребята туда *заходили*. В этом Пит был уверен. И как они заходили? Через главный вход? Который отлично просматривается с шоссе? Может быть. Если дело было ночью. Но Питу совершенно не хотелось ломиться в здание через главный вход при свете дня. Когда любой проезжающий мимо водитель может схватить мобильный, набрать 911 и сказать: «Вам, наверное, будет небезынтересно узнать, что тут какой-то малец ошивается на заброшенной зоне отдыха на семьдесят первой миле. Ну, знаете, где раньше был «Бургер кинг».

Лучше уж сломать руку, играя в «Десант из ада», чем встретиться с родителями, когда им позвонят из полицейского участка. На самом деле лучше сломать обе руки и чтобы мне член защемило молнией.

Ну, последнего, может быть, и не надо.

Он подошел к люку для погрузки-разгрузки, и тут ему вновь повезло. На бетонной площадке под люком валялись раздавленные окурки и еще несколько пузырьков коричневого стекла, окружавших своего короля: темно-зеленый флакон от «Найкуила». Сам разгрузочный люк, к которому задом подъезжали фуры, располагался достаточно высоко, но бетонная стена раскрошилась, и там было за что зацепиться ловкому мальчишке в удобных мягких кроссовках. Пит поднял руки над головой, нащупал опору... а остальное, как говорится, уже история.

Наверху виднелась надпись большими красными буквами, уже успевшими поблекнуть: «ЭДВАРД ЛИТЛ РУЛИТ, КРАСНЫЕ ВИХРИ КРУЧЕ ВСЕХ». *Неправда*, подумал Пит. «Чумовые громилы» *круче всех*. Он оглядел с высоты задний двор, улыбнулся и произнес:

– На самом деле я круче всех.

Стоя там, наверху, над пустой автостоянкой заброшенной зоны отдыха, он и вправду чувствовал себя крутым. Сейчас – да.

Он спустился вниз – просто чтобы убедиться, что никаких проблем не возникнет, – и только тогда вспомнил про свою подседельную сумку. Запасы на случай, если ему вдруг захочется провести здесь целый день, исследуя обстановку и все такое. Он задумался, что взять с собой, а потом решил отстегнуть сумку и взять все. Мало ли что пригодится. Даже лупа может понадобиться. В голове Пита начала формироваться смутная фантазия: мальчик-детектив находит труп жертвы убийства на территории заброшенной зоны отдыха и раскрывает преступление еще прежде, чем полиция узнает, что оно вообще совершено. Пит представлял, как

рассказывает обо всем «Чумовым громилам», говорит им, что это было несложно на самом деле, а они слушают, раскрыв рты. Элементарно, мои дорогие задроты.

Бред собачий, конечно, но притвориться-то можно.

Он забросил сумку на край люка (очень осторожно, чтобы не грохнуть бутылку с водкой) и сам забрался наверх. Ведущая внутрь металлическая дверь высотой не менее двенадцати футов была заперта на два здоровенных висячих замка, но в большой двери имелась дверь в человеческий рост. Пит попытался повернуть ручку. Ручка не двигалась. Пит навалился на дверь плечом, и она чуть приоткрылась. На самом деле неплохо так приоткрылась. Он посмотрел вниз и увидел, что дверь держит деревянный клин. Совершенно дебильская предосторожность. С другой стороны, а чего ожидать от ребят, окосевших от кокса и сиропа от кашля?

Пит убрал клин, и дверь распахнулась.

В бывшем помещении «Бургер кинга» окна были не заколочены досками, а просто затянуты мелкой сеткой. Достаточно света, чтобы оглядеться. Из обеденного зала убрали все столы и перегородки, в кухонном отсеке было пусто и сумрачно, из стен торчали провода, с потолка свисали отвалившиеся плитки, но какая-то мебель все же имелась.

В самом центре, в окружении складных стульев, стояли два старых карточных стола, сдвинутых вместе. На столах в художественном беспорядке располагалось с полдюжины грязных пепельниц, несколько колод засаленных карт и коробка покерных фишек. На стенах висели постеры из взрослых журналов, штук двадцать-тридцать. Пит изучил их с большим интересом. Он знал о женских письках, видел их – и не раз – на эротических каналах (пока родителям не хватило ума заблокировать кабельное ТВ), но здесь они были *бритыми*. Пит не совсем понимал, в чем прикол – с его точки зрения, смотрелись они по-дурацки, – но он, наверное, еще проникнется. Когда станет старше. Зато голые сиськи с лихвой восполняли все недостатки. Голые сиськи – это чума.

В углу лежали три грязных матраса, тоже сдвинутые, как карточные столы, но Пит был уже достаточно взрослым и понимал, что там играют вовсе не в покер.

– Покажи мне свою письку! – приказал он одной из журнальных девушек на стене и захихикал. Потом сказал: – Покажи мне свою *бритую* письку! – и расхохотался. Даже жалко, что рядом нет Крейга Ганьона. Хотя он и полный дебил. Они бы вместе посмеялись над бритыми письками.

По-прежнему давясь смехом, он обошел по кругу весь зал. В помещении было промозгло, но не слишком холодно. Правда, воняло ужасно: смесь застарелого сигаретного дыма, травки и гнилой плесени, расплзавшейся по стенам. Питу показалось, что он чувствует запах протухшего мяса. Может быть, это были остатки сандвичей, купленных в «Росселли» или «Сабвее».

На стене рядом с прилавком, где раньше люди заказывали «вопперы» и «вейлеры», Пит обнаружил еще один постер. С Джастином Бибером лет в шестнадцать. Кто-то закрасил ему зубы черным, налепил на щеку переводную татуировку и пририсовал по обе стороны от чубчика красные дьявольские рога. Лицо Джастина было утыкано дротиками для дартса. На стене над постером виднелась надпись черным маркером: «РОТ 15 ОЧЬКОВ, НОС 25 ОЧЬКОВ, ГЛАЗА 30 ОЧЬКОВ ЗА КАЖДЫЙ».

Пит вытащил дротик и отошел в другой конец большого пустого зала, к черной линии на полу, рядом с которой было написано: «БИБЕР-ЛИНИЯ». Он встал на линии и бросил все шесть дротики. Потом бросил снова. И так раз десять-двенадцать. На последней попытке он набрал сто двадцать пять очков и подумал, что это очень неплохо. Представил, как Джордж и Норми Терриоль ему аплодируют.

Пит подошел к затянутому сеткой окну, посмотрел на пустой бетонный островок, где раньше стояли бензоколонки, и на шоссе сразу за ним. Машин было мало. Наверное, летом,

когда наезжают туристы и отдыхающие, тут опять будут пробки. Если кто-то вообще соберется куда-то ехать. Папа говорил, что бензин стоит уже семь баксов и все будут сидеть по домам.

Что теперь? Он поиграл в дартс, посмотрелся на бритые письки... ну, может, и не на всю оставшуюся жизнь, но на несколько месяцев точно, никаких трупов не обнаружено, убийство расследовать не получится, и что теперь?

Водка, решил Пит. Теперь он будет пить водку. Ну, как пить... сделает пару глотков, чтобы потом похвастаться. Да, он сделает пару глотков и вернется на Мерфи-стрит. Он постарается, чтобы рассказ о его приключениях был интересным, даже захватывающим, но, если честно, ничего интересного тут не было. Просто место, куда приходят большие ребята, чтобы поиграть в карты, пообщаться с девчонками и не промокнуть во время дождя.

Но выпивка... это уже *кое-что*.

Он отнес подседельную сумку в угол, присел на матрас (стараясь выбрать место почище, что было непросто), достал из сумки бутылку водки и принялся мрачно ее изучать. Ему было десять, почти одиннадцать, и он не особенно стремился пробовать взрослые удовольствия. В прошлом году он стащил сигарету из дедушкиной пачки и выкурил на заднем дворе круглосупермаркета. Выкурил до половины на самом деле. А потом согнулся пополам, и его вырвало. В тот день он узнал кое-что интересное, но бесполезное: сосиски с фасолью выглядят не особенно аппетитно, когда лежат на тарелке, но они хотя бы вкусные. Когда тебя ими рвет, они выглядят кошмарно, а вкус у них, должно быть, еще хуже.

Сигареты его организм отверг сразу и определенно, поэтому можно было предположить, что и с выпивкой будет так же, если не хуже. Но если не выпить хотя бы глоточек, вся похвальба будет ложью. А у его брата Джорджа в голову встроен радар на ложь, по крайней мере, касательно самого Пита.

Может, меня снова стошнит, подумал он, а потом сказал:

– Утешает одно: я буду не первым, кто здесь наблевал.

Он опять рассмеялся. Все еще улыбаясь, открыл бутылку и поднес горлышко к носу. Пахнет, да. Но не сильно. Может, это не водка, а самая обыкновенная вода. Просто запах остался. Он поднес бутылку ко рту, надеясь, что это вода, и одновременно надеясь, что нет. Он не ожидал ничего особенного и уж точно не собирался напиваться – а то еще грохнет с верхотуры и свернет себе шею, когда будет слезать, – но ему было любопытно. Его родители *любили* выпить.

– Ты первый, а я за тобой, – сказал он без всякой причины и отпил глоточек.

Это была не вода, можно не сомневаться. На вкус – как горячий бензин. Он проглотил то, что набрал в рот, скорее от удивления. Водка обожгла горло, потом взорвалась в желудке.

– Ну ваще! – воскликнул Пит.

Из глаз брызнули слезы. Он держал бутылку в вытянутой руке, словно боялся, что она его укусит. Но обжигающий жар в желудке уже затихал, и Пит чувствовал себя нормально. Он не был пьян, и его не тошнило. Он отпил еще глоточек, уже зная, чего ожидать. Жар во рту... жар в горле... а потом *БУХ!* в желудке. Даже круто, в самом деле.

Он ощущал покалывание в руках. И, кажется, в шее. Не такое, как бывает, когда отсидишь ногу, а как будто внутри что-то пробуждалось.

Пит снова поднес бутылку ко рту, но потом передумал. И дело было даже не в том, что он мог упасть, когда будет слезать, или грохнуть с велосипеда по дороге домой (интересно, могут ли арестовать человека за вождение велика в пьяном виде, подумал он и решил, что, наверное, могут). Одно дело – выпить пару глотков, чтобы потом хвастаться перед старшим братом, другое дело – напиться в хлам. Родители точно заметят, когда вернутся с работы. Поймут с первого взгляда. Не стоит даже пытаться изображать трезвого. Дохлый номер. Они сами пьют, их друзья пьют, и иногда пьют слишком много. Они сразу же просекут, что к чему.

К тому же его ужасно пугало ПОХМЕЛЬЕ. Пит с Джорджем не раз и не два наблюдали, как по субботам и воскресеньям папа с мамой еле ходят по дому, с бледными лицами и крас-

ными глазами. Они пьют витамины, просят убавить звук в телевизоре, а музыка категорически запрещается. Похоже, ПОХМЕЛЬЕ – полная противоположность веселью.

Хотя, может быть, от одного маленького глоточка вреда не будет.

Пит сделал еще глоток, чуть-чуть побольше, и выкрикнул в полный голос:

– *Уходим в отрыв!*

Это его рассмешило. Слегка кружилась голова, но это было приятное ощущение. Курением он не проникся. А вот выпивкой, кажется, да.

Он вскочил на ноги, покачнулся, но устоял и снова расхохотался.

– Прыгайте в свою песочницу сколько влезет, – сказал он в пустоту. – Детский сад, штаны на лямках. А я вот ужрался, и это круче.

Это было *очень* смешно, у него даже живот заболел от смеха.

Я что, правда ужрался? Всего с трех глотков?

Нет, вряд ли ужрался, но был явно *хорош*. Все, хватит. Хорошенького понемножку.

– Пить надо с умом, – ухмыльнулся он.

Пит решил задержаться еще ненадолго и подождать, пока не пройдет опьянение. Часа, наверное, хватит. Может, двух. Скажем, до трех дня. Часов у него не было, но он должен услышать колокола церкви Святого Иосифа, располагавшейся в миле отсюда. Потом он поедет домой, предварительно припрятав бутылку водки (для дальнейшего изучения). На обратном пути он забежит в супермаркет и купит ядреную мятную жвачку, чтобы от него не несло перегаром. Да, ребята рассказывали, что от водки *нет* запаха, но теперь Пит стал умнее, чем был час назад.

– К тому же, – проговорил он тоном профессора, читающего лекцию, – глаза у меня нарвняка покраснели, как у папы, когда он петеберет матрини.

Пит запнулся. Слова выговаривались как-то странно, но и хрен с ним.

Он собрал дротики, встал на Бибер-линии и бросил их в цель. Пять раз промахнулся, зато шестой дротик попал Джастину в самое прикольное место. Интересно, а смог бы Джастин забачать хит «Моя малышка бреет писью»? Пит расхохотался так сильно, что согнулся пополам, держась за живот.

Отсмеявшись, он стряхнул на пол сопли (*вот такой ресторанный рейтинг, уж прости, «Бургер кинг»*) и вернулся на Бибер-линию. На этот раз получилось еще хуже. У Пита не двоилось в глазах, ничего такого, просто он не попал в Бибера.

И его слегка подташнивало. Не сильно, но все же Пит мысленно порадовался, что не стал делать четвертый глоток.

– А то сбежал бы весь мой «Попов», – сказал он и опять рассмеялся. Потом подавил кислую, жгучую отрыжку. *Ик*. Пит не стал собирать дротики, вернулся в угол и присел на матрас. Подумал, а не достать ли лупу, чтобы рассмотреть, ползает там кто-нибудь или нет, но решил, что лучше не надо. Меньше знаешь, крепче спишь. Потом Пит подумал, а не съесть ли печенье, но испугался, что желудок его не примет. Если честно, желудок слегка подкручивало.

Он лег на матрас, закинув руки за голову. Он слышал, что, когда напиваешься, перед глазами все крутится. У него ничего не крутилось, но хотелось вздремнуть.

– Только совсем недолго.

Да, недолго. Иначе будут неприятности. Надо вернуться домой до прихода родителей. В противном случае ему крепко влетит. И Джорджу, наверное, тоже. За то, что недоглядел за младшим братом. Проблема в том, чтобы проснуться, когда колокола церкви Святого Иосифа пробьют три часа дня.

В последние секунды бодрствования Пит осознал, что на это остается только надеяться. Потому что его ужасно клонило в сон.

Он закрыл глаза.

И уснул в заброшенном ресторане.

Тем временем на правой полосе южного направления шоссе I-95 возник микроавтобус непонятной марки и года выпуска. Он еле тащился со скоростью явно ниже предписанной минимальной. Ехавшая позади фура обогнала его, нетерпеливо сигналила.

Микроавтобус, который, казалось, двигался лишь по инерции, свернул на въезд в зону отдыха, не обращая внимания на знак «ЗАКРЫТО. НЕ РАБОТАЕТ. СЛЕДУЮЩАЯ АВТО-ЗАПРАВКА И ПУНКТ ПИТАНИЯ – ЧЕРЕЗ 27 МИЛЬ». Сбил четыре оранжевые бочки и остановился примерно в семидесяти ярдах от здания закрытого ресторана. Дверь с водительской стороны приоткрылась, но никто не вышел из салона. Сигнализация открывания двери тоже не сработала. Дверь лишь приоткрылась – и все.

Если бы Пит Симмонс не спал, а смотрел в окно, он все равно бы не смог разглядеть водителя. Микроавтобус был весь забрызган грязью, ее потеки покрывали лобовое стекло. И это казалось странным, потому что на севере Новой Англии дожди не шли больше недели и шоссе было совершенно сухим.

Микроавтобус стоял на некотором расстоянии от въезда, под облачным апрельским небом. Раскатившиеся бочки замерли. Водительская дверь была приоткрыта.

2. Даг Клейтон («Приус» 2009-го)

Даг Клейтон, страховой агент из Бангора, ехал в Портленд, где у него был забронирован номер в «Шератоне». Он надеялся добраться туда не позже двух часов дня. Тогда у него будет время вздремнуть (дневной сон – роскошь, которую он мог позволить себе нечасто) перед тем, как отправиться на поиски приличного ресторана на Конгресс-стрит. Завтра он прямо с утра, свеженький как огурчик, явится в Портлендский конференц-центр, получит бейджик и присоединится к четырем сотням других страховых агентов, съехавшихся на конференцию под названием «Пожар, буря и наводнение: страхование от стихийных бедствий в двадцать первом веке». Даг, уже проехавший указатель «Миля 82», стремительно приближался к своему личному стихийному бедствию, о котором на портлендской конференции не будет сказано ни слова.

Его портфель и чемодан лежали на заднем сиденье. На переднем лежала Библия (Библия короля Якова; других Даг не признавал). Даг был одним из четырех мирских проповедников в церкви Пресвятого Спасителя и на проповедях любил называть свою Библию «универсальным справочником по страхованию».

Даг принял Иисуса Христа в качестве своего личного спасителя после десятилетия беспробудного пьянства, погубившего всю его юность и большую часть молодости. Этот десятилетний запой завершился разбитой машиной и месяцем в окружной тюрьме Пенобскота. В первую же ночь в вонючей камере размером с гроб Даг преклонил колена – и потом делал так все тридцать ночей.

«Помоги мне исправиться, помоги мне стать лучше», – молился он и в первую ночь, и во все остальные. Это была очень простая молитва, но ему воздалось двукратно, десятикратно, а потом и стократно. Он был уверен, что пройдет еще несколько лет, и ему воздастся тысячекратно. Но самое главное, в конце земного пути его ждали Небеса.

Его Библия была изрядно потрепанной, потому что он читал ее каждый день. Ему нравились все истории, но больше всего – притча о добром самаритянине, и он чаще всего о ней раздумывал. Он прочитал несколько проповедей на тему этого отрывка из Евангелия от Луки, и прихожане церкви Пресвятого Спасителя не скупилась на похвалы, храни их Бог.

Даг объяснял это тем, что история о добром самаритянине была для него очень *личной*. Священник прошел мимо лежащего на пыльной дороге человека, избитого и ограбленного разбойниками; левит также прошел мимо. А кто шел следом? Скверный, ненавидящий евреев самаритянин. И вот он-то помог несчастному, хотя всей душой ненавидел евреев. Он перевязал раны избитого человека, посадил его на своего осла, привез в ближайшую гостиницу и оплатил проживание.

«Так кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» – спросил Иисус у молодого законника, который выпытывал у него, что надо делать, чтобы наследовать жизнь вечную. И законник, человек явно неглупый, ответил: «Тот, кто оказал ему милость».

Больше всего на свете Даг Клейтон боялся стать таким же, как левит из притчи. Отказать в помощи нуждающемуся. Пройти мимо и не остановиться. Поэтому, увидев заляпанный грязью микроавтобус на подъездной дорожке у закрытой зоны отдыха – опрокинутые заградительные бочки, приоткрытую водительскую дверь, – он, почти не задумываясь, включил поворотник и свернул с шоссе.

Он поставил машину за микроавтобусом, включил аварийку и уже почти вышел наружу, но вдруг ему показалось, что сзади у микроавтобуса не было номеров... хотя из-за плотного слоя грязи понять это было затруднительно. Даг взял свой мобильный с приборной панели и убедился, что он включен. Доброе самаритянство – это, конечно, хорошо; но приближаться

к непонятной машине без номеров, не приняв меры предосторожности, было бы вопиющей глупостью.

Держа телефон в левой руке, Даг подошел к микроавтобусу. Да, номера действительно отсутствовали. Он попробовал заглянуть в салон через заднее стекло, но ничего не увидел. Слишком толстый слой грязи. Даг шагнул к приоткрытой водительской двери, но остановился и, нахмурившись, оглядел целиком всю машину. Это «форд»? «Шевроле»? Непонятно. А ведь по долгу службы Даг лично застраховал не одну сотню микроавтобусов.

Нестандартная модель на заказ? – подумал он. Ну может быть. Но кому придет в голову переделывать микроавтобус во что-то *настолько близкое?*

– Эй! У вас все в порядке?

Он подошел к приоткрытой двери, даже не отдавая себе отчета в том, как крепко стиснул в руке телефон. Ему вдруг вспомнился фильм ужасов, который в детстве напугал его до полусмерти. Что-то про дом с привидениями. Группа подростков подходит к заброшенному старому дому, один из них видит, что дверь приоткрыта, и шепчет приятелям: «Смотрите, открыто!» Хочется крикнуть им, что не надо туда заходить, но они, разумеется, заходят.

Что за глупости? Если там кто-то есть, он может быть ранен.

Конечно, водитель мог пойти в ресторан, например, в поисках телефона-автомата, но если он ранен *серьезно...*

– Эй!

Даг потянулся к ручке двери, но потом передумал и заглянул в щель. Зрелище было поистине ужасающим. Все сиденье заляпано грязью; и не только сиденье, но и руль, и приборная доска. С кнопок старомодной радиолы капала какая-то темная жижа, а на руле виднелись отпечатки... кажется, даже не человеческих рук. Отпечатки ладоней были до жути огромными, а пальцев – узкими, словно карандаши.

– Тут есть кто-нибудь? – Даг переложил телефон в правую руку, а левой взялся за край водительской двери, собираясь открыть ее шире, чтобы заглянуть на заднее сиденье. – Если вы ранены...

Он успел уловить кошмарную вонь, а потом левая кисть взорвалась обжигающей болью, которая пронзила все тело и как будто заполнила его изнутри. Даг не закричал, не смог закричать. Горло сдавило от шока. Он опустил взгляд и увидел, что ручка двери словно проткнула ему ладонь.

Пальцев почти не было. Даг видел только обрубки, ровно по нижним фалангам. Так не бывает, но дверь машины проглотила его пальцы. Прямо на глазах у Дага безымянный палец обломился. Обручальное кольцо упало и покатилося по асфальту.

Он чувствовал что-то похожее... Господи Боже, Иисус милосердный... что-то похожее на зубы. Они двигались и жевали. Машина жрала его руку.

Он попытался вырваться. Брызнула кровь, попала на заляпанную грязью дверь и на брюки Дага. Капли, попавшие на дверь, мгновенно исчезли – их втянуло внутрь с противным сосущим звуком. У Дага почти получилось выдернуть руку. На миг он увидел белые кости пальцев, с которых объели все мясо. Перед глазами встала кошмарная картина, как он вгрызается в жареное куриное крылышко. *Сначала доешь это, а потом бери новое*, так всегда говорила мама. *Все доедай, на костях мясо слаще.*

А потом его резко рванули обратно. Водительская дверь распахнулась, как бы приглашая: *Привет, Даг, мы тебя ждали, давай заходи.* Он ударился головой о верхний край двери и почувствовал, как лоб прочертила ледяная линия, которая тут же сделалась горячей, когда край разрезал кожу.

Он еще пытался сопротивляться. Уронил телефон и уперся свободной рукой в заднее окно. Но стекло прогнулось под его ладонью, а потом поддалось и обхватило запястье. Даг

увидел, что стекло – или то, что *казалось* стеклом – идет рябью, как пруд на ветру. Почему оно пошло рябью? Потому что жевало. Потому что пожирало Дага.

Вот что я получаю за то, что был добрым самари...

Верхний край двери прорезал череп и добрался до мозга. Даг Клейтон услышал громкое, сочное ЧПОК, словно сосновая шишка взорвалась в костре. А потом он провалился во тьму.

Водитель службы доставки, проезжавший по шоссе, увидел маленькую зеленую машину с включенной аварийкой, припаркованную позади заляпанного грязью микроавтобуса. Мужчина – вероятно, владелец зеленой машины – стоял у распахнутой двери микроавтобуса и, похоже, беседовал с его водителем. *Сломался, наверное*, подумал водитель службы доставки и проехал мимо. Он не был добрым самаритянином.

Дага Клейтона рывком затащили в микроавтобус, словно чьи-то руки – те самые, с большими ладонями и пальцами-карандашами – схватили его за грудки и втянули внутрь. Микроавтобус изменил очертания и сморщился, словно рот, в который попало что-то на редкость кислое... или на редкость сладкое. Изнутри донесся громкий хруст: такой звук бывает, когда шагаешь в тяжелых ботинках по лесу и у тебя под ногами трещат сухие ветки. Секунд десять микроавтобус оставался сморщенным, напоминая не автомобиль, а скорее шишковатый сжатый кулак. Потом с громким чпоканьем, будто кто-то ударил ракеткой по теннисному мячу, принял прежнюю форму.

Солнце на миг выглянуло из облаков, отразилось ослепительным бликом от телефона и зажгло мгновенный горячий круг света на обручальном кольце Дага Клейтона. Потом снова скрылось за серой завесой.

Позади микроавтобуса зеленый «приус» мигал аварийкой. Огни тикали, как часы: *Тик... тик... тик.*

Несколько машин проехало мимо, но их было немного. Рабочие недели до Пасхи и после Пасхи – мертвый сезон на федеральном шоссе, а время от полудня до вечера – мертвое время суток, уступающее только глухим ночным часам от полуночи до пяти утра.

Тик... тик... тик.

В пустом ресторане мирно спал Пит Симмонс.

3. Джулиана Вернон («Додж-Рэм» 2005-го)

Джулиане Вернон не требовалась Библия короля Якова, чтобы научиться быть доброй самаритянкой. Она выросла в крошечном городке Ридфилд, штат Мэн (население две тысячи четыреста человек), где соседская взаимопомощь была нормой жизни и любой незнакомец тоже был как сосед. Никто ей этого не объяснял, но она видела живые примеры: мама, папа, старшие братья. Как известно, обучение на примерах – самое лучшее. Увидев человека, лежащего в придорожной пыли, не разбираешься, кто он, самаритянин или марсианин. Просто подходишь и помогаешь.

Она никогда не боялась, что ее изнасилует, ограбит или убьет тот, кто лишь притворяется нуждающимся в помощи. Джули принадлежала к тем женщинам, из которых, по выражению старых мэнских янки, получаются хорошие жены, потому что «зимой она согреет, а летом даст тень». Когда школьная медсестра спросила у Джули, тогда учившейся в пятом классе, какой у нее вес, та гордо ответила: «Папа говорит, что во мне около ста семидесяти фунтов. Без одежды – чуть меньше». Теперь, в тридцать пять лет, Джули весила около двухсот восьмидесяти фунтов и не имела намерения становиться кому-то хорошей женой. Она была лесбиянкой, и этим гордилась. На заднем бампере ее «доджа» красовались две наклейки. На одной было написано: «Я ЗА РАВЕНСТВО ПОЛОВ». На другой, ярко-розовой, – «РАДУГА – ЭТО ЗДОРОВО!»

Сейчас наклеек не было видно, потому что Джули везла прицеп, который называла «коняшкин трейлер». Она купила в Клинтоне двухлетнюю кобылу низкорослой испанской породы и теперь возвращалась в Ридфилд – там она жила с подругой на ферме буквально в двух милях от дома, где родилась и выросла.

Джули размышляла, как делала частенько, о тех пяти годах, что провела с «Блестящими», женской командой, участвовавшей в боях в грязи. Это были одновременно плохие годы и хорошие годы. Плохие, потому что к «Блестящим» в основном относились как к шоу уродов (каковыми они и были в каком-то смысле). Хорошие, потому что Джули повидала мир. По большей части мир ограничивался Америкой, но однажды «Блестящие» три месяца разъезжали по Европе – по Англии, Франции и Германии, – где их принимали с таким уважением, что это было почти жутковато. Иными словами, с ними обращались как с юными леди.

Паспорт был у нее до сих пор, и она продлила его в прошлом году, хотя знала, что вряд ли опять поедет за границу. И в общем ее это не огорчало. В общем Джули была счастлива и довольна жизнью на ферме с Амелией и их разношерстным зверинцем, но иногда она скучала по турам с «Блестящими»: представления в разных городах, схватки под светом прожекторов, грубоватый дух товарищества, царивший в их женской команде. Иногда она даже скучала по стычкам со зрителями.

«Хватай ее за задницу, она лесби, ей нравится!» – выкрикнул какой-то безмозглый урод на представлении... кажется, в Талсе, если не подводит память.

Джули и Мелисса, ее партнерша в грязевой яме, переглянулись, кивнули друг другу и встали, выпрямившись в полный рост, лицом к той секции трибун, откуда раздался выкрик. Они стояли, почти голые, в микроскопических трусиках, жидкая грязь стекала ручьями с их волос и груди, затем одновременно вскинули руки и показали крикуну средний палец. Зал взорвался бурными аплодисментами... а потом зрители встали и зааплодировали уже стоя, когда сначала Джули, а за ней и Мелисса развернулись, наклонились, стащили с себя трусы и показали обидчику голые задницы.

Джули с детства усвоила, что, если кто-то упал и не может подняться, ему надо помочь. Она также усвоила, что нельзя позволять обливать себя дерьмом, идет ли речь о твоих лошадях, весе, роде занятий или сексуальной ориентации. Один раз позволишь облить себя дерьмом – и очень скоро окажешься в нем по уши.

Диск, который слушала Джули, закончился, и она уже собиралась его сменить, как вдруг увидела впереди машину, припаркованную на подъездной дорожке к закрытой зоне отдыха на восемьдесят первой миле. Машина мигала аварийными огнями. Там был еще один автомобиль. Старый, заляпанный грязью микроавтобус. То ли «форд», то ли «шевроле» – непонятно.

Джули не раздумывала, поскольку решать было нечего. Она включила поворотник, увидела, что на подъездной дорожке уже нет места для ее внедорожника вместе с прицепом, и съехала на обочину, прижавшись как можно ближе к краю, но при этом стараясь не угодить колесами в мягкую землю. Меньше всего ей хотелось опрокинуть прицеп с лошадьёю, за которую она заплатила тысячу восемьсот долларов.

Возможно, здесь не случилось ничего страшного, но все-таки следовало проверить. Всякое в жизни бывает: вдруг у беременной женщины начались схватки прямо за рулем, а парень, который остановился помочь, разволновался и упал в обморок. Джули тоже включила аварийный сигнал, хотя из-за прицепа фонари были почти не видны.

Она выбралась из салона, посмотрела на две машины на подъездной дорожке – там не было ни души. Возможно, кто-то уже подобрал обоих водителей, но, скорее всего, они пошли к ресторану. Джули очень сомневалась, что они там что-то найдут; зону отдыха закрыли еще в прошлом сентябре. Джули сама не раз останавливалась на восемьдесят первой миле, чтобы взять мороженое в «Ти-си-би-уай», но теперь приходилось перекусывать в Огасте, в двадцати милях к северу.

Джули подошла к задней части прицепа. Ее новая лошадь – Диди – высунула нос в окошко. Джули погладила Диди:

– Тише, малышка. Я быстро.

Она открыла дверцу, чтобы дотянуться до ящика, встроенного в левую стенку прицепа. Диди решила, что дверцу открыли специально для нее и что уже можно выйти на волю, но Джули удержала ее мощным плечом и снова пробормотала:

– Тише, малышка.

Она заглянула в ящик. Внизу лежали инструменты, а сверху – несколько фальшфейеров и два ярко-розовых дорожных конуса. Джули взяла только конусы (фальшфейеры пока не требовались: небо потихоньку прояснялось). Закрывает ящик, а то Диди еще залезет туда копытом и, не дай бог, поранится. Потом закрыла и заперла дверцу прицепа. Диди снова высунула нос в окошко. Джули не верила, что лошадь может выглядеть встревоженной, но сейчас ей показалось, будто так и есть.

– Я быстро, – пообещала она, поставила за прицепом дорожные конусы и направилась к машинам.

Маленький зеленый «приус» был пуст, но не заперт. Джули это не слишком понравилось, поскольку на заднем сиденье лежал чемодан и дорогой с виду портфель. Водительская дверь старого микроавтобуса была приоткрыта. Джули пошла было к нему, но, нахмурившись, остановилась. На асфальте рядом с приоткрытой дверью лежали мобильный телефон и кольцо – кажется, обручальное. Судя по трещине на корпусе телефона, его уронили. А на экране темнело какое-то пятнышко... капля крови?

Может быть, и нет. Может, это просто грязь – микроавтобус был весь в грязи, – но Джули все меньше нравилось то, что она видела. Перед тем как загрузить Диди в прицеп, Джули как следует на ней прокатилась и не стала переодеваться – так и села в машину в старой добротной юбке для верховой езды. Теперь она вынула из кармана свой собственный мобильный телефон и задумалась, не стоит ли прямо сейчас позвонить в Службу спасения.

Нет, решила она, пока рано. Но если в микроавтобусе тоже не будет людей или если пятно на телефоне и вправду окажется кровью, она сразу же наберет 911. И дождется полицию прямо здесь, и уж точно не сунется в заброшенное здание. Она была смелой женщиной с добрым сердцем, но не идиоткой.

Джули наклонилась, чтобы рассмотреть кольцо и телефон. Ее юбка при этом задела подолом грязный бок микроавтобуса – и словно в нем растворилась. Джули словно дернули вправо, и дернули сильно. Она ударилась внушительной ягодицей о бок микроавтобуса. Металл словно просел, а потом будто вобрал в себя два слоя одежды и плоть под ними. Боль была чудовищная. Джули закричала, уронила телефон и попыталась вырваться из захвата, как если бы машина была ее противником в грязевой яме. Правая рука по локоть провалилась в тугую мембрану, казавшуюся стеклом. Сквозь разводы грязи Джули смутно разглядела, что по ту сторону стекла была не мясистая рука крупной, здоровой женщины, а почти голая кость с лохмотьями плоти.

Микроавтобус начал сжиматься.

Мимо промчалась машина, потом другая. Из-за прицепа водители не видели женщину, наполовину втянутую в бесформенный микроавтобус, как Братец Кролик, прилипший к смоляному чучелку. Они не слышали ее криков. Один водитель врубил на полной громкости Тоби Кита, другой – «Led Zeppelin». Крики слышал Пит Симмонс, спавший в пустом ресторане, но словно издали. Как слабое эхо. Его веки затрепетали. А потом крики умолкли.

Пит перевернулся на другой бок и продолжил спать.

Тварь, притворявшаяся микроавтобусом, сожрала Джулиану Вернон целиком, вместе с одеждой и сапогами. Остался только ее телефон, упавший рядом с телефоном Дага Клейтона. Затем монстр снова с чпоканьем принял облик микроавтобуса.

Диди в «коняшкином трейлере» заржала и нетерпеливо забила копытом. Она была голодна.

4. Семья Люсье («Форд-экспедишн» 2011-го)

Шестилетняя Рэйчел Люсье закричала:

– Мама, смотри! Папа, смотри! Это тетя с лошадкой! Видите ее прицеп? Видите?

Карла вовсе не удивилась, что Рэйчел первой заметила прицеп, хотя и сидела сзади. У Рэйчел было самое острое зрение в семействе; никто другой не мог с ней сравниться. Рентгеновское зрение, иногда говорил ее папа. И в этой шутке была изрядная доля правды.

Они все носили очки: Джонни, Карла и четырехлетний Блейк; все родственники с обеих сторон носили очки, и даже Бинго, их пес, возможно, нуждался в очках. Бинго вечно врезался в сетчатую дверь, когда хотел выйти на улицу. И только Рэйчел избежала семейного проклятия близорукости. В последний раз у офтальмолога она прочла всю таблицу, вплоть до самой нижней строки, сразив доктора Страттона наповал.

– Хоть прямо сейчас в летчики-истребители, – сказал он Джонни и Карле.

Джонни ответил:

– Сейчас еще рано, но со временем вполне может быть. У нее есть инстинкт убийцы, и он уже проявляется по отношению к младшему брату.

Карла возмущенно пихнула его локтем, но это была чистая правда. Она где-то читала, что если дети разнополые, между ними, как правило, меньше соперничества и меньше конфликтов. Очевидно, Рэйчел и Блейк были исключением из правила. Иногда Карле казалось, что в последнее время дома только и слышно: «Она первая начала, он первый начал».

Первые сто миль поездки дети вели себя тихо и мирно, отчасти потому, что они всегда радовались, когда ездили в гости к бабушке с дедушкой, родителям Джонни, но в основном потому, что Карла заранее позаботилась о том, чтобы заполнить игрушками и книжками-раскрасками нейтральную полосу между детскими креслами. Однако после остановки в Огасте, где дети пообедали и посетили туалет, вновь начались распри. Наверное, из-за мороженого. Давать детям сладкое в дальних поездках – все равно что лить в костер бензин, Карла это понимала, но нельзя же запрещать им *все*.

В отчаянии она затеяла игру «Найди и покажи», выступая судьей и начисляя очки за всех замеченных по дороге садовых гномов, колодцы, статуи Девы Марии и так далее. Плохо только, что вдоль шоссе было полно деревьев, но маловато «дорожных красот». Ее остроглазая шестилетняя дочь и острый на язык четырехлетний сын решили развлечь себя сами и с новой силой возобновили старые распри, и тут Рэйчел увидела прицеп с лошадкой, припаркованный на обочине прямо у съезда на закрытую зону отдыха на восемьдесят первой миле.

– Хочу снова погладить лошадку! – закричал Блейк и принялся подпрыгивать в своем кресле и дрыгать ногами. Его ноги уже доставали до спинки водительского сиденья, что *весьма* раздражало Джонни.

Напомните мне кто-нибудь, почему я хотел завести детей, подумал он. Напомните мне, о чем я тогда думал. Помню только, что тогда эта мысль казалась вполне разумной.

– Блейк, не стучи папе в спину, – сказал Джонни.

– Хочу погладить лоша-а-а-а-а-а-адку! – завопил Блейк и со всей силы въехал ногой в спинку водительского сиденья.

– Ты прямо как маленький, – заявила Рэйчел, хотя ей пинки брата совсем не мешали – он не достал бы до нее при всем желании. Сейчас она говорила снисходительным голосом большой девочки, который всегда бесил Блейка.

– **Я НЕ МАЛЕНЬКИЙ!**

– Блейк, – сказал Джонни, – если ты не перестанешь пинать папино сиденье, папа возьмет свой большой нож и отрежет кому-то ноги по самые уши...

– Она сломалась, – сказала Карла. – Видишь дорожные конусы? Давай остановимся.

– Где я тут остановлюсь? На аварийной полосе?

– Совсем не обязательно. Можно встать за теми двумя машинами. На подъездной дорожке. Место есть, и ты никому не закроешь выезд. Зона отдыха не работает.

– Не знаю, как тебе, а мне бы хотелось вернуться в Фалмут засветло...

– Давай остановимся. – Карла поймала себя на том, что говорит тоном, не терпящим возражений, как диктор, предупреждающий о ядерной бомбардировке. Она знала, что так нельзя, – сама не раз слышала, как Рэйчел разговаривает с Блейком точно таким же тоном, доводя малыша до слез. Чтобы как-то смягчить приказные интонации, Карла добавила уже не столь категорично: – Эта женщина так хорошо общалась с детишками.

Они заехали в «Деймонс», чтобы купить детям мороженое, и припарковались рядом с прицепом с лошады. Владелица лошади (почти такая же огромная, как ее животное) стояла, прислонившись к прицепу, ела мороженое в рожке и угощала лошадь чем-то похожим на сладкий злаковый батончик.

Джонни взял детей за руки и попытался быстрее увести в ресторан, но Блейк не желал никуда уходить.

– Можно ее погладить? – спросил он у хозяйки лошади.

– Это стоит двадцать пять центов, – ответила крупная женщина в коричневой юбке для верховой езды. Увидев, как Блейк приуныл, она улыбнулась. – Да я шучу. На, поддержи. – И вручила Блейку свой рожок с подтаявшим мороженым. Мальчик так растерялся, что послушно взял его. Потом женщина подняла Блейка на руки, чтобы он смог погладить лошадку по носу. Диди спокойно посмотрела на удивленного малыша с широко распахнутыми глазами, поняла рожок с мороженым в его руке, решила, что это невкусно, и позволила погладить себя по носу.

– Ух ты, он мягкий! – воскликнул Блейк.

Карла ни разу не слышала, чтобы сын говорил с таким благоговейным восторгом. *Почему мы ни разу не сводили детей в контактный зоопарк?* – подумала она и поставила галочку в мысленном списке дел на ближайшее время.

– Я тоже! Я тоже хочу! – закричала Рэйчел, приплясывая от нетерпения.

Женщина поставила Блейка на землю.

– Можешь лизнуть мороженое, пока я подниму твою сестру, – сказала она, – только не насажай на него микробов, договорились?

Карла уже собралась сказать Блейку, что нельзя ничего доедать за другими людьми, тем более за незнакомыми, но увидела ошеломленную улыбку Джонни и подумала: какого черта? Дети ходят в садик, рассадник микробов. Дети проезжают сотни миль по шоссе, где любой пьяный маньяк или школьник с мобильным телефоном может создать аварийную ситуацию. И ты запрещаешь им лизнуть мороженое, которое ел кто-то другой? Да, детей надо оберегать, но не до фанатизма.

Женщина подняла Рэйчел, чтобы та тоже погладила лошадь по носу.

– Ух ты! Здорово! – воскликнула Рэйчел. – А как ее зовут?

– Диди.

– Красивое имя! Я люблю тебя, Диди!

– Я тоже тебя люблю, Диди, – сказала женщина и смачно чмокнула животное в нос. Все рассмеялись.

– Мама, а можно мы купим лошадь?

– Можно, – ответила Карла. – Когда тебе исполнится двадцать шесть.

Рэйчел сделала недовольное лицо (наморщенный лоб, раздутые щеки, поджатые губы), но когда женщина рассмеялась, не удержалась и тоже расхохоталась.

Женщина наклонилась к Блейку:

– Молодой человек, могу я получить назад свое мороженое?

Блейк протянул ей рожок, а когда она его забрала, принялся облизывать пальцы, испачканные подтаявшим фисташковым мороженым.

– Спасибо, – поблагодарила Карла владелицу лошади. – Вы очень добры. – Затем обратилась к Блейку: – Пойдем в туалет и вымоем руки. А потом купим тебе мороженое.

– Хочу такое же, как у нее, – сказал Блейк, и крупная женщина вновь рассмеялась.

Джонни настоял, чтобы дети съели мороженое в ресторане. Ему вовсе не улыбалось отмыть машину от фисташковой липкой сладости. Когда они вышли из здания, женщина с лошастью уже уехала.

Да, по дороге встречаешь немало людей – иногда они злые, чаще добрые, а иной раз потрясающие. Пообщаешься с ними недолго и никогда больше их не увидишь.

Но вот она, женщина с лошастью – вернее, ее прицеп с лошастью, – стоит на обочине, на узкой аварийной полосе. Дорожные конусы аккуратно расставлены за прицепом. И Карла права. Эта женщина *и вправду* хорошо пообщалась с детишками. С этими мыслями Джонни Люсье принял худшее в жизни – и последнее в жизни – решение.

Он включил поворотник и съехал на подъездную дорожку, как предлагала Карла. Припарковался перед зеленым «приусом» Дага Клейтона, который по-прежнему мигал аварийными огнями, рядом с забрызганным грязью микроавтобусом. Включил парковочную передачу, но не стал выключать двигатель.

– Хочу погладить лошадку, – заявил Блейк.

– Я тоже хочу погладить лошадку, – сказала Рэйчел тоном избалованной светской барышни, который переняла бог знает от кого. Карлу это бесило, но она молчала. Если сделать Рэйчел замечание, она будет постоянно так разговаривать.

– Сначала нужно спросить разрешения у хозяйки, – заметил Джонни. – Пока что, детишки, сидите на месте. И ты тоже, Карла.

– Да, *хозяйин*, – ответила Карла голосом зомби, который всегда смешил детей.

– Очень смешно.

– В кабине ее нет, – сказала Карла. – Кажется, все машины пусты. Думаешь, тут авария?

– Не знаю, вроде никто не помят. Подожди-ка минутку.

Джонни Люсье вышел из машины, обошел сзади свой «форд-экспедишн», за который уже никогда не расплатится, и зашагал к кабине «доджа». Карла сказала, что женщины в машине нет, но Джонни хотел убедиться, что та не лежит на сиденье с сердечным приступом. (Джонни всю жизнь занимался бегом и искренне верил, что сердечный приступ ждет всех, кто старше сорока пяти и весит хотя бы на пять фунтов больше, чем предписано таблицей на Medicine.Net.)

Женщины не оказалось на сиденье в кабине (*вообще-то такую огромную тетку Карла увидела бы издали, даже если бы та и лежала*), и в прицепе ее тоже не было. Только лошадь, которая высунула нос и обнюхала лицо Джонни.

– Привет... – Сначала Джонни не мог вспомнить имя, потом вспомнил: – Диди. Как твоя лошадиная жизнь? Есть в торбе овес?

Он погладил Диди по носу и пошел осмотреть две другие машины на подъездной дорожке. По пути он заметил, что авария все же *была*, пусть и мелкая. Микроавтобус сбил несколько оранжевых бочек, преграждавших въезд на зону отдыха.

Карла опустила стекло. Дети на заднем сиденье не могли сделать то же самое – их окна были заблокированы.

– Она там?

– Нет.

– А хоть *кто-нибудь* есть?

– Карла, дай мне покой... – Он увидел два мобильных телефона и обручальное кольцо. Они валялись на асфальте рядом с приоткрытой дверцей микроавтобуса.

– Что? – Карла вытянула шею.

– Подожди.

Джонни хотел сказать, чтобы она закрылась в машине, но потом рассудил, что это прозвучит глупо. Сейчас день, они на шоссе I-95, что с ними может случиться? Каждые двадцать-тридцать секунд мимо проезжают машины, иногда по несколько сразу.

Он наклонился и поднял телефоны, взял один телефон в одну руку, другой – в другую. Потом обернулся к Карле и поэтому не увидел, как дверь микроавтобуса, словно рот, приоткрылась чуть шире.

– Карла, мне кажется, тут кровь. – Он поднял руку с телефоном Дага Клейтона.

– Мама! – произнесла Рэйчел. – Кто в той грязной машине? Дверь открывается.

– Садись в машину, – сказала Карла. Во рту у нее вдруг пересохло. Ей хотелось выкрикнуть эти слова, но грудь сдавило, словно сверху лег камень. Невидимый, но очень большой и тяжелый. – Там кто-то есть в микроавтобусе!

Однако вместо того чтобы вернуться в свою машину, Джонни наклонился к полуоткрытой двери микроавтобуса и заглянул внутрь. Он не успел ничего рассмотреть, потому что дверь резко захлопнулась, зажав его голову. Раздался страшный глухой звук. Камень, давивший Карле на грудь, внезапно исчез. Она набрала воздух в легкие и выкрикнула имя мужа.

– *Что с папой?* – пронзительно закричала Рэйчел тоненьким, как травинка, голосом. – *Что с папой?*

– *Папа!* – завопил Блейк, озираясь. Он был занят своими новыми трансформерами и только сейчас сообразил, что отца нет рядом.

Не задумываясь ни на миг, Карла выскочила из машины. Тело Джонни осталось снаружи, а голова скрылась в грязном микроавтобусе. Он был еще жив; его руки и ноги молотили воздух. Карла даже не помнила, как подбежала к мужу. Она двигалась, повинаясь инстинкту, мозг словно отключился.

– *Мама, не надо!* – закричала Рэйчел.

– *Мама, НЕ НАДО!* – Блейк не понимал, что происходит, но чувствовал: что-то очень плохое. Он расплакался в голос и принялся выпутываться из паутины ремней, которыми был привязан к детскому креслу.

Карла обхватила Джонни за талию и потянула к себе с поразительной силой, которую ей придал адреналин. Дверь микроавтобуса приоткрылась, изнутри хлынула кровь, стекавшая через порог маленьким водопадом. На одно жуткое мгновение Карле удалось заглянуть внутрь, и она увидела голову мужа на заляпанном грязью сиденье. Хотя он все еще бился в ее объятиях, она поняла (даже в бушующем урагане паники бывают мгновения пронзительной ясности): так же пляшут повешенные. Потому что у них сломана шея. В этот короткий и страшный миг – ослепительный, как вспышка молнии, – Карла подумала, что муж выглядит глупо, даже безобразно, словно из него выпустили все то, что делало его прежним Джонни, и поняла, что он уже мертв, хотя его тело еще сотрясается. Так выглядит ребенок, неудачно нырнувший и ударившийся о камни. Так выглядит женщина с грудью, пробитой рулем, когда ее машина врезается в опору моста. Так выглядишь ты, когда уродливая смерть приходит ниоткуда и раскрывает тебе объятия.

Дверь микроавтобуса угрожающе захлопнулась. Карла по-прежнему обхватывала двумя руками мужа за пояс, и когда ее резко дернуло вперед, вновь пережила мгновение пронзительной ясности, подобной вспышке молнии.

Это машина! Нельзя близко подходить к машине!

Она отпустила Джонни, но сделала это с опозданием на долю секунды. Ее волосы коснулись двери микроавтобуса, и их мгновенно всосало внутрь. Карла попыталась вырваться, но

у нее ничего не вышло. Она ударилась головой о дверь, и макушку обожгло, словно огнем. Машина вгрызлась ей в кожу.

Беги! – попыталась крикнуть она своей капризной и вредной, но уж точно не глупой дочери. *Беги и возьми с собой Блейка!*

Но не успела выкрикнуть ни слова: у нее уже не было рта.

Когда дверь микроавтобуса захлопнулась на папиной голове, словно венерина мухоловка, поймавшая неосторожное насекомое, это видела только Рэйчел, но когда маму втянуло сквозь грязную дверь, как будто это была не дверь, а занавеска, это уже видел и Блейк. Они видели, как с маминой ноги слетела туфля, видели, как сверкнули розовые ногти на пальцах, а потом мама исчезла внутри. В следующую секунду белый микроавтобус утратил форму и сжался, точно кулак. Сквозь открытое матерью окно дети слышали хруст.

– *Что это?* – закричал Блейк. У него по щекам текли слезы, под носом блестели сопли. – *Что это, Рэйчи, что это, что это?*

Их кости, подумала Рэйчел. Ей было всего шесть лет, и ей, разумеется, не разрешалось ходить в кино на фильмы категории «детям до тринадцати» или смотреть их по телевизору (не говоря уж о фильмах «только для взрослых»), но она поняла, что это был за хруст. С таким хрустом ломаются кости.

Эта машина – совсем не машина. Это чудовище.

– Где мама с папой? – пролепетал Блейк, глядя на сестру огромными, мокрыми от слез глазами. – Где мама с папой, Рэйчи?

Словно ему два годика, подумала Рэйчел и, возможно, впервые в жизни испытала к младшему брату что-то, кроме неприязни (или чистейшей ненависти в те моменты, когда ее настоящему доставало его поведение). Ей показалось, что это новое чувство не просто любовь. Это было нечто большее. В конце маме не удалось ничего сказать, но Рэйчел знала, что сказала бы мама, будь у нее время. Она сказала бы: *Позаботься о Блейке*.

Он извивался, пытаясь выпутаться из ремней. Он знал, как их расстегнуть, но в панике забыл.

Рэйчел расстегнула свои ремни, слезла с детского кресла и попыталась помочь брату. Он бился, размахивая руками, и случайно ударил Рэйчел по щеке. При обычных обстоятельствах она дала бы ему сдачи (и сидела бы потом наказанная у себя в комнате, кипя от ярости), но сейчас она просто перехватила его руку и прижала к сиденью.

– Прекрати! Дай мне тебя отстегнуть! У меня ничего не получится, если ты будешь держаться.

Он перестал биться, но не плакать.

– Где папа? Где мама? Я хочу к маме!

И я хочу к маме, debil, подумала Рэйчел и расстегнула ремни на кресле брата.

– Сейчас мы выберемся из машины и пойдем...

Куда? Куда им идти? В ресторан? Он закрыт. Здесь все закрыто, поэтому на въезде и стоят бочки. Поэтому на заправке убрали все бензоколонки, и сквозь асфальт на стоянке проросла трава.

– ...пойдем подальше отсюда, – закончила она.

Рэйчел вышла из машины и обошла ее кругом, чтобы открыть дверь Блейку. Он не сдвинулся с места. Просто сидел и смотрел на нее покрасневшими от слез глазами.

– Я не могу выйти, Рэйчел. Я упаду.

Как маленький, подумала Рэйчел, но промолчала. Сейчас не время ругаться. Ему и так плохо. Она раскинула руки:

– Соскальзывай вниз. Я тебя подхватчу.

Блейк с сомнением посмотрел на нее, однако подчинился. Рэйчел подхватила брата, но он оказался тяжелее, чем она думала, и они оба упали. Рэйчел досталось больше, поскольку она была снизу, но Блейк ударился головой и ободрал руку об асфальт. Он снова громко расплакался, уже не от страха, а от боли.

– Не реви, – сказала Рэйчел, выбравшись из-под брата. – Пора вырастать из детских штанов и становиться мужчиной, Блейк.

– Что-то?

Она не ответила. Она смотрела на два мобильных телефона, валявшихся на асфальте рядом с кошмарным микроавтобусом. Один был разбит и, скорее всего, не работал, но второй...

Рэйчел медленно поползла к нему на четвереньках, не сводя глаз с жуткого микроавтобуса, который внезапно втянул в себя папу и маму. Она потянулась за телефоном, и тут ее обогнал Блейк. Он шагнул прямо к микроавтобусу, вытянув поцарапанную руку.

– Мама! Мама? Выходи! Я поранился. Больно поранился. Выходи, поцелуй ранку...

– Стой, Блейк Люсье!

Карла гордилась бы дочерью; это был ее собственный грозный командный голос на пределе строгости. И это сработало. Блейк остановился в четырех футах от микроавтобуса.

– Но я хочу к маме! Я хочу к маме, Рэйчи!

Рэйчел схватила брата за руку и оттащила подальше от страшной машины.

– Не сейчас. Помогите мне разобраться с этой штуковиной.

Она знала, как пользоваться мобильными телефонами, но ей надо было отвлечь Блейка.

– Дай мне, я знаю! Дай мне, Рэйчи!

Она отдала брату телефон, а пока он изучал кнопки, поднялась на ноги, схватила его за футболку и оттащила еще на три шага назад. Он этого даже не заметил. Блейк нашел кнопку включения питания на телефоне Джули Вернон и нажал ее. Телефон тихо пискнул. Рэйчел забрала трубку у Блейка, и тот не стал возражать – наверное, впервые в жизни.

Рэйчел очень внимательно слушала, когда к ним в детский сад приходил борец с преступностью пес Макграфф (она, конечно, сразу поняла, что это был просто дяденька-полицейский в костюме пса), и теперь знала, что делать. Она набрала 911 и поднесла телефон к уху. Трубку взяли после первого же гудка.

– Алло? Меня зовут Рэйчел Энн Люсье, и...

– Разговор будет записан, – перебил ее мужчина. – Если вы хотите сообщить об аварии или чрезвычайном происшествии, наберите один. Если хотите сообщить о ненадлежащем состоянии дороги, наберите два. Если хотите сообщить о поломке на трассе...

– Рэйчи! Рэйчи? Где мама? Где па...

– Тсс, – шикнула Рэйчел и нажала кнопку с единицей. Это было непросто. Руки тряслись, а перед глазами все плыло. Она только сейчас поняла, что плачет. Когда она расплакалась? Рэйчел не помнила.

– Здравствуйте, Служба спасения слушает, – раздался в трубке женский голос.

– Вы настоящая или это опять запись? – спросила Рэйчел.

– Я настоящая, – ответила женщина. Похоже, вопрос ее развеселил. – У вас что-то случилось?

– Да. Злая машина съела маму и папу. Мы сейчас на...

– Подожди-ка, чтобы не сказать лишнего, – перебила ее женщина. – Тебе сколько лет, девочка?

– Шесть с половиной. Меня зовут Рэйчел Энн Люсье, и машина, злая машина...

– Послушай, Рэйчел Энн, или как там тебя зовут на самом деле, я могу проследить звонок. Ты знала об этом? Наверное, не знала. Так что давай ты повесишь трубку, пока я не отправила к тебе домой полицейских и они не отшлепали тебя по..

– *Они умерли, глупая вы тетя в телефоне!* – крикнула Рэйчел, а Блейк, услышав слово «умерли», опять разрыдался.

Женщина секунду молчала, а когда заговорила снова, в ее голосе уже не было смеха:

– Где ты находишься, Рэйчел Энн?

– У пустого закрытого ресторана. Где бочки перегораживают проезд! Оранжевые бочки!

Блейк сел на землю и закрыл лицо руками. Рэйчел было больно на это смотреть. Так больно, как никогда в жизни.

– Этой информации недостаточно, – сказала женщина из Службы спасения. – Можешь описать конкретнее, Рэйчел Энн?

Рэйчел не знала, что значит «конкретнее». Она знала лишь то, что видела своими глазами: задняя шина микроавтобуса, ближайшая к ним, слегка подтаяла. Щупальце из жидкой резины медленно подбиралось к Блейку.

– Все, мне надо бежать, – сказала Рэйчел в телефон. – Надо убраться подальше от злой машины.

Она подняла Блейка на ноги и оттащила еще дальше от микроавтобуса, не сводя взгляда с тающей шины. Резиновое щупальце остановилось и поползло обратно (*потому что поняло, что до нас не дотянется*, подумала Рэйчел), и вскоре шина снова выглядела как шина, но Рэйчел уже знала, что это обман. Она продолжала тащить Блейка прочь, к обочине шоссе.

– Куда мы идем, Рэйчи?

Не знаю.

– Подальше от этой машины.

– Я хочу взять трансформеров!

– Не сейчас, потом заберешь. – Она крепко держала Блейка за руку и пятилась к шоссе, где время от времени проносились машины со скоростью семьдесят-восемьдесят миль в час.

Ничто не сравнится по силе воздействия с пронзительным детским криком; это один из самых эффективных механизмов выживания, данных нам природой. Крепкий сон Пита Симмонса уже сменился легкой дремотой, и когда Рэйчел закричала в телефон, рассердившись на женщину из Службы спасения, ее вопль окончательно разбудил Пита.

Он сел на грязном матрасе, поморщился и схватился рукой за голову. Голова просто раскалывалась, и Пит знал почему: оно все-таки грянуло, устрашающее ПОХМЕЛЬЕ. Язык словно распух и стал ватным, желудок крутило. Не до рвоты, но ощутимо.

Слава богу, я выпил немного, подумал он, поднялся на ноги и подошел к затянутому сеткой окну, чтобы посмотреть, кто кричал. То, что он увидел, ему не понравилось. Несколько перегораживавших въезд оранжевых бочек были сбиты, а на подъездной дорожке стояли машины.

Потом он заметил двоих детишек: маленькую девочку в розовых брючках и совсем крошечного парнишку в футболке и шортах. Он не успел разглядеть их как следует. Они пятились в сторону шоссе, словно что-то их напугало, а потом скрылись за небольшим прицепом, в каких обычно возят лошадей.

Там явно что-то случилось. Авария или что-то в этом роде, хотя на аварию было *не похоже*. Первое, что пришло Питу в голову: надо скорее смываться отсюда, пока его никто не засек. Он схватил свою сумку и направился к выходу через погрузочный люк. Но остановился, не дойдя до кухни. Там были дети. *Маленькие* дети. Совсем одни, рядом со скоростным шоссе, а Пит не углядел никого из взрослых.

Там же есть машины, а значит, должен быть и кто-то из взрослых.

Да, он видел машины. Три на подъездной дорожке и одну с прицепом – на обочине шоссе. И ни одного взрослого.

Надо пойти за ними и увести от шоссе. Даже если я влипну в крупные неприятности, все равно надо пойти за ними. Нельзя оставлять этих безмозглых детей у дороги, где их раскатают в лепешку.

Пит подбежал к выходу из «Бургер кинга», но дверь была заперта. Конечно, она заперта, идиот, мысленно отругал себя Пит. *Жертва аборта*, как выразился бы Норми Терриоль.

Пит развернулся и бросился к погрузочному люку. От бега голова разболелась еще сильнее, но он старался не обращать на это внимания. Он положил сумку на край бетонной платформы и полез вниз. Рука сорвалась, и пришлось спрыгнуть. Приземлился он неудачно, ударился копчиком, но снова не стал обращать внимания на боль. Поднялся на ноги и с тоской посмотрел в сторону кустов. Еще *можно* сбежать незамеченным, и никто не узнает, что он здесь был. Мысль малодушная, но очень заманчивая. Это же не кино, где хорошие парни всегда принимают правильное решение, не задумываясь ни на миг. Если кто-то учует, что от Пита несет водочным перегаром...

– Господи, – прошептал он. – Мать-твою-богу-душу.

Вот зачем он сюда поперся? К вопросу о безмозглых детях...

Крепко держа Блейка за руку, Рэйчел отвела его по подъездной дорожке прямо к самой обочине. Как только они подошли к шоссе, мимо промчался большой грузовик на скорости семьдесят пять миль в час. Ветер растрепал детям волосы, помял одежду и чуть не свалил Блейка с ног.

– *Рэйчи, мне страшно! Нам нельзя выходить на дорогу!*

Скажи мне что-то, чего я не знаю, подумала Рэйчел.

Дома они гуляли только во дворе, им запрещалось выходить на улицу, хотя на Фреш-Уиндз-уэй в Фалмуте машин почти не бывало. Здесь на шоссе их тоже было немного, но те, что *были*, ехали слишком быстро. *Да и куда идти?* – размышляла Рэйчел. Можно двинуться по обочине, но это очень опасно. И опять же, куда потом? Поблизости нет ничего, только лес. В ресторан тоже не проберешься: придется пройти мимо страшной машины.

По шоссе просвистел красный спортивный автомобиль. Его водитель непрерывно жал на клаксон. Рэйчел хотелось зажать себе уши.

Блейк куда-то ее тянул, и Рэйчел не стала сопротивляться. На одной стороне подъездной дорожки стояли столбики ограждения. Блейк присел на толстый трос, тянувшийся между столбами, и закрыл глаза пухлыми ручонками. Рэйчел села рядом с братом. Она просто не знала, что еще можно сделать.

5. Джимми Голдинг («Краун-Виктория» 2011-го)

Может быть, детский крик и является одним из самых эффективных механизмов выживания в природе, но на скоростном шоссе таким механизмом является припаркованный полицейский патрульный автомобиль, особенно если его радар направлен на встречный транспортный поток. Водители, идущие на семидесяти, снижают скорость до шестидесяти пяти; водители, идущие на восьмидесяти, жмут на тормоз и мысленно высчитывают, сколько им вкатят штрафных очков, если полицейские включат мигалку и рванут следом. (Благотворный эффект длится недолго и миль через десять-пятнадцать полностью сходит на нет.)

Сидеть в припаркованной у дороги полицейской машине, по крайней мере, по мнению патрульного Джимми Голдинга из полицейского управления штата Мэн, было прекрасно, потому что *делать* ничего не требовалось. Просто располагаешься у дороги в машине, ковыряешь в носу, а природа (в данном случае *человеческая* природа) сама сыграет на чувстве вины. В этот хмурый апрельский день патрульный Джимми Голдинг даже не включил радар, и движение на шоссе I-95 лишь создавало ему шумовой фон. Голдинг с головой погрузился в айпад.

Он рубился в «Слова с друзьями», что-то вроде «Скрэббла» онлайн. Его противником был Ник Эйвери, бывший сослуживец, который сейчас трудился в дорожной полиции в Оклахоме. Джимми искренне не понимал, как можно было променять Мэн на какую-то Оклахому, но Ник, тут уж можете не сомневаться, *отменно* играл в «Слова с друзьями». Он побеждал Джимми в девяти играх из десяти и сейчас тоже лидировал. Впрочем, лидировал он с необычно малым отрывом, и все буквы из электронного мешочка уже были выбраны. Если Джимми сумеет разыграть оставшиеся у него пять букв, то вырвет победу. Сейчас он раздумывал над словом «ПИЛ». У него оставалось пять букв: Я, Е, С, В и еще одна Л. Если он сможет как-то пристроить их в ПИЛ, то не только вырвет победу, но и даст виртуального пенделя старому приятелю. Однако пока все было бесперспективно.

Он рассматривал другие слова на доске, где перспективы казались еще менее радужными, и тут дважды пискнула рация. Внимание всем постам, информация от Службы спасения в Уэстбруке. Джимми отложил айпад и принял вызов.

– Внимание всем постам. Есть ли кто поблизости от зоны отдыха на восемьдесят первой миле?

Джимми включил микрофон.

– Девять-один-один, я семнадцатый. В данный момент нахожусь на восемьдесят пятой миле, чуть южнее съезда на Лиссабон – Сабаттус.

Диспетчер, которую Рэйчел Люсье мысленно называла тетей из Службы спасения, не стала искать никого ближе; Джимми на новой «краун-виктории» доедет до места за считанные минуты.

– Семнадцатый, три минуты назад нам позвонила шестилетняя девочка и сказала, что ее родители мертвы. Потом было несколько звонков от разных людей. Все сообщали, что видели двух детишек без сопровождения взрослых у въезда на зону отдыха.

Джимми не стал спрашивать, почему никто из звонивших не остановился и не поинтересовался, требуется ли детишкам помощь. Он уже с таким сталкивался. Иногда люди просто боятся юридических сложностей. Но большинству просто плевать. Обычное дело по нынешним временам. И все же... *дети*. Господи, можно подумать...

– Девять-один-один, я уже еду. Семнадцатый, конец связи.

Джимми включил мигалку, посмотрел в зеркало заднего вида, желая убедиться, что на дороге никого нет, съехал с обочины и развернулся прямо под знаком: «РАЗВОРОТ ЗАПРЕЩЕН. ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ТРАНСПОРТА». Взревел восьмицилиндровый двигатель; на электронном спидометре высветились девяносто две мили в час. Деревья по обеим сторонам

дороги уносились назад с головокружительной быстротой. Впереди показался дребезжащий старый «бьюик», водитель которого упрямо отказывался уступить дорогу, и Джимми объехал его по обочине. Вернувшись на шоссе, он увидел зону отдыха. И кое-что еще. Двое детей – мальчик в шортах и девочка в розовых брючках – сидели на тропе между столбиками ограждения рядом с въездом. Они напоминали маленьких, никому не нужных бродяжек, и сердце Джимми переполнилось жалостью. У него тоже были дети.

Увидев машину с мигалкой, детишки встали, на секунду Джимми испугался, что маленький мальчик выбежит прямо ему под колеса. Слава богу, девочка схватила его за руку и не дала выскочить на дорогу.

Джимми затормозил так резко, что с переднего сиденья свалились айпад, книжка штрафных квитанций и учетный журнал. Машину повело, но Джимми справился с управлением и остановился, перегородив подъездную дорожку, на которой уже стояло несколько машин. Что здесь происходит?

Солнце выглянуло из-за туч, а в голове патрульного Джимми Голдинга вспыхнуло слово, совершенно не связанное с происходящим: «ВЛЕПИЛСЯ». *Можно составить «ВЛЕПИЛСЯ», и победа за мной.*

Девочка подбежала к водительской двери патрульной машины. Она тащила за собой брата, который плакал и спотыкался. Девочка, бледная и испуганная, казалась очень взрослой. Спереди на шортах мальчика расплылось большое влажное пятно.

Джимми осторожно вышел из машины, стараясь не задеть дверцей детишек. Опустился на одно колено, и дети влетели в его объятия, чуть не сбив с ног.

– Тише, тише, ребятки, все хорошо...

– Злая машина съела маму и папу, – сказал мальчик, показав пальцем. – Вон та злая машина. Съела их целиком, как волк Красную Шапочку. Верните нам папу с мамой!

Джимми не понял, на которую из машин указывает малыш. Всего их было четыре: микроавтобус, выглядевший так, словно проехал миль десять по мокрой лесной дороге; начищенный до блеска зеленый «приус»; «додж-рэм» с прицепом для перевозки лошадей и «форд-экспедишн».

– Как тебя зовут, малышка? Я – патрульный Джимми.

– Рэйчел Люсье, – ответила девочка. – А это Блейк, мой младший братик. Мы живем в доме девятнадцать на Фреш-Уиндз-уэй, в Фалмуте, штат Мэн, индекс ноль-четыре-один-ноль-пять. Не подходите к ней близко, патрульный Джимми. Она выглядит как машина. Но это что-то другое. Она ест людей.

– Какая именно машина, Рэйчел?

– Та, что впереди. Рядом с папиной. Грязная.

– Грязная злая машина съела папу и маму! – сказал мальчик Блейк. – Вы их вернете! Вы – полицейский, у вас пистолет!

По-прежнему стоя на одном колене и обнимая детишек, Джимми посмотрел на заляпанный грязью микроавтобус. Солнце вновь скрылось за облаками; тени исчезли. По шоссе проезжали машины, проносились мимо со свистом, но уже не так быстро, как раньше. Волшебный эффект синей мигалки.

Никого в «форде», никого в «приусе», никого в «додже». Джимми решил, что и в прицепе тоже никого нет, если только они не пригнулись. Но если бы там кто-то был, лошадь бы нервничала сильнее. Джимми не мог заглянуть только в микроавтобус, который, по словам детишек, съел их родителей. И ему очень не нравился плотный слой грязи, покрывавший все окна. Грязь как будто размазали *преднамеренно*. Еще ему не нравился разбитый мобильный телефон, лежавший рядом с водительской дверью. И обручальное кольцо. Почему-то кольцо выглядело особенно жутко.

А все остальное, значит, не жутко.

Внезапно водительская дверь микроавтобуса приоткрылась наполовину, и фактор жути взлетел процентов на тридцать. Джимми внутренне подобрался и положил руку на рукоять пистолета. Но из машины никто не вышел. Дверь приоткрылась дюймов на шесть, да так и замерла.

– Это она пытается заманить, – прошептала девочка. – Это машина-чудовище.

Джимми Голдинг не верил в машины-чудовища с тех самых пор, как посмотрел в детстве фильм под названием «Кристина», но он верил в то, что чудовища могут скрываться в машинах. И в этом микроавтобусе кто-то был. Двери не распахиваются сами собой. Да, там кто-то был. Возможно, один из родителей этих детишек, раненный, не в состоянии позвать на помощь. Возможно, кто-то залегший на сиденье, чтобы не было видно сквозь заляпанные грязью стекла. Возможно, кто-то вооруженный.

– Кто в микроавтобусе? – крикнул Джимми. – Я – патрульный полиции штата и требую, чтобы вы назвали себя.

Никто не откликнулся.

– Выходите из машины. Так, чтобы я видел ваши руки.

Но лишь солнце вышло из-за облаков, на секунду обрисовало тень от приоткрытой двери на асфальте и снова скрылось за серой завесой.

– Ребятки, пойдете со мной, – сказал Джимми. Он отвел детишек к патрульной машине и открыл заднюю дверцу. Дети уставились на разбросанные бумаги, куртку с подкладкой из овечьей шерсти (сегодня она не понадобилась) и закрепленный за сиденьем дробовик. В первую очередь – на него.

– Мама с папой всегда говорят, что нельзя садиться в машину к незнакомым людям, – сказал мальчик Блейк. – И в садике тоже так говорят. Это опасно.

– Он полицейский с полицейской машиной, – возразила Рэйчел. – К полицейским садиться можно. Давай забирайся. И если тронешь ружье, я тебя стукну.

– Хорошее предупреждение насчет ружья, – сказал Джимми. – Но оно на предохранителе. Блейк забрался в машину и заглянул через спинку переднего сиденья.

– Ух ты, у вас айпад!

– Замолчи, – сказала Рэйчел брату и, прежде чем забраться внутрь, посмотрела на Джимми большими, испуганными глазами. – Не прикасайтесь к ней. Она *липкая*.

Джимми едва не улыбнулся. У него самого была дочь примерно на год младше Рэйчел, и она могла бы сказать то же самое. Насколько он успел понять, все девочки делились на две группы: сорванцы с мальчишескими замашками и принцессы-чистюли. Как и его Эллен, Рэйчел была из чистюль.

Это ошибочное толкование того, что Рэйчел имела в виду под *липкой*, вскоре стало фатальным для патрульного Джимми Голдинга. Но в тот момент он об этом не знал. Когда Рэйчел забралась в машину, Джимми захлопнул заднюю дверцу, подошел к водительской и взял рацию через открытое окно. Он не сводил глаз с подозрительного микроавтобуса и потому не заметил мальчика лет десяти, стоявшего возле закрытого ресторана и прижимавшего к груди подседельную велосипедную сумку из искусственной кожи, словно синего младенца. Солнце вновь выглянуло из облаков, и Пита Симмонса скрыла тень здания.

Джимми вызвал Главное полицейское управление штата.

– Семнадцатый, слушаю вас.

– Я нахожусь у закрытой зоны отдыха на восемьдесят первой миле. Здесь четыре брошенных автомобиля, одна брошенная лошадь и двое брошенных детей. В числе четырех автомобилей есть микроавтобус. Дети говорят... – Джимми замялся, а потом подумал: *Какого черта!* – Дети говорят, что он съел их родителей.

– Поясните.

– Думаю, они имеют в виду, что их схватил кто-то сидящий внутри. Прошу прислать подкрепление. Все доступные подразделения. Как поняли?

– Вас понял. Подкрепление, все доступные подразделения. Но ближайший патруль будет у вас не раньше чем через десять минут. Это двенадцатый пост. Код семьдесят три из Уотервилля.

Эл Эндрюс. Сидит небось где-то в кафе, жует и говорит о политике.

– Вас понял.

– Семнадцатый, продиктуйте мне номер микроавтобуса. Мы пробьём по базе.

– Не могу назвать номер. Номерных знаков нет. Он весь покрыт грязью, невозможно определить производителя и модель. Автомобиль американский. – *Мне так кажется.* – Возможно, «форд» или «шевроле». Дети сейчас у меня в машине. Рэйчел и Блейк Люсье. Фалмут, Фреш-Уиндз-уэй. Я забыл номер дома.

– *Девятнадцать!* – хором выкрикнули Рэйчел и Блейк.

– Они говорят...

– Я слышу, семнадцатый. В какой машине они приехали?

– *В папином искпыдишине!* – тут же крикнул Блейк.

– «Форд-экспедишн», – сказал Джимми. – Номер три-семь-семь-два-ай-уай. Я хочу подойти к этому микроавтобусу.

– Вас понял. Ты там осторожнее, Джимми.

– Вас понял. Да! Можете позвонить в Службу спасения и сообщить им, что с детьми все в порядке?

– Это ты говоришь или Пит Таунсенд?

Очень смешно.

– Семнадцатый, конец связи.

Джимми хотел вернуть рацию на место, но передумал и протянул ее Рэйчел.

– Если что-то случится... что-то *плохое*... нажимай эту кнопку сбоку и кричи в микрофон: «Тридцать». Это значит, что полицейскому нужна помощь. Поняла?

– Да. Только не подходите близко к этой машине, патрульный Джимми. Она *кусается*, она *ест людей* и она *липкая*.

Блейк, ошалевший от восторга – он ведь сидел в настоящей полицейской машине! – на время даже забыл о том, что случилось с родителями, но теперь вспомнил и снова расплакался:

– Я хочу к маме с папой!

Несмотря на весь ужас и до сих пор грозившую им опасность, Рэйчел Люсье закатила глаза – *видите, с кем мне приходится жить*, – и Джимми едва не рассмеялся. Сколько раз он наблюдал такое же выражение на личике пятилетней Эллен Голдинг!

– Послушай, Рэйчел, – сказал Джимми. – Я понимаю, вам страшно, но здесь вы в безопасности, а мне нужно все проверить. Если ваши родители там, в машине, мы же не хотим, чтобы им было плохо и больно, правда?

– **СПАСИТЕ МАМУ И ПАПУ, ПАТРУЛЬНЫЙ ДЖИММИ!** – заревел Блейк. – **МЫ НЕ ХОТИМ, ЧТОБЫ ИМ БЫЛО БО-О-О-О-ОЛЬНО!**

Джимми увидел проблеск надежды в глазах Рэйчел, но очень слабый. Как агент Малдер из «Секретных материалов», она хотела поверить... но, как агент Скалли, не верила. Что они видели, эти детишки?

– Вы там осторожнее, патрульный Джимми. – Рэйчел подняла указательный палец, будто строгая учительница на уроке. Палец слегка дрожал, и это было особенно трогательно. – *Не прикасайтесь к ней.*

Приблизившись к микроавтобусу, Джимми достал из кобуры пистолет, но не стал снимать его с предохранителя. Пока не стал. Встав чуть в стороне от приоткрытой двери, он еще раз спросил, есть ли кто внутри, и потребовал, чтобы они вышли наружу. Так, чтобы он видел

их руки. Никто не вышел. Джимми потянулся к двери, но вспомнил предупреждение Рэйчел и опустил руку. Он решил открыть дверь до конца, подтолкнув ее стволом пистолета. Однако дверь не открылась, а пистолет намертво прилип к ней. Словно она была намазана клеем.

Джимми резко дернуло вперед, будто невидимая рука схватила пистолет и рванула к себе. У Джимми еще было время – одна секунда, – чтобы выпустить пистолет, но у него даже мысли такой не возникло. Едва ли не первое, чему их научили в полицейской академии: никогда не бросать личное оружие. *Никогда.*

Он держал пистолет до последнего, и машина, которая уже сожрала его ствол, принялась за его руку. Рука ушла внутрь по локоть. Солнце выглянуло из-за туч, тень патрульного Джимми Голдинга на асфальте все уменьшалась и уменьшалась. Где-то пронзительно кричали дети.

Микроавтобус ВЛЕПИЛСЯ в патрульного, подумал Джимми. Теперь понятно, что она имела в виду, когда говорила: «Он липкий»...

Потом грянула боль, прогоняя все мысли. Он успел крикнуть. Один раз.

6. Детишки («Ричфорт» 2010-го)

С того места, где стоял Пит, ему все было видно. Он видел, как полицейский подошел к микроавтобусу и хотел подтолкнуть приоткрытую дверь стволом пистолета; видел, как пистолет *утонул* в двери, прошел *сквозь* нее, словно микроавтобус был лишь оптической иллюзией; видел, как полицейского резко дернуло вперед, как с его головы слетела серая шляпа. Затем полицейского втянуло внутрь, и осталась лишь шляпа, лежавшая на асфальте рядом с чьим-то мобильным телефоном. На мгновение все словно замерло, а потом микроавтобус сморщился, сжался, словно кулак. Раздался громкий *чпок* – будто ракеткой ударили со всей силы по теннисному мячу, – и грязный сжатый кулак вновь обрел очертания микроавтобуса.

Маленький мальчик пронзительно завопил; девочка зачем-то кричала: «Тридцать», – снова и снова, словно волшебное заклинание, о котором Джоан Роулинг забыла упомянуть в «Гарри Поттере».

Задняя дверь полицейской машины открылась. Детишки выбрались из салона. Оба плакали в голос, и Пит их понимал. Если бы не потрясение от увиденного, он бы, наверное, тоже расплакался. В голове промелькнула безумная мысль: если выпить еще чуть-чуть водки, станет легче. Выпив, он будет меньше бояться. А если он будет меньше бояться, то, возможно, сумеет понять, что за хрень тут происходит и что ему делать.

Детишки снова пятились к шоссе. Пит догадывался, что в любую секунду они могут запаниковать и броситься бегом. Их следовало остановить, иначе они выскочат на дорогу, где их точно размажет в лепешку.

– Эй! – закричал он. – Эй, вы! Малышня!

Они обернулись к нему – огромные заплаканные глаза на бледных личиках, – он махнул рукой и пошел к ним. Солнце вновь вышло из облаков, и, похоже, на этот раз надолго.

Маленький мальчик шагнул навстречу Питу. Девочка резко оттащила его назад. Сперва Пит подумал, что девчонка боится его, но потом понял: она боится микроавтобуса.

Он обвел рукой широкий полукруг.

– Обойдите его! Обойдите и давайте сюда!

Они перелезли через ограждение на левой стороне подъездной дорожки, чтобы обойти микроавтобус по максимально широкой дуге, а потом срезали путь через стоянку. Когда они приблизились к Питу, девочка отпустила руку брата, села на землю и закрыла лицо ладонями. У нее были косички, которые, видимо, ей заплела мама. Пит смотрел на эти косички, думал о том, что мама девочки уже никогда не заплетет ей косы, и от этой мысли ему стало по-настоящему плохо.

Маленький мальчик мрачно проговорил:

– Оно съело маму и папу. Оно съело тетю, у которой лошадка, и патрульного Джимми. Оно всех съест, наверное. Оно съест *весь мир*.

Если бы Питу Симмонсу было двадцать, он бы стал задавать идиотские, совершенно бессмысленные вопросы. Но ему было десять, и он своими глазами видел, что здесь произошло, поэтому задал простой вопрос. Вопрос по существу:

– Послушай, малышка, сюда уже едет полиция? Ты поэтому кричала «тридцать»?

Она отняла от лица руки и посмотрела на Пита заплаканными глазами.

– Да, они едут. Но Блейк правильно говорит. Их оно тоже съест. Я предупреждала патрульного Джимми, но он мне не поверил.

Пит ей верил, поскольку все видел. Но девчонка права. Полицейские им не поверят. То есть в конечном итоге поверят, но не раньше, чем это машиноподобное чудовище сожрет еще несколько человек.

– Думаю, это пришелец из космоса, – сказал он. – Как в «Докторе Кто».

– Нам не разрешают его смотреть, – ответил мальчик. – Мама с папой говорят, там страшно. Но здесь страшнее.

– Оно живое, – задумчиво произнес Пит.

– Да. – Рэйчел тяжело вздохнула, давясь слезами.

Солнце на миг скрылось за облаком, а когда вышло снова, у Пита появилась идея. Он надеялся показать Норми Терриолу и всем остальным «Чумовым громилам» нечто удивительное, чтобы его приняли в банду. Однако Джордж, как часто бывает со старшими братьями, вернул его с небес на землю: *Они уже тысячу раз видели этот мальшиовый фокус.*

Они, может, и видели, но эта тварь в виде машины могла и не видеть. Вообще никогда. Может, там, откуда она прилетела, нет увеличительных стекол. Или солнца, если на то пошло. Пит вспомнил серию «Доктора Кто» о планете, где всегда было темно.

Вдалеке ревела сирена. Скоро прибудет первый полицейский. Полицейский, который не поверит детишкам, потому что все взрослые считают детей недоумками и врунами.

– Вы оба оставайтесь здесь. А я попробую кое-что сделать.

– Нет! – Девочка мертвой хваткой вцепилась в руку Пита. – Оно и тебя тоже съест!

– Мне кажется, оно не может передвигаться, – сказал Пит, высвобождая руку. Там, где ногти девочки впились в кожу, остались царапины, но Пит не рассердился. Наверное, он сам вел бы себя точно так же, если бы пропали *его* родители. – Мне кажется, оно застряло на одном месте.

– Оно может *тянуться*, – возразила девочка. – Оно тянется шинами. Они тают.

– Я буду за ними следить, – пообещал Пит. – Но мне надо попробовать кое-что. Потому что ты права. Когда приедет полиция, оно съест их всех. А вы стойте на месте.

Он подошел поближе к микроавтобусу (но не совсем близко) и расстегнул подседельную сумку. «Надо попробовать», – сказал он детишкам, но дело было в другом. Если честно, ему *хотелось* попробовать. Это будет похоже на научный эксперимент. Кому рассказать, прозвучит бредово, но не нужно ничего рассказывать. Нужно сделать, и все. Очень... очень... осторожно.

Он вспотел. Когда солнце вышло из облаков, сразу стало теплее, однако Пит потел не только из-за этого. Он поднял голову, щурясь на яркий свет. Голова вновь разболелась с ПОХМЕЛЬЯ, но и черт с ней. *Только не уходи за облака. Не смей уходить. Мне нужна твоя помощь.*

Он достал лупу и наклонился, чтобы положить сумку на землю. В коленях хрустнуло, и дверь микроавтобуса приоткрылась на пару дюймов.

Ему известно, что я рядом. Не знаю, видит оно меня или нет, но оно меня слышит. И, может быть, чует.

Пит сделал еще шаг вперед. Теперь он стоял так близко, что при желании мог дотронуться до микроавтобуса. Если бы у него вдруг возникло такое дурацкое желание.

– *Осторожнее!* – крикнула ему девочка. Они с братом стояли обнявшись. – *Следи за ним!*

Очень медленно и осторожно – как ребенок, сующий ладонь в клетку со львом, – Пит вытянул руку с лупой. На боку микроавтобуса появился круг света, но слишком большой. Слишком *мягкий*. Пит придвинул лупу ближе.

– *Колесо!* – закричал маленький мальчик. – *Смотри за КОЛЕСО-О-ОМ!*

Пит опустил глаза и увидел, что одна из покрышек тает. Щупальце жидкой резины ползло по асфальту к его ноге. Пит не мог отойти: тогда пришлось бы прервать эксперимент. Он поднял ногу и стоял теперь будто аист, на одной ноге. Щупальце тут же сменило направление и поползло к другой ноге.

Времени мало.

Он придвинул лупу еще ближе. Круг света сжался в яркую белую точку. Сначала ничего не произошло. А потом из-под точки света потекли завитки дыма, белая краска под ней почернела.

Изнутри микроавтобуса донесся нечеловеческий рев. Все инстинкты кричали: «Беги!» – но Пит справился с собой и остался на месте. Стиснул зубы и остался. Он твердо держал лупу, мысленно отсчитывая секунды. Когда досчитал до семи, рев сменился пронзительным криком. Питу показалось, что у него сейчас расколется голова. Рэйчел и Блейк разжали объятия и закрыли руками уши.

Патрульный Эл Эндрюс остановился у съезда в зону отдыха и вышел из машины, морщась от этого жуткого крика. *Как сирена воздушной тревоги, которую передают через мощные усилители на рок-концерте*, скажет он позже. Он увидел парнишку, который держал что-то рядом со старым, заляпанным грязью микроавтобусом, то ли «фордом», то ли «шевроле». Мальчик кривился от боли. А может, это была не боль, а решимость. Или и то и другое вместе.

Черное дымящееся пятно на боку микроавтобуса начало расширяться. Белый дым сделался гуще. Стал серым, потом черным. Дальше события развивались стремительно. Пит увидел, как вокруг черного пятна заплясали синие языки пламени. Они разбежались во все стороны, но словно не по поверхности, а *над* ней, как бывало с угольными брикетами в гриле, когда папа поливал их жидкостью для розжига и бросал сверху горящую спичку.

Вязкое щупальце, почти подобравшееся к ноге Пита, резко отдернулось. Микроавтобус вновь сморщился, и синее пламя объяло его со всех сторон. Он сжимался все туже и туже, пока не превратился в пылающий шар. На глазах у Пита, детишек Люсье и патрульного Эндрюса огненный шар взмыл в голубое весеннее небо. Еще мгновение он был виден, сияющий, как уголек, а потом исчез без следа. Пит подумал о холодной черноте за пределами земной атмосферы – о бескрайнем космосе, где может жить и таиться все, что угодно.

Я его не убил, просто прогнал. Ему пришлось улететь, чтобы потушить огонь. Как горящую палочку в ведре с водой.

Патрульный Эндрюс ошеломленно смотрел вверх. В голове у него билась одна мысль: что, скажите на милость, он напишет в отчете об увиденном?

Вдалеке раздался звук сирен.

Пит подошел к детишкам, держа в одной руке сумку, в другой – лупу. Жалко, что здесь не было Джорджа и Норми. Хотя, с другой стороны, ну и что, что их не было? Он отлично провел день и без них, и его уже не волновало возможное наказание. По сравнению с его сегодняшними приключениями прыжки на великах в кучу песка – это просто «Улица Сезам».

Знаете что? Я круче всех.

Он бы, наверное, рассмеялся, если бы на него не смотрели детишки. У них на глазах какой-то уродский инопланетянин только что съел их родителей – съел *живьем*, – и сейчас было не время демонстрировать свою радость.

Маленький мальчик протянул пухлые ручки, и Пит подхватил его. Когда малыш чмокнул Пита в щеку, он не рассмеялся, а лишь улыбнулся.

– Спасибо тебе, – сказал Блейк. – Ты хороший мальчик.

Пит поставил его на землю. Девочка тоже поцеловала Пита, и это было даже мило, хотя было бы еще милее, будь она помладше.

Полицейский уже бежал к ним, и Пит кое-что вспомнил. Он наклонился к девочке и дыхнул ей в лицо:

– Чем-нибудь пахнет?

Рэйчел Люсье посмотрела на него очень по-взрослому.

– Все будет нормально, – ответила она и улыбнулась. Совсем чуть-чуть, но слабая улыбка – все же улыбка. – Главное, не дыши на него. И съешь что-нибудь мятное, прежде чем возвращаться домой.

– Как раз думал купить мятной жвачки, – сказал Пит.

– Да, – ответила Рэйчел. – Жвачка – самое то.

Посвящается Наю Уиллдену и Дагу Аллену, купившим мои первые рассказы

«Гармония премиум»⁴

Перевод Т. Покидаевой

У моей мамы было присловье на любой случай. («И Стивен помнит их все». – Я прямо слышу, как моя жена Табита произносит эти слова и непременно закатывает глаза.)

Мама любила говорить: «Молоко впитывает запахи всего, с чем стоит рядом». Не знаю насчет молока, но это чистая правда, когда речь идет о стилистическом становлении начинающего писателя. В молодости я писал, как Лавкрафт, когда читал Лавкрафта, и как Росс Макдональд, когда читал о приключениях частного детектива Лу Арчера.

Постепенно стилистическое подражание сходит на нет. Мало-помалу у писателя вырабатывается собственный стиль, уникальный, как отпечатки пальцев. Отголоски авторов, которых он читал в годы писательского становления, все равно остаются, но ритм его собственных мыслей – выражение мозговых импульсов, как мне кажется, – постепенно начинает доминировать. В конечном итоге никто не звучит, как Элмор Леонард, кроме самого Леонарда, и никто не звучит, как Марк Твен, кроме самого Твена. Однако время от времени стилистическое подражание возвращается. Так всегда происходит, когда писатель открывает для себя новый и по-настоящему замечательный способ выражения мыслей, который показывает ему, как по-новому видеть и говорить. «Жребий Салема» был написан под воздействием поэзии Джеймса Дикки, и если «Роза Марена» местами напоминает Кормака Маккарти, то лишь потому, что во время работы над этой книгой я читал произведения Маккарти – все, которые смог достать.

В 2009 году редактор «Книжного обозрения “Нью-Йорк таймс”» предложил мне написать двойной обзор: книги Кэрл Скленика «Раймонд Карвер: жизнь писателя» и сборника рассказов самого Карвера, выпущенного «Американской библиотекой». Я согласился, в основном потому, что это дало мне возможность исследовать новую территорию. Будучи всеядным читателем, почему-то я упустил Карвера. Большое «слепое пятно» для писателя – более или менее современника Карвера, скажете вы и будете правы. В свое оправдание могу ответить только: *quot libros, quat breve tempus* – так много книг, так мало времени (и да, у меня есть такая футболка).

В любом случае меня поразили четкость стиля Карвера и великолепное напряжение его прозы. Все на поверхности, но эта поверхность настолько чиста и прозрачна, что читатель видит под ней живую вселенную. Мне понравились рассказы Карвера, мне понравились американские неудачники, о которых он писал с таким знанием дела и с такой нежностью. Да, он был алкоголиком, но это был человек с большим сердцем и уверенным чувством стиля.

Я написал «Гармонию премиум» вскоре после того, как прочел больше двух дюжин рассказов Карвера, так что неудивительно, что здесь ощущается привкус его историй. Если бы я написал этот рассказ в двадцать лет, наверняка получилась бы невнятная копия какого-нибудь писателя получше. Но я написал его в шестьдесят два, и мой собственный стиль проступил на поверхность – не знаю, к добру или к худу. Как и у многих великих американских писателей (таких как Филип Рот и Джонатан Франзен), у Карвера, похоже, отсутствует чувство юмора. Я же вижу юмор почти во всем. Здесь этот юмор черный, но, по-моему, лучшие юмора и не придумаешь. Потому что – уясните себе, – когда речь заходит о смерти, остается только смеяться.

⁴ © Перевод. Т. Покидаева, 2015.

* * *

Они были женаты уже десять лет, и долгое время все шло хорошо – замечательно, – но теперь они ссорились. Теперь они ссорились часто. По сути, это всегда был один и тот же спор. Замкнутый круг. Когда они ссорятся, думает Рэй, это напоминает собачьи бега. Когда они ссорятся, они похожи на двух гончих псов, мчащихся за механическим зайцем. Раз за разом пронесишься мимо одних и тех же декораций, но не видишь пейзажа. Видишь лишь зайца.

Ему кажется, все могло быть иначе, если бы у них были дети. Но жена не может иметь детей. Они наконец сдали анализы, и так сказали врачи. Проблема в ней. У нее что-то не так. Через год после этого он купил ей щенка, джек-рассел-терьера, которого она назвала Бизнес. Если кто спрашивал, Мэри всегда произносила его имя по буквам. Ей хотелось, чтобы все поняли шутку. Она любит эту собаку, но они все равно ссорятся.

Они едут в «Уол-март» за семенами газонной травы. Они решили продать дом – он стал им не по карману, – но Мэри говорит, что они никуда не продвинутся, если не сделают что-то с водопроводом и не благоустроят лужайку. Она говорит, эти лысые пятна придают ей затрапезно-ирландский вид. Лето выдалось жарким, и дождей не было очень долго. Рэй говорит, что ее семена не взойдут без дождя, будь они даже самые распрекрасные. Он говорит, что надо подождать.

– Пройдет еще один год, и ничего не изменится, – возражает она. – Мы не можем ждать еще год, Рэй. Мы станем банкротами.

Когда она говорит, Биз смотрит на нее с заднего сиденья. Иногда он смотрит и на Рэя, когда тот говорит, но не всегда. Обычно он смотрит на Мэри.

– Ты о чем? – спрашивает Рэй. – Если пойдет дождь, тебе не придется тревожиться о банкротстве?

– Мы с тобой в одной упряжке, если ты вдруг забыл, – отвечает она.

Теперь они проезжают через Касл-Рок. Он почти вымер. То, что Рэй называет «экономикой», давно исчезло из этой части Мэна. «Уол-март» располагается на другом конце города, рядом со зданием средней школы, где Рэй работает уборщиком. У «Уол-марта» есть собственный светофор. Люди по этому поводу шутят.

– Пенни сэкономил, а фунт потерял, – говорит он. – Слышала такую поговорку?

– Миллион раз, от тебя.

Он кричит. В зеркале видит, как пес наблюдает за Мэри. Иногда Рэя бесит, когда Биз так делает. Ему вдруг приходит в голову, что они оба не знают, о чем говорят. Это удручающая мысль.

– И остановись на минуточку у «Квик пика», – говорит она. – Хочу купить мячик на день рождения Талли.

Талли – дочь ее брата. Стало быть, Рэю она приходится племянницей, хотя он в этом не уверен, поскольку у них нет кровного родства.

– В «Уол-марте» тоже есть мячи, – говорит Рэй. – И там все дешевле.

– В «Квик пике» есть фиолетовые. Это ее любимый цвет. А в «Уол-марте» может и не быть фиолетовых.

– Если нет, мы заедем в «Квик пик» на обратном пути.

Он чувствует, как тяжелый груз давит ему на голову. Все равно будет, как хочет она. Она всегда добивается своего. Иногда ему кажется, что семейная жизнь – это футбольный матч, а он сам – куортербек в слабейшей команде. Он должен выбрать подходящий момент. Сделать короткий пас.

– На обратном пути он будет на другой стороне, – говорит она, словно их затянуло в поток движения на бойкой улице в большом городе, словно они не ползут через почти опустевший

городок, где закрывается большинство магазинов. – Я забегу на минуточку, куплю мячик и пулей назад.

При твоих двухстах фунтах, думает Рэй, о полетах пулей речь уже не идет.

– Они стоят всего девяносто девять центов, – говорит она. – Не будь таким скрягой.

А ты прекрати швырять деньги на ветер, думает он, но вслух отвечает:

– Раз уж ты все равно зайдешь, возьми мне пачку сигарет. У меня кончились.

– Если ты бросишь курить, мы сэкономим сорок долларов в неделю.

Он и так экономит. Он переводит деньги приятелю из Южной Каролины, чтобы тот слал ему сразу по дюжине блоков. В Южной Каролине блок дешевле на двадцать долларов. Это немалые деньги даже сейчас. Так что он экономит. Он говорил ей об этом сто раз, и еще не раз скажет, но какой в этом толк. У нее в одно ухо влетает, из другого вылетает. В голове ничего не задерживается, поскольку там пусто.

– Я выкуривал по две пачки в день, – говорит он. – А теперь – меньше половины. – На самом деле он курит больше. Она это знает, и Рэй знает, что она знает. Так всегда и бывает, когда столько лет проживешь вместе. Груз, давящий на голову, стал еще тяжелее. К тому же Рэй видит, что Биз по-прежнему смотрит на Мэри. Он кормит чертова пса, он *зарабатывает* на корм, но Биз все равно смотрит на Мэри. А еще говорят, что джек-рассел-терьеры смышленные.

Он сворачивает на стоянку у «Квик пика».

– Если ты так хочешь курить, покупай сигареты у индейцев, – предлагает она.

– В резервации уже десять лет не продают беспощинные сигареты, – отвечает он. – Я тебе сто раз говорил. Ты просто не слушаешь. – Он проезжает мимо бензоколонок и останавливается неподалеку от входа в магазин. Тени нет. Солнце стоит прямо над головой. Кондиционер в машине работает еле-еле. Они оба обливаются потом. Биз на заднем сиденье часто дышит, вывалив язык. Кажется, будто он улыбается.

– Значит, пора бросить курить, – констатирует Мэри.

– А тебе пора бросить жрать печенье с кремом, – заявляет Рэй. Он не хотел этого говорить – он знает, как она обижается на замечания насчет ее веса, – но слова сами сорвались с языка. Он не смог удержаться. Вот так вот.

– Я уже год его не ем.

– Мэри, коробка стоит в буфете, на верхней полке. Коробка на двадцать четыре штуки. За банкой с мукой.

– Ты *шпионил* за мной? – Ее щеки краснеют, и он видит ее такой, какой она была раньше: красивой. Ну ладно, хорошенькой. Все говорили, что она хорошенькая, даже его мать, которой Мэри совершенно не нравилась.

– Я искал открывашку, – объясняет он. – Купил лимонад. В стеклянной бутылке с металлической крышкой.

– И ты искал ее на верхней полке проклятого буфета?!

– Иди покупай свой мяч, – говорит он. – И возьми мне сигарет. Будь человеком.

– А никак нельзя потерпеть до дома?

– Можешь взять подешевле, – говорит он. – Они похуже, но подешевле. Называются «Гармония премиум». – На вкус напоминают засохший коровий навоз, но ничего. Ладно. Лишь бы Мэри заткнулась. Сейчас слишком жарко для споров.

– И где ты будешь курить? В машине, как я понимаю, и мне придется всем этим дышать.

– Я открою окно. Я всегда открываю.

– А я куплю мяч и вернусь. Если ты все еще будешь уверен, что тебе *необходимо* потратить четыре с половиной доллара, чтобы отравить себе легкие, тогда сам и пойдешь. А я посижу с ребенком.

Рэй бесит, когда она называет Биза ребенком. Он – собака, и даже если он такой умный, каким его представляет Мэри, похваливаясь перед знакомыми, он все равно срет на улице и лижет то место, где у него были яйца.

– Купи себе пару печенюц с кремом, – говорит он. – Или, может быть, там будет специальная цена на бисквиты.

– Ты злой, – отвечает она. Выходит из машины и хлопает дверью.

Он припарковался почти вплоты к зданию магазина, и Мэри приходится двигаться боком, пробираясь между стеной и машиной. Рэй знает, что она знает, что он за ней наблюдает и видит, какая она стала толстая. Он знает, что она думает, будто он нарочно припарковался так близко к зданию, чтобы ей пришлось идти боком, и, может, так и есть.

Ему очень хочется курить.

– Ну вот, Биз, старина, остались мы с тобой вдвоем.

Биз ложится на заднем сиденье и закрывает глаза. Пусть он встает на задние лапы и скребет ими пару секунд, когда Мэри включает музыку и велит ему танцевать, а если она говорит ему (ласковым голосом), что он *плохой мальчик*, бредет в угол и садится там мордой к стене, но он все равно гадит на улице.

Время идет, Мэри не возвращается. Рэй роется в бардачке, ищет хоть какие-нибудь сигареты, которые мог там забыть, но сигарет нет. Зато он находит «Снежок», маленькое шоколадное пирожное с кремовой начинкой, в целлофановой упаковке. Рэй тычет пальцем в «Снежок». Жесткий, как окоченелый труп. Ему уже тысяча лет. Может быть, больше. Может, он приплыл на Ноевом ковчеге.

– У каждого своя отравка, – говорит он. Разрывает обертку и бросает «Снежок» на заднее сиденье. – Хочешь, Биз? Давай оторвись.

Биз расправляется со «Снежком» в два укуса. Потом принимается слизывать с сиденья кокосовую стружку. Мэри наверняка разоралась бы, но Мэри здесь нет.

Рэй смотрит на индикатор уровня топлива и видит, что бак уже наполовину пуст. Можно, конечно, выключить двигатель и открыть окна, но тогда он точно сварится заживо. Сидя на солнце в ожидании жены, которая отправилась покупать фиолетовый мяч за девяносто девять центов, хотя ей известно, что в «Уол-марте» есть точно такие же по семьдесят девять. Но там они могут быть красными или желтыми. Талли такое не надо. Только фиолетовый для принцессы.

Он сидит и сидит, а Мэри все не идет.

– Господи Боже! – произносит он.

Его лицо обдувает прохладный воздух. Он снова думает выключить двигатель, чтобы сэкономить немного бензина, а потом говорит себе: какого черта?! И сигарет она ему не принесет. Даже самых дешевых. Это он знает наверняка. Зря он сказал про печенье в буфете.

В зеркале заднего вида он замечает молодую женщину. Та направляется к его машине. Она еще толще, чем Мэри; огромные сиськи колышутся под синим комбинезоном. Биз тоже видит ее и заливается лаем.

Рэй открывает окно.

– Ваша жена – блондинка? – спрашивает женщина, отдуваясь. – Блондинка в кроссовках? – Ее лицо блестит от пота.

– Да. Она пошла покупать мяч для племянницы.

– Ей стало плохо. Она упала. Лежит без сознания. Мистер Гош говорит, это может быть сердечный приступ. Он уже позвонил в Службу спасения. Вам лучше пойти туда.

Рэй закрывает машину и идет в магазин следом за женщиной в синем комбинезоне. После духоты в машине там прямо-таки холодно. Мэри лежит на полу, раскинув ноги. Рядом с проволочной корзиной, наполненной мячами. На корзине висит табличка: «ДЛЯ ЖАРКИХ ЛЕТНИХ ЗАБАВ». Глаза Мэри закрыты. Словно она спит здесь, на линолеуме. Над ней стоят трое.

Темнокожий мужчина в армейских штанах и белой рубашке. На бейджике написано: «МИСТЕР ГОШ, АДМИНИСТРАТОР». И еще два покупателя. Вернее, покупатель и покупательница. Худой, почти лысый старик. Ему уже хорошо за семьдесят. И толстая женщина. Толще Мэри. Толще девушки в синем комбинезоне. Рэй думает, если по справедливости, то это она должна бы сейчас лежать на полу.

– Сэр, вы ее муж? – спрашивает мистер Гош.

– Да, – отвечает Рэй. Ему кажется, этого мало, и он добавляет: – Да, я ее муж.

– Мне очень жаль, но, похоже, она умерла, – говорит мистер Гош. – Я ей делал искусственное дыхание «изо рта в рот», но... – Он пожимает плечами.

Рэй представляет, как этот темнокожий мужчина прикинул ротом к губам Мэри. Вроде как целовал ее взасос. Дышал ей в горло рядом с проволочной корзиной, полной пластиковых мячей. Рэй опускается на колени.

– Мэри, – говорит он. – Мэри! – Словно пытается разбудить ее после тяжелой ночи.

Кажется, она не дышит, но тут нельзя сказать наверняка. Он подносит ухо к ее рту и не слышит вообще ничего. Чувствует движение воздуха на коже, но, может, это просто кондиционер.

– Этот джентльмен вызвал «скорую», – говорит толстая женщина. Она держит в руках большой пакет чипсов.

– Мэри! – говорит Рэй. На этот раз громче, но он не может заставить себя кричать. Только не сейчас, когда он стоит на коленях и его окружают посторонние люди. Он поднимает голову и произносит, словно извиняясь: – Она никогда не болеет. Она здорова как лошадь.

– Всякое в жизни бывает, – отвечает старик и качает головой.

– Она просто упала, – говорит молодая женщина в синем комбинезоне. – Без единого слова.

– Она не хваталась за сердце? – спрашивает толстая женщина с пакетом чипсов.

– Не знаю, – говорит молодая. – Кажется, нет. Я не видела. Она просто упала.

Рядом с корзиной с мячами стоит вешалка с сувенирными футболками. «МОИ ПРЕДКИ КЛЕВО ОТОРВАЛИСЬ В КАСЛ-РОКЕ, А МНЕ ПРИВЕЗЛИ ТОЛЬКО ЭТУ ПАРШИВУЮ ФУТБОЛКУ». Мистер Гош снимает одну и говорит:

– Хотите, я ей закрою лицо, сэр?

– Господи, нет! – Рэй даже вздрагивает. – Может, она просто в обмороке. Мы не врачи, мы не знаем.

Он смотрит поверх плеча мистера Гоша и видит троих подростков, заглядывающих в витрину. Один из них фотографирует на телефон.

Проследив за взглядом Рэя, мистер Гош оборачивается и бросается к выходу, размахивая руками:

– А ну, ребята, пошли отсюда! Давайте, давайте!

Подростки со смехом пятятся от витрины, потом разворачиваются и бегут мимо бензоколонок на тротуар. За ними в полуденном мареве плывет почти опустевший город. Из проезжающей машины доносится ритмичный рэп. Басы напоминают Рэю пропавшее сердцебиение Мэри.

– Где «скорая»? – спрашивает старик. – Почему не едет?

Время идет, Рэй стоит на коленях рядом с женой. Спина и колени болят, но если он встанет, то будет похож на обычного зрителя.

Врачи приезжают на белом с оранжевыми полосами «шевроле-себебн» с красной мигалкой на крыше. Спереди написано: «СЛУЖБА СПАСЕНИЯ ОКРУГА КАСЛ», – в зеркальном отражении, чтобы водители на дороге смогли прочитать надпись в зеркале заднего вида. Умно придумано, думает Рэй.

Входят двое мужчин, одетых в белое. Они похожи на официантов. Один толкает тележку с кислородным баллоном. Баллон зеленый, на нем красуется наклейка с американским флагом.

– Прошу прощения, – говорит тот, который с тележкой. – Разбирались с автомобильной аварией в Оксфорде.

Второй врач видит Мэри, лежащую на полу с раскинутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками.

– Ну надо же, – говорит он.

Рэй не верит своим ушам.

– Она жива? – спрашивает он. – Может, она без сознания? Если да, надо быстрее дать ей кислород, пока не начались повреждения мозга.

Мистер Гош качает головой. Молодая женщина в синем комбинезоне вдруг заливается слезами. Рэй хочет спросить, почему она плачет, но потом понимает. Она придумала целую историю про него, исходя из того, что он только что сказал. Если он вернется сюда, скажем, через неделю и поведет себя правильно, ему, возможно, обломится сострадательный перепихон. Не то чтобы он *собирается* возвращаться, просто видит, что это вполне вероятно. Если ему захочется.

Зрачки Мэри не реагируют на фонарик. Один из врачей слушает ее несуществующее сердцебиение, другой измеряет несуществующее кровяное давление. Так продолжается какое-то время. Подростки возвращаются и приводят друзей. Собирается небольшая толпа зевак. Рэй решает, что их привлекает красная мигалка на крыше спасательного «себена», точно так же, как свет на крыльце привлекает мотыльков. Мистер Гош снова бежит к ним, яростно жестикулируя. Они снова отходят. Потом мистер Гош возвращается к Мэри и Рэю, а подростки опять подходят ближе.

Один из врачей говорит Рэю:

– Это ваша жена?

– Да, жена.

– Мне очень жаль, сэр, но она умерла.

– Пусть Дева Мария благословит ее душу, – произносит толстая женщина с пакетом чипсов и крестится.

Мистер Гош предлагает сувенирную футболку, чтобы закрыть лицо Мэри, но врач качает головой и выходит на улицу. Он говорит толпе зевак, что смотреть здесь не на что, как будто кто-то поверит, что мертвая женщина на полу в «Квик пике» – это нисколько не интересно.

Врач вытаскивает каталку из багажника «себена». Взмах рукой – и все готово. Ножки с колесиками раскладываются сами. Почти лысый старик держит дверь, и врач закатывает в магазин передвижное смертное ложе.

– Жарко там, – говорит он, вытирая лоб.

– Может, вам стоит отвернуться, сэр, – говорит другой врач, но Рэй продолжает смотреть. Врачи поднимают Мэри на каталку. На одном конце лежит сложенная простыня. Врачи разворачивают простыню и накрывают Мэри. Накрывают всю, с головой. Теперь она похожа на труп из фильма. Они вывозят ее на жару. На этот раз дверь придерживает толстая женщина с пакетом чипсов. Толпа отступает на тротуар. Там, наверное, дюжины три человек стоят под беспощадным августовским солнцем.

Поместив Мэри в машину, врачи возвращаются в магазин. Один из них держит папку-планшет. Он задает Рэю вопросы, много вопросов, не меньше двадцати пяти. Рэй отвечает на все и спотыкается только на возрасте. Потом вспоминает, что она моложе его на три года, и говорит: тридцать четыре.

– Мы отвезем ее в больницу Святого Стефана, – сообщает врач, держащий папку. – Можете ехать за нами, если не знаете, где это.

– Я знаю, – отвечает Рэй. – Вы что, собираетесь делать вскрытие? Будете ее резать?

Девушка в синем комбинезоне тихонько охает. Мистер Гош обнимает ее, и она утыкается лицом в его белую рубашку. Рэй мысленно задается вопросом, пялит ее мистер Гош или нет. Он надеется, что не пялит. Не потому, что у мистера Гоша смуглая кожа, а потому, что он в два раза старше ее. Мужчины в годах часто злоупотребляют своим положением, особенно начальники.

– Решать не нам, – говорит врач, – но, скорее всего, нет. Она умерла не в одиночестве...

– *Да уж*, – встречается женщина с чипсами.

– ...и это явно сердечный приступ. Вероятно, ее почти сразу отправят в морг. Только распорядитесь в какой.

В морг? Еще час назад они сидели в машине и ссорились.

– Я не знаю, в какой морг, – говорит Рэй. – У меня нет на примете ни морга, ни участка на кладбище, ничего. Да и зачем это мне? Ей всего *тридцать четыре*.

Врачи переглядываются.

– Мистер Баркетт, в больнице вам все подскажут. Не беспокойтесь.

– *Не беспокойтесь?* Какого черта?!

Машина спасателей выезжает со стоянки у магазина, проблесковые огни по-прежнему мигают, но сирена выключена. Толпа зевак потихоньку расходится. Продавщица в синем комбинезоне, старик, толстая женщина и мистер Гош смотрят на Рэя так, словно он знаменитость. Звезда.

– Она хотела купить фиолетовый мяч для нашей племянницы, – говорит он. – У нее день рождения. Исполняется восемь. Ее зовут Талли. В честь актрисы.

Мистер Гош берет из корзины фиолетовый мяч и протягивает Рэю двумя руками.

– За счет заведения, – говорит он.

– Спасибо, сэр, – отвечает Рэй.

Женщина с чипсами вытирает слезы.

– Мать Божья, Дева Мария, – шепчет она.

Какое-то время они стоят, беседуют. Мистер Гош достает из холодильника лимонад. Тоже за счет заведения. Они пьют лимонад, и Рэй рассказывает им о Мэри, но умалчивает об их ссорах. Он рассказывает, как она сшила лоскутное одеяло, занявшее третье место на ярмарке рукоделия округа Касл. Это было в две тысячи втором. Или, может, в две тысячи третьем.

– Это так грустно, – говорит женщина с чипсами. Она открыла пакет и угостила всех присутствующих. Они едят чипсы и пьют лимонад.

– Моя жена умерла во сне, – сообщает почти лысый старик. – Прилегла вздремнуть на диване и не проснулась. Мы были женаты тридцать семь лет. Я всегда думал, что уйду первым, но Господь распорядился иначе. До сих пор вижу, как она лежит на том диване. – Он качает головой. – Мне просто не верилось.

Наконец Рэй умолкает. У него истощается запас воспоминаний, а у них – ответов. Покупатели снова заходят в магазин. Одних обслуживает мистер Гош, других – женщина в синем комбинезоне. Потом толстая женщина говорит, что ей пора. Перед тем как уйти, она целует Рэя в щеку.

– Вам пора заняться делами, мистер Баркетт, – говорит она. Голосом одновременно укоряющим и игривым. Рэй видит возможность еще одного сострадательного перепахона.

Он смотрит на часы над прилавком. Большие часы с рекламой пива на циферблате. С тех пор как Мэри бочком пробралась между машиной и зданием магазина, прошло почти два часа. И только теперь он вспоминает о Бизе.

Когда он открывает машину, его обдает волной жара, а когда кладет руки на руль, тут же с криком отдергивает их. Внутри настоящая топка, градусов сто тридцать⁵, не меньше. На заднем сиденье лежит мертвый Биз. Глаза мутно-белесые. Язык вывалился из пасти. Пасть приоткрыта, и видны зубы. К усам прилипла кокосовая стружка. Это совсем не смешно – и все равно смешно. Не настолько, чтобы расхохотаться, но есть в этом что-то эдакое. Рэй не может сказать, что именно.

– Биз, старина, – говорит он. – Прости. Я совсем про тебя забыл.

Он смотрит на спекшегося джек-рассел-терьера, и его одолевают великая грусть и веселье одновременно. Ему чудовищно стыдно за это веселье. На самом деле все очень печально.

– Ну, теперь вы с ней вместе, да? – спрашивает он, и это так грустно и трогательно, что у него льются слезы. Льются градом. И пока он рыдает, ему вдруг приходит в голову, что теперь-то он сможет курить сколько хочет. Повсюду в доме. Он сможет курить даже в столовой, за ее обеденным столом.

– Теперь вы с ней вместе, Биз, – говорит он сквозь слезы. Сдавленным, хриплым голосом, как раз соответствующим ситуации, и это громадное облегчение. – Бедная старушка Мэри, бедный старина Биз. Хрен знает что!

Все еще плача и по-прежнему держа под мышкой фиолетовый мяч, он возвращается в «Квик пик». Говорит мистеру Гошу, что забыл купить сигареты. Он думает, может, мистер Гош даст ему пачку «Гармонии премиум» тоже за счет заведения, но щедрость мистера Гоша имеет пределы. Всю дорогу до госпиталя Рэй курит в машине с закрытыми окнами, с Бизом на заднем сиденье и кондиционером, включенным на полную мощность.

С мыслями о Раймонде Карвере

⁵ По Фаренгейту. Примерно 54,5 °С. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Бэтмен и Робин вступают в перебранку⁶

Перевод Т. Покидаевой

Иногда рассказ сразу складывается целиком – готовое произведение. Но чаще всего рассказы приходят ко мне в два этапа: сначала чашка, а потом ручка. Может так получиться, что ручка появится лишь через несколько недель, или месяцев, или даже лет, поэтому у меня в голове есть маленький сундучок, набитый незавершенными чашками, каждая – в умозрительной защитной упаковке, которую мы называем памятью. Какой бы красивой ни была чашка, идти искать ручку – пустое дело, приходится ждать, пока ручка возникнет сама. Я понимаю, это убогая метафора, но когда речь идет о литературном творчестве, почти все метафоры убоги. Я пишу книги всю жизнь, однако до сих пор очень слабо представляю, как идет этот процесс. С другой стороны, я очень слабо представляю, как работает моя печень, но пока она справляется со своими задачами, меня это устраивает.

Почти шесть лет назад я едва не стал свидетелем аварии на оживленном перекрестке в Сарасоте. Какой-то водитель-ковбой пытался протиснуться на своем грузовике в левую полосу, уже занятую другим грузовиком. Водитель, на чье пространство посягали, нажал клаксон, послышался неизбежный визг тормозов, и два бензиновых мастодонта едва не столкнулись, разминувшись буквально на пару дюймов. Водитель, стоявший в левом ряду, опустил стекло и поднял средний палец к синему небу Флориды в традиционном американском приветствии, столь же священном, как и бейсбол. Парень, который едва в него не впилился, ответил тем же и еще, как Тарзан, застучал кулаками в грудь, что, по-видимому, означало: Хочешь подраться? Потом на светофоре загорелся зеленый, другие водители принялись нетерпеливо сигналить, и те двое поехали каждый своей дорогой, так и не вступив в схватку.

Этот случай заставил меня задуматься: а что могло бы произойти, если бы те парни вышли из машин и начали выяснять отношения прямо там, на Тамайами-трейл? Мысль вполне обоснованная – агрессивное поведение на дороге мы видим сплошь и рядом. К сожалению, «сплошь и рядом» не входит в рецепт хорошей истории. И все-таки эта едва не случившаяся авария накрепко врезалась мне в память. Это была чашка без ручки.

Спустя год, может, чуть больше, мы с женой обедали в «Эплби», и я увидел мужчину за пятьдесят, который резал на маленькие кусочки рубленую котлету для совсем пожилого джентльмена. Резал заботливо и аккуратно, а пожилой человек смотрел пустыми глазами поверх его головы. В какой-то момент старик, похоже, включился в реальность и схватил вилку и нож, вероятно, чтобы самому за собой поухаживать. Его спутник улыбнулся и покачал головой. Старик вернул нож и вилку на место и снова уставился в пространство. Я решил, что это отец и сын, и так у меня появилась она – ручка для чашки, – а потом и эта история об агрессии на дороге.

* * *

Сандерсон навещает отца дважды в неделю. Вечером по средам он запирает ювелирную лавку, которую в незапамятные времена открыли его родители, садится в машину и едет три мили до «Овощной фермы», где и встречается с папой, обычно – в общей гостиной. Или в папином «люксе», если отец нехорошо себя чувствует. По воскресеньям – не каждое воскресенье, но часто – Сандерсон вывозит отца куда-нибудь пообедать. Учреждение, где отец доживает

⁶ © Перевод. Т. Покидаева, 2015.

свои последние замутненные годы, это пансионат особого ухода «Харвест-Хиллз», но название «Овощная ферма» кажется Сандерсону более точным.

Они, в общем, неплохо проводят время вместе, и совсем не потому, что Сандерсону больше не нужно менять белье, когда отец ходит под себя, и больше не нужно вскакивать по ночам, когда тот бродит по дому, зовет жену, чтобы она приготовила ему яичницу, или говорит Сандерсону, что эти проклятые мальчишки Фредерики опять забрались к ним во двор и пьют алкоголь, и орут друг на друга (Дори Сандерсон умерла пятнадцать лет назад, а трое братьев Фредерик уже не мальчишки и давным-давно переехали из их района). Есть старая шутка насчет болезни Альцгеймера: ее плюс в том, что каждый день узнаешь что-то новое и знакомишься с новыми людьми. Сандерсон обнаружил, что настоящий плюс заключается в том, что сценарий почти никогда не меняется. Это значит, что почти никогда не приходится импровизировать.

Вот, например, «Эплби». Хотя они с папой обедают там постоянно уже больше трех лет, папа почти всегда заявляет одно и то же: «Неплохое местечко. Надо бывать тут почаще». Он всегда берет рубленую котлету, обязательно слабо прожаренную, а когда приносят хлебный пудинг, говорит, что пудинг его жены гораздо вкуснее. В прошлом году в «Эплби» на Коммерс-уэй перестали готовить хлебный пудинг, и папа – после того как Сандерсон четыре раза прочел ему десертное меню и после бесконечных двух минут размышлений – заказал яблочный коблер. Когда его принесли, папа заметил, что Дори всегда подавала яблочный коблер со взбитыми сливками. А потом просто сидел, глядя в окно на шоссе. В следующий раз он высказался точно так же, но съел весь коблер до крошки.

Обычно папа помнит, как зовут Сандерсона и кем тот ему приходится, но иногда называет Сандерсона Регги, именем его старшего брата. Регги не стало сорок лет назад. Когда Сандерсон собирается уходить из «люкса» по средам – или по воскресеньям, вернув отца на «Овощную ферму», – папа неизменно его благодарит и обещает, что в следующий раз будет чувствовать себя лучше.

В молодости – до встречи с Дори Левин, которая его окультурила, – папа работал бурильщиком на нефтяных скважинах в Техасе, и иногда в нем просыпается этот грубый рабочий парень, который и думать не думал о том, что станет преуспевающим владельцем ювелирной лавки в Сан-Антонио. В таких случаях он сидит у себя в «люксе» и никуда не выходит. Однажды он перевернул кровать и при этом сломал запястье. Когда дежурный санитар – Хосе, любимчик отца – спросил, почему он так сделал, отец ответил, что это все из-за проклятого Гантона, который никак не выключит свое радио. Разумеется, никакого Гантона там нет. Сейчас нет. Когда-то, может, и был. Вероятно.

В последнее время у папы развилась склонность к клептомании. Санитары, медсестры и доктора находят в его палате самые разные вещи: цветочные вазы, пластиковые ложки, ножи и вилки из столовой, пульт от телевизора, что стоит в общей гостиной. Однажды Хосе обнаружил под папиной кроватью большую коробку из-под сигар, в которой лежали фрагменты пазлов и несколько десятков игральные карты из разных колод. Папа не может объяснить никому, включая собственного сына, зачем берет все эти вещи, и обычно отрицает, что вообще их брал. Однажды он сказал Сандерсону, что это Гандерсон пытается его подставить.

– Ты хотел сказать Гантон, папа? – спросил Сандерсон.

Папа взмахнул тонкой, костлявой рукой:

– Этот пошляк только и думал что о бабских шмондях. Тот еще ходок за шмондями из Больших Шмондей.

Однако приступы клептомании вроде бы теперь все реже – по крайней мере, так говорит Хосе, – и в это воскресенье папа ведет себя вполне спокойно. Сегодня не день просветления, но все же не худший из дней. Вполне можно пойти в «Эплби», и если отец не обмочится в ресторане, будет вообще замечательно. Он носит подгузники, но запах все равно есть. По этой

причине Сандерсон всегда выбирает столик в углу. Проблемы с выбором столика нет; они с папой обедают в два, а к тому времени воскресные толпы расходятся по домам смотреть по телевизору бейсбол или футбол.

– Ты *кто*? – спрашивает папа в машине. Погода солнечная, но прохладная. В огромных темных очках и шерстяном пальто отец похож на дядюшку Джуниора, старого гангстера из «Клана Сопрано».

– Я Дуги, – говорит Сандерсон. – Твой сын.

– Я помню Дуги, – отвечает папа, – но он умер.

– Нет, папа. Не умер. Умер *Регги*. Он... – Сандерсон умолкает и ждет, что, может, отец закончит за него. Но тот молчит. – Он разбился на машине.

– Ехал пьяным, да? – спрашивает папа. Это больно даже после стольких лет. В этом минус состояния отца: он способен на необдуманную жестокость, которая все равно ранит.

– Нет, – говорит Сандерсон. – Пьяным был парень, который его ударил, а сам отделался царапинами.

Сейчас этому парню уже хорошо за пятьдесят. Может, у него седина на висках. Сандерсон надеется, что у этого выросшего теперь подростка, который убил его брата, сколиоз четвертой степени, что его жена умерла от рака яичников, что сам он переболел свинкой и остался слепым и стерильным, но, скорее всего, с ним все нормально. Держит где-нибудь бакалейную лавку. Может, даже, помоги им Господь, владеет сетью ресторанов «Эплби». Почему нет? Тогда ему было шестнадцать. С тех пор много воды утекло. Ошибка юности. Все в прошлом. А Регги? И Регги в прошлом. Скелет внутри истлевшего костюма под надгробной плитой на Мишн-Хилл. Иногда Сандерсон даже не может вспомнить, как он выглядел.

– Мы с Дуги играли в Бэтмена и Робина, – говорит папа. – Это была его любимая игра.

Они останавливаются на светофоре, на перекрестке Коммерс-уэй и Эйрлайн-роуд, где скоро произойдет нечто малоприятное. Сандерсон смотрит на отца и улыбается:

– Да, папа! Точно! Мы даже как-то пошли собирать конфеты на Хеллоуин, нарядившись Бэтменом и Робинотом, помнишь? Я тебя уговорил. Крестоносец-в-Плаще и Чудо-мальчик.

Папа смотрит прямо перед собой и молчит. О чем он думает? Или все его мысли сгладилась до несущей частоты? Сандерсон иногда представляет, как может звучать эта почти ровная линия: *м-м-м-м-м-м-м-м*. Как гул тестовой сетки в старом телевизоре, черно-белом, еще до кабелей и спутников.

Сандерсон по-дружески сжимает тонкую руку отца под шерстяным рукавом:

– Ты напился до чертиков, и мама страшно ругалась, но я здорово повеселился. Это был лучший Хеллоуин в моей жизни.

– Я не брал в рот ни капли, если жена была рядом, – отвечает папа.

Да, думает Сандерсон, когда на светофоре включается зеленый. Она тебя отучила.

– Помочь тебе разобраться с меню, папа?

– Я умею читать, – отвечает отец. Читать он уже разучился, но в их уголке светло, и папа сумеет разглядеть картинки даже в темных гангстерских очках дядюшки Джуниора. К тому же Сандерсон знает, что он закажет.

Официант приносит им холодный чай, и папа говорит, что возьмет рубленую котлету, слабо прожаренную.

– Чтобы была розовая, но без крови, – говорит он. – Будет с кровью, отправлю обратно.

Официант кивает:

– Как обычно.

Папа смотрит на него с подозрением.

– На гарнир зеленую фасоль или капустный салат?

Папа фыркает:

– Издеваешься? Какая зелень? В тот год даже дешевенькая бижутерия не продавалась, о крупняке и думать забудь.

– Капустный салат, – говорит Сандерсон. – А мне, пожалуйста...

– *Голяк, а не зелень!* – произносит папа с нажимом и надменно смотрит на официанта, как бы спрашивая: ты посмеешь мне возразить?

Официант, который обслуживал их уже не один раз, только кивает и говорит:

– Просто салат. – Потом обращается к Сандерсону: – А вам, сэр?

Они едят. Отец не хочет снимать пальто, поэтому Сандерсон просит пластиковый слюнявчик и повязывает папе на шею. Папа не возражает, возможно, он вообще этого не замечает. Немного капусты падает ему на брюки, но слюнявчик улавливает почти все капли грибного соуса. Под конец обеда отец сообщает во всеуслышание, что ему так сильно хочется в туалет, что он прямо чувствует вкус мочи в горле.

Сандерсон провожает его в уборную, и папа разрешает ему расстегнуть молнию у него на брюках, но когда Сандерсон хочет стянуть с него эластичный подгузник, папа шлепает его по руке.

– Не трогай чужую сардельку, малыш, – говорит он раздраженно. – Или ты не в курсе?

Эти слова пробуждают одно давнее воспоминание: Дуги Сандерсон стоит перед унитазом, с шортами, спущенными до лодыжек, а папа пристроился на коленях рядом и дает инструктаж. Сколько ему тогда было? Три года? Или два? Да, наверное, только два, но он хорошо это помнит. Воспоминание – словно яркий солнечный блик на стекле рядом с дорогой, столь идеальный, что на сетчатке остался послеобраз.

– Вынимаешь оружие, занимаешь позицию и стреляешь по готовности, – говорит он. Папа косится на него с подозрением, а потом разбивает сердце Сандерсона широкой улыбкой. – Я так говорил моим мальчикам, когда приучал их ходить в туалет, – произносит он. – Дори считала, что это моя задача, и я ее выполнил, ей-богу.

Он выпускает струю, и большая часть действительно попадает в писсуар. Пахнет кислым и сладким. Это из-за диабета. Но теперь-то без разницы, верно? Иногда Сандерсон думает, что чем скорее, тем лучше.

Когда они возвращаются к своему столику, папа, по-прежнему в пластиковом слюнявчике, выносит вердикт:

– Неплохое местечко. Надо бывать здесь почаще.

– Хочешь десерт, папа?

Папа обдумывает это предложение, глядя в окно, при этом его челюсть отвисает. Или это просто несущая частота? Нет, на этот раз – нет.

– Пожалуй, в меня еще что-нибудь влезет.

Они оба заказывают яблочный коблер. Отец разглядывает шарик ванильного мороженого и хмурится:

– Моя жена подавала яблочный коблер со взбитыми сливками. Ее звали Дори. Сокращенно от Дорин. Как в «Клубе Микки-Мауса». Всем привет, вам тут рады.

– Я знаю, папа. Ешь.

– Ты Дуги?

– Да.

– Правда? Это не розыгрыш?

– Нет, папа. Я Дуги.

Отец подносит ко рту ложку с яблоками и мороженым, с которой стекают тяжелые капли.

– Мы это сделали, да?

– Что мы сделали?

– Пошли собирать сласти на Хеллоуин в костюмах Бэтмена и Робина.

Сандерсон смеется, удивленно и радостно.

– Да, папа! Мама сказала, что я-то родился безмозглым, но тебе нет оправдания. И Регги воротил от нас нос. Ему претила вся эта затея.

– Я был пьян, – говорит отец и ест десерт. Доев все до крошки, он рыгает и тычет пальцем в окно: – Посмотри, что там за птицы. Еще раз, как они называются?

Сандерсон смотрит. Птицы сидят тесной группкой на мусорном баке на стоянке у ресторана. Еще несколько сидит на заборе.

– Это вороны, папа.

– Боже, я знаю, – говорит он. – В то время вороны нас не беспокоили. У нас была пневматическая винтовка. Слушай, – он деловито подается вперед, – мы бывали здесь раньше?

Сандерсон быстро обдумывает метафизический потенциал, заключенный в этом вопросе, потом отвечает:

– Да. Мы здесь обедаем почти каждое воскресенье.

– Ну, это хорошее место. Но, полагаю, нам пора ехать обратно. Я устал. И мне надо... того, другого.

– Вздремнуть.

– Именно, – говорит отец с надменным видом.

Сандерсон подзывает официанта, чтобы им принесли счет, и, пока он расплачивается на кассе, отец направляется к выходу, засунув руки в карманы пальто. Сандерсон быстро хватается за сдачу и бежит следом за ним, пока он не вышел на стоянку, а то и на оживленную Коммерс-уэй.

– Хорошая была ночка, – говорит папа, когда Сандерсон пристегивает его ремень безопасности.

– Какая ночка?

– Хеллоуин, балбес. Тебе было восемь, значит, это было в тысяча девятьсот пятьдесят девятом. Ты родился в пятьдесят первом.

Сандерсон удивленно глядит на отца, но старик смотрит прямо перед собой. Сандерсон закрывает пассажирскую дверь, обходит машину спереди и садится за руль. Первые два-три квартала они молчат, и Сандерсон решает, что отец все забыл. Но он не забыл.

– Когда мы подошли к дому Форестеров у подножия холма... ты же помнишь холм, да?

– Холм на Черч-стрит. Да, конечно.

– Точно! Норма Форестер открывает дверь и говорит тебе – еще прежде, чем ты успел открыть рот, – она говорит: «Сласти или напасти?» Потом смотрит на меня и спрашивает: «Выпивасти или напасти?» – Папа кричит, словно несмазанная дверь. Сандерсон не слышал этого звука уже больше года. Отец даже хлопает себя по бедру. – Выпивасти или напасти! Это было сильно! Ты же помнишь, да?

Сандерсон честно пытается вспомнить, но ничего не выходит. Он помнит только, как был доволен и счастлив, что папа пошел вместе с ним, пусть даже папин костюм Бэтмена – собранный на скорую руку – был совершенно убогим. Серая пижама, на груди черным маркером нарисован знак Бэтмена. Плащ, выкроенный из старой простыни. Многофункциональный пояс Бэтмена был представлен обычным кожаным ремнем, за который папа заткнул несколько стамесок и отверток – и даже разводной гаечный ключ, – все это он взял из ящика с инструментами в гараже. На голове – побитая молью лыжная маска, которую папа закатал до носа, чтобы был виден рот. Прежде чем выйти на улицу, папа встал перед зеркалом в прихожей, оттянул маску сверху и подоткнул, чтобы сделать два уха, но они не держались.

– Она предложила мне бутылку пива, – говорит отец.

Они проехали уже девять кварталов по Коммерс-уэй и приближались к перекрестку с Эйрлайн-роуд.

– И ты взял?

Отец в ударе. Сандерсону очень хотелось бы, чтобы так продолжалось всю дорогу до «Овощной фермы».

– Конечно, взял. – Отец надолго умолкает. При приближении к перекрестку Коммерс-уэй расширяется до трех полос. Левая полоса – для тех, кто сворачивает налево. Светофор прямо горит красным, но для левой полосы – зеленая стрелка. – Сиськи у этой девчонки были как две подушки. А как мы с ней любились! Лучше ее у меня не было никого!

Да, они делают тебе больно. Сандерсон знает это не только по собственному опыту, но и из разговоров с другими людьми – родственниками пациентов «Фермы». Обычно они не хотят задевать твои чувства, но задевают. Те воспоминания, что у них еще остаются, все перепутались – как ворованные кусочки пазлов, найденные Хосе в коробке из-под сигар под папиной кроватью, – и у обитателей «Фермы» нет внутреннего ограничителя, который подсказывал бы, что можно говорить, а чего нельзя. У Сандерсона никогда не было причин подозревать отца в том, что тот хоть раз изменил жене за все сорок с чем-то лет их совместной жизни, хотя, наверное, все взрослые дети не сомневаются в своих родителях, если их брак был спокойным и мирным.

Он на миг отрывает взгляд от дороги и смотрит на отца, и поэтому происходит авария, а не просто опасная ситуация из тех, что бывают сплошь и рядом на бойких улицах вроде Коммерс-уэй. Впрочем, авария не слишком серьезная, и хотя Сандерсон не отрицает, что на секунду отвлекся от дороги, он знает, что это была не его вина.

Большой пикап на огромных колесах, с батареей фар на крыше, вырывается на его полосу, чтобы перестроиться влево и успеть повернуть, пока горит стрелка. Задний поворотник не включен; Сандерсон успевает это заметить, когда капот его «субару» въезжает в зад пикапа. Их с папой резко бросает вперед, но пристегнутые ремни защищают от удара. На прежде гладком капоте «субару» вздымается смятая горка металла, однако подушки безопасности не срабатывают. Со звоном бьется стекло.

– Идиот! – кричит Сандерсон. – Господи!

Потом он совершает ошибку. Он нажимает кнопку, которая опускает стекло, высовывает руку в окно и показывает средний палец водителю пикапа. Позже он придет к выводу, что сделал это лишь потому, что с ним в машине сидел отец, и отец был в ударе.

Папа. Сандерсон поворачивается к нему:

– С тобой все в порядке?

– Что случилось? – спрашивает отец. – Почему мы остановились?

Он немного растерян, но в остальном с ним все в порядке. Хорошо, что он был пристегнут, хотя в наше время попробуй не пристегнись. Машина сама не допустит подобного безобразия. Проедешь непристегнутым пятьдесят футов, и она начнет возмущенно пищать. Сандерсон тянет руку к бардачку, открывает его, достает водительские права и страховку. Когда он выпрямляется, водительская дверь пикапа распахнута настежь, а сам водитель идет к нему, совершенно не обращая внимания на машины, которые сигналият и пытаются объехать место аварии. Машин не так много, как в будние дни, но Сандерсон не считает это удачей, он смотрит на приближающегося водителя пикапа и думает: кажется, я крупно влип.

Он знает этого парня. Не лично его, а такой типаж. Южный Техас как он есть. Парень одет в джинсы и футболку с оторванными по шву рукавами. Не отрезанными, а именно оторванными, так что нитки висят бахромой на загорелых мускулистых предплечьях. Ремня на джинсах нет, сами джинсы низко сидят на бедрах, выставляя на всеобщее обозрение марку трусов. Толстая цепь, прикрепленная карабином к петле на поясе джинсов, уходит в задний карман, где, вне всяких сомнений, лежит здоровенный кожаный бумажник, возможно, украшенный эмблемой какой-нибудь хэви-метал-группы. Руки сплошь покрыты татуировками, заходящими даже на шею. Когда камеры видеонаблюдения показывают таких вот парней перед ювелирной

лавкой Сандерсона, он всегда нажимает кнопку, блокирующую входную дверь, так что с улицы в магазин не войдешь. А сейчас ему хочется нажать кнопку, которая блокирует двери машины, но он, конечно, не станет этого делать. Сандерсон уже сто раз пожалел о том, что показал палец этому парню, а ведь у него было время подумать, пока он опускал стекло. Но теперь уже поздно.

Сандерсон открывает дверь и выходит из машины, готовый решить все мирно и даже извиниться, хотя ему не за что извиняться – тот парень выскочил перед ним и даже не включил поворотник! Но его что-то тревожит, тревожит настолько, что мурашки бегут по рукам и по шее, которая сразу взмокла, как только он выбрался из машины, где работает кондиционер. Татуировки у парня грубые, беспорядочные: цепи вокруг бицепсов, ветки терновника на предплечьях, на одном запястье – кинжал с каплей крови, стекающей с острия. Они сделаны явно не в салоне. Это тюремные наколки. Парень – настоящий амбал. Не меньше шести футов двух дюймов в сапогах и не меньше двухсот фунтов с одеждой. А то и все двести двадцать. Рост Сандерсона – пять футов девять дюймов, а весит он сто шестьдесят фунтов.

– Послушайте, я сожалею, что показал вам палец, – говорит Сандерсон. – Просто вспыл. Но вы перестроились, не включив...

– Смотри, что ты сделал с моей машиной! – перебивает его татуированный амбал. – Я на ней и трех месяцев не проездил!

– Нам нужно обменяться данными по страховке.

И еще им нужен полицейский. Сандерсон оглядывается по сторонам и видит только зевак в автомобилях, которые притормаживают, чтобы объехать место аварии, и уносятся прочь.

– Откуда у меня взяться страховке, если я еще даже не расплатился за эту дуру?

Страховка нужна обязательно, думает Сандерсон, это закон. Только парням вроде этого плевать на закон. Что лишний раз подтверждает резиновая мошонка, болтающаяся под задним номерным знаком.

– Ты чего меня не пропустил, придурок?

– У меня не было времени затормозить, – говорит Сандерсон. – Вы перестроились, а поворотник не включили...

– Я включил поворотник!

– Тогда почему он не горит? – спрашивает Сандерсон.

– Потому что ты расколотил мою фару, кретин! Что я скажу своей девушке? Все выплаты записаны на нее! И не тычь мне в лицо этой дрянью!

Он бьет Сандерсона по руке, в которой тот держит права и страховочную карточку. Они падают на асфальт. Сандерсон ошеломленно смотрит вниз. Его документы валяются на дороге.

– Я сейчас поеду, – говорит амбал. – Я сам чиню свою тачку, а ты сам чинишь свою. Вот так мы и поступим.

«Субару» Сандерсона пострадал гораздо сильнее, чем пикап-переросток, ремонт обойдется тысячи в полторы-две, но Сандерсон возмущается не из-за этого. И не из-за боязни, что амбал может уйти безнаказанным – тут всего-то и нужно, что записать номерной знак, под которым болтается резиновая мошонка. И даже не из-за жары, которая просто убийственна. Может быть, Сандерсон и не стал бы возмущаться, если бы не его старенький отец, сидящий на пассажирском сиденье, не понимающий, что случилось, и нуждающийся в отдыхе и покое. Отец хотел лечь вздремнуть. Сейчас они были бы уже на полпути к «Овощной ферме», но нет. Нет. Потому что этот урод полез перестраиваться, нарушая правила. Потому что ему надо было успеть повернуть, пока горит зеленая стрелка, а иначе весь мир погрузился бы во мрак и вострубили трубы Страшного суда.

– Нет, так не получится, – говорит Сандерсон. – Это вы виноваты. Вы выскочили на мою полосу прямо передо мной, не включив поворотник. У меня не было времени затормозить. Я хочу увидеть ваши права. И документы на машину.

– Иди в жопу, – отвечает амбал и бьет Сандерсона кулаком в живот. Сандерсон сгибается пополам, из легких выходит весь воздух. Ему следовало понять, что не стоит провоцировать этого психа, и он это *понимал*, каждый бы понял при одном только взгляде на эти любительские наколки, но все равно возразил, поскольку не представлял, как что-то подобное может случиться среди бела дня, на оживленном перекрестке Коммерс-уэй и Эйрлайн-роуд. Он человек миролюбивый. В последний раз дрался в третьем классе из-за бейсбольных карточек.

– Вот тебе документы, – говорит амбал. Пот ручьями течет по его лицу. – Надеюсь, ты доволен. А насчет прав – у меня их нет. Понятно тебе? Ни хрена *нет*. У меня сейчас будет полная жопа, и все из-за тебя. Сидел там, дрочил за рулем вместо того, чтобы смотреть на дорогу. Пидор комнатный!

И тут амбал слетает с катушек. Может, из-за аварии, или из-за жары, или из-за того, что Сандерсон так настойчиво требовал показать документы, которых у него не было. Может, даже просто из-за звука собственного голоса. Сандерсон много раз слышал фразу «слететь с катушек», но только теперь по-настоящему понимает, что это такое. Его учителем становится татуированный шкаф, и, надо сказать, учитель из него хороший. Шкаф сцепляет пальцы в замок, сооружая двойной кулак. Сандерсон еще успеваает заметить, что на костяшках пальцев у этого парня наколоты синие глаза, а потом ему в лицо бьет кувалда, и он отлетает назад, к покореженному правому боку своей машины. Он чувствует, как металлическая зазубрина рвет рубашку и кожу под ней. Кровь стекает по боку, горячая, словно он в лихорадке. Потом колени подкашиваются, и Сандерсон падает на асфальт. Смотрит на свои руки и не верит, что они его. Правой щеке горячо, по всем ощущениям, она раздувается, словно тесто. Из правого глаза градом льют слезы.

Следующий удар приходится по больному боку, сразу над талией. Сандерсон ударяется головой о правую переднюю крышку «субару». Пытается отползти подальше от тени татуированного амбала. Амбал орет на него, но Сандерсон не разбирает слов, только *бу-бу-бу* – так взрослые разговаривают с детьми в мультике «Мелочь пузатая». Сандерсон хочет сказать ему: ладно, ладно, каждому свое, кому – арбуз, а кому – свиной хрящик, и какой смысл ругаться. Он хочет сказать: давай без обид (пусть даже его самого очень крепко обидели), ты идешь своей дорогой, я иду своей, счастливого пути, увидимся завтра, мышкетеры. Но он не может вдохнуть. Кажется, сейчас у него случится сердечный приступ, если уже не случился. Он пытается поднять голову – раз уж ему суждено умереть, то перед смертью хотелось бы посмотреть на что-то более интересное, чем асфальт на Коммерс-уэй и капот собственной разбитой машины, – но ничего не получается. Шея напоминает вареную макаронину.

Еще один пинок. На этот раз – по левому бедру. А потом татуированный амбал издает странный гортанный крик, и на серый асфальт капают красные капли. Поначалу Сандерсон думает, что кровь идет у него из носа – или, может быть, из разбитой губы, – но тут теплые струйки проливаются ему на затылок. Словно теплый тропический дождь. Сандерсон отползает чуть дальше, за капот своей машины, и там ему удается перевернуться и сесть. Он смотрит вверх, щурясь на яркий солнечный свет, и видит папу, стоящего рядом с амбалом. Амбал согнулся пополам, будто у него прихватило живот. Одной рукой он держится сбоку за шею, из которой торчит какая-то деревяшка.

Поначалу Сандерсон не понимает, что произошло, но потом до него доходит: деревяшка – рукоятка ножа, и этот нож Сандерсон уже видел. Он его видит почти каждое воскресенье. Чтобы разрезать рубленую котлету, которую папа всегда берет на воскресных обедах, не нужен острый столовый нож, котлету легко разломать вилкой, однако нож им все равно приносят. Такой уж в «Эпплби» сервис. Возможно, папа не помнит, кто из сыновей приезжает его навещать, не помнит, что его жена умерла, и, наверное, даже не помнит свое второе имя, но он, похоже, не растерял рассудительную жестокость, благодаря которой сумел превратиться из простого рабочего-буровика в преуспевающего владельца ювелирного магазина.

Он подстроил все так, чтобы я отвлекся на птиц, думает Сандерсон. На ворон на стоянке. А сам потихоньку взял нож.

Татуированный амбал теряет интерес к человеку, сидящему на дороге, и даже не смотрит на старика. Амбал начинает кашлять. Каждый раз, когда он кашляет, у него изо рта вылетает алая струйка. Одной рукой он пытается выдернуть нож из шеи. Кровь заливает его футболку, кровь забрызгала джинсы. Он идет в сторону перекрестка Коммерс-уэй и Эйрлайн-роуд (где все движение остановилось), по-прежнему кашляя и не разгибаясь. Его свободная рука делает приветственный взмах: *Здравствуй, мама!*

Сандерсон поднимается. Ноги дрожат, но держат. Он слышит рев приближающихся сирен. Вот и полиция. Как всегда, слишком поздно.

Сандерсон обнимает отца за плечи.

– Папа, с тобой все в порядке?

– Этот мужик тебя бил, – буднично произносит папа. – Кто он такой?

– Я не знаю. – По щекам Сандерсона текут слезы. Он вытирает их.

Татуированный амбал падает на колени. Он больше не кашляет. Теперь он издает глухое, сдавленное рычание. Большинство зевак остается на месте, и лишь парочка смельчаков подходит к амбалу, желая помочь. Сандерсон думает, что ему, вероятно, уже не поможет, но флаг им в руки.

– Мы уже пообедали, Регги?

– Да, папа, мы пообедали. И я Дуги.

– Регги умер. Ты же мне говорил?

– Да, папа.

– Этот мужик тебя бил. – У папы лицо ребенка, который ужасно устал и хочет спать. – У меня голова разболелась. Давай поедем. Мне надо прилечь.

– Сначала надо дождаться полицию.

– Зачем? Зачем нам полиция? *Кто* этот мужик?

Сандерсон чувствует запах дерьма. Его отец наложил в штаны.

– Давай ты сядешь в машину, папа.

Отец позволяет Сандерсону провести его вокруг смятого капота «субару». Говорит:

– Славный был Хеллоуин, да?

– Да, папа.

Сандерсон помогает восьмидесятитрехлетнему Крестоносцу-в-Плаще сесть в машину и закрывает дверь, чтобы не выпускать прохладу. Первая полицейская машина уже подъезжает, и сейчас они потребуют документы. Шестидесятилетний Чудо-мальчик прижимает руку к больному боку и бредет к водительской двери, чтобы поднять с земли упавшие права.

Посвящается Джону Ирвингу

Дюна⁷

Перевод Т. Покидаевой

Как я писал в предисловии к «Бэтмену и Робину», иногда – очень редко – ты получаешь целую чашку, уже с ручкой. Боже, как мне это нравится! Занимаешься своими делами, ни о чем не думаешь, и вдруг, ка-бум, рассказ прибывает специальной доставкой, законченный и готовый. Остается лишь сесть и его записать.

Дело было во Флориде, я выгуливал собаку на пляже. Поскольку стоял январь и было холодно, на пляже, кроме меня, никого не оказалось. Далеко впереди я увидел нечто похожее на надпись на песке. Подойдя ближе, понял, что это был обман зрения, игра света и тени, но ум писателя – настоящая свалка разрозненных фактов и деталей, и я сразу вспомнил цитату (оказалось, что это Омар Хайям): «И перст судьбы за знаком чертит знак». Потом мне представилось некое волшебное место, где невидимый перст судьбы пишет на песке нечто страшное, и у меня сразу сложился рассказ. Финал этого рассказа мне очень нравится. Может быть, он не так хорош, как в «Августовской жаре» У.Ф. Харви (Харви – это классика), но все равно где-то близко.

* * *

Под ясным утренним небом Судья забирается в лодку. Это медленный и неловкий процесс, занимающий почти пять минут, и Судья размышляет о том, что стариковское тело – лишь мешок, в котором ты носишь болячки и унижения. Восемьдесят лет назад, когда ему было десять, он мигом запрыгивал в лодку и отталкивался от берега: никакого громоздкого спасательного жилета, никаких горестей и волнений и, уж конечно, никаких капель мочи, натекающих в трусы. Каждая поездка на маленький безымянный островок, находящийся в заливе в двухстах ярдах от берега, словно наполовину погруженная подводная лодка, начиналась с большого тревожного волнения. Сейчас осталась только тревога. И боль, поселившаяся глубоко в животе и расходящаяся лучами по всему телу. Но он все равно ездит на остров. Очень многое утратило для него привлекательность за последние мрачные годы – почти все, что прельщало раньше, – но только не дюна на дальней стороне острова. Только не дюна.

В ранние годы своих исследований он после каждого сильного шторма боялся, что она исчезнет, и уж точно – после урагана 1944-го, потопившего эсминец «Уоррингтон» вблизи Веро-Бич. Но когда небо очистилось, остров никуда не делся. Дюна тоже осталась на месте, хотя ветер, достигший скорости сто миль в час, должен был сдуть весь песок, оставив лишь голые скалы и шишки кораллов. За эти годы Судья не раз задавался вопросом, откуда исходит волшебство: от него самого или от острова. Возможно, и от него, и от острова, но, вне всяких сомнений, больше всего волшебства заключается в дюне.

С 1932 года он побывал на острове, наверное, не одну тысячу раз. Обычно там нет ничего, кроме скал, чахлах кустов и песка, но иногда там появляется что-то еще.

Наконец кое-как усевшись в лодку, он берется за весла и медленно гребет к островку. Ветер развеивает его седые волосы – те редкие волоски, что еще имеются на почти лысой голове. Над ним кружат грифы-индейки, перекликаясь противными голосами. Когда-то он был сыном самого богатого человека на побережье Флоридского залива, потом – юристом, потом – судьей в окружном суде Пинелласа, а затем его пригласили в Верховный суд штата. В годы президентства Рейгана ходили слухи о переводе в Верховный суд США, но перевод не состоялся, и

⁷ © Перевод. Т. Покидаева, 2015.

через неделю после того, как президентское кресло занял этот придурок Клинтон, судья Харви Бичер – просто Судья для многочисленных знакомых (настоящих друзей у него нет) в Сарасоте, Оспри, Нокомисе и Венеise – вышел в отставку. Ну и ладно, ему все равно не нравилось в Таллахасси. Слишком холодно.

И далековато от острова и его удивительной дюны. Во время этих утренних путешествий, когда Судья неторопливо гребет и лодка скользит по тихой, гладкой воде, он готов признаться себе, что полюбил этот островок. Да и кто бы не полюбил такое диво?

На восточной стороне острова – только скалы, поросшие чахлым кустарником и усеянные птичьим пометом. Здесь он привязывает лодку и всегда проверяет, что привязал ее крепко. Было бы очень некстати застрять здесь; папины владения (он по-прежнему называет их папиными, хотя Бичер-старший умер сорок лет назад) простираются почти на две мили по побережью залива, дом стоит далеко от моря, в Сарасотской бухте, и никто не услышит криков Судьи. Томми Кертис, мажордом, возможно, заметит его отсутствие и отправится на поиски, но, скорее всего, он решит, что Судья опять заперся у себя в кабинете, где частенько сидит целыми днями и вроде бы пишет мемуары.

Раньше миссис Райли могла бы встревожиться, если бы он не вышел к обеду, но в последнее время он почти никогда не обедает (она называет его «жердь с ушами», разумеется, не в лицо). Другой прислуги в доме нет, и Кертис с миссис Райли оба знают, что Судья очень не любит, когда ему мешают работать. Хотя работа не то чтобы кипит – за два года он не добавил ни строчки к своим мемуарам и в душе уверен, что никогда их не закончит. Незавершенные воспоминания флоридского судьи? Невелика беда. А ту единственную историю, которую *можно было бы* записать, он никогда не запишет.

Из лодки Судья выбирается еще медленнее, чем садился. В этот раз он не устоял на ногах, и волны, набегающие на гальку, намочили рубашку и брюки. Бичера это не смущает. Он падает не впервые, и здесь его никто не видит. Наверное, он совсем выжил из ума, раз продолжает ездить на остров в столь преклонном возрасте, пусть даже остров располагается очень близко к материка, но перестать ездить сюда он не может. Это уже не любовь, а зависимость. Такое не лечится.

Бичер с трудом поднимается на ноги и держится за живот, пока боль не проходит. Отрянув брюки от песка и мелких ракушек, привязывает лодку, потом поднимает взгляд и видит, что на верхушке самой высокой скалы сидит гриф-индейка и смотрит на него сверху вниз.

– Кыш! – кричит Судья хриплым, надтреснутым голосом, который ненавидит, – голосом сварливой старухи в глухом черном платье. – Кыш, чертяка! Лети, занимайся своими делами!

Гриф встряхивается, расправляет крылья, но тут же снова складывает. И сидит где сидел. Взгляд его черных глаз-бусинок словно говорит: *Судья, сегодня мое дело — ты.*

Бичер наклоняется, поднимет большую ракушку и швыряет в птицу. На этот раз гриф улетает. Хлопки его крыльев напоминают звук рвущейся ткани. Пролетев над водой, гриф садится на лодочную пристань на материке. *Все равно это дурной знак*, думает Бичер. Ему вспоминается, как Джимми Каслоу из флоридской автодорожной инспекции однажды сказал, что грифы-индейки знают не только, где падаль сейчас, но и где она *будет*.

– Я сам сколько раз наблюдал, как эти уродцы кружат над определенным местом на дороге, а потом, через день-два, там происходила авария со смертельным исходом, – сказал Каслоу. – Я понимаю, похоже на бред, но во Флориде любой дорожный полицейский скажет вам то же самое.

Судья Бичер почти каждый раз видит грифов-индеек на этом маленьком безымянном островке. Наверное, для них он пахнет смертью. И почему нет?

Он идет по тропинке, которую сам же и протоптал за долгие годы. Он посмотрит на дюну на другой стороне островка, где на пляже песок, а не галька вперемешку с битыми ракушками, потом вернется к лодке и выпьет бутылочку холодного чая. Может, даже вздремнет на утрен-

нем солнышке (он сейчас много спит, как, наверное, все девяностолетние старики), а когда проснется (*если* проснется), вернется домой. Он убеждает себя, что дюна будет обычной дюной, чистым и ровным песчаным холмом, но в глубине души уверен: это не так.

И проклятые грифы тоже об этом знают.

Он долго стоит на песчаной стороне, заложив за спину руки и сцепив искривленные возрастом пальцы в замок. Спина болит, плечи болят, ноги болят; а сильнее всего болит живот. Но сейчас он об этом не думает. Может, позже подумает, но не сейчас.

Он смотрит на дюну и на то, что написано на песке.

Энтони Уэйленд прибывает в особняк Бичера «Пеликан-Пойнт» ровно в семь часов вечера, как было оговорено. Судья всегда ценил пунктуальность – как в зале суда, так и в частной жизни, – а малыш пунктуален. Бичер напоминает себе, что нельзя называть Уэйленда *мальшом* в лицо (хотя здесь, на Юге, вполне приемлемо обращение *сынок*). Уэйленду еще не понять, что для девяностолетнего старика всякий мужчина моложе шестидесяти выглядит как мальчишка.

– Спасибо, что приехали, – говорит Судья, провожая Уэйленда к себе в кабинет. Они одни, Кертис и миссис Райли давно разъехались по домам в Нокомисе. – Вы принесли необходимые документы?

– Да, конечно, господин судья. – Уэйленд открывает большой портфель и достает толстую стопку бумаг. Это не веленевая бумага, как в прежние времена, но все равно очень качественная и плотная. На верхнем листе напечатано зловещим жирным шрифтом (такой шрифт всегда наводит Судью на мысли о надгробиях): «Завещание ХАРВИ Л. БИЧЕРА».

– Признаться, меня удивило, что вы не подготовили документ сами. Вы явно лучше меня разбираетесь в наследственном праве штата Флорида. Вы, наверное, забыли больше, чем знаю я.

– Вполне возможно, – сухо отвечает Судья. – В моем возрасте многое забывается.

Уэйленд краснеет до корней волос.

– Я не имел в виду...

– Знаю, что вы имели в виду, – говорит Судья. – Я не в обиде, сынок. Но раз вы спросили... знаете старую поговорку, что человек, выступающий собственным адвокатом, получает в клиенты дурака?

Уэйленд улыбается.

– Знаю и часто ею пользуюсь, когда выступаю общественным защитником и какой-нибудь скот, избивший жену, или водитель, сбежавший с места аварии, заявляет, что ему никакой адвокат не нужен и он сам будет защищаться в суде.

– Я так и думал, но вот полная версия: юрист, выступающий собственным адвокатом, получает в клиенты *круглого* дурака. Верно для уголовного, гражданского и наследственного права. Может, перейдем к делу? Время не ждет.

Он имеет в виду не только сегодняшний вечер.

Они переходят к делу. Миссис Райли оставила кофе без кофеина, но Уэйленд предпочитает кока-колу. Он аккуратно записывает все, что судья Бичер сухо и деловито диктует ему, внося изменения в старые пункты своего завещания и добавляя новые. Самое главное изменение: четыре миллиона долларов отходят Обществу защиты природы и пляжей округа Сарасота. Чтобы вступить во владение наследством, его представители должны добиться от законодательного органа штата, чтобы определенный крошечный островок у побережья «Пеликан-Пойнт» был навсегда объявлен заповедником дикой природы.

– С этим проблем не будет, – говорит Судья. – Можете подготовить для них документы. Я предпочел бы *pro bono*⁸, но, разумеется, этот вопрос остается на ваше усмотрение. Все решится за одну поездку в Таллахасси. Это крошечный островок, там ничего не растет, кроме чахлах кустов. Губернатор Скотт и его шайка будут в восторге.

– Почему, господин судья?

– Потому что когда защитники природы придут к ним в следующий раз клянчить денег, им будет сказано: «Старый судья Бичер оставил вам четыре миллиона, так что давайте, ребята, идите лесом, и осторожнее, чтобы по заднице не стукнуло дверь».

Уэйленд согласен, что скорее всего так и будет, и они переходят к следующим пунктам завещания.

– Когда я подготовлю чистовик, нам понадобится нотариус и два свидетеля, – говорит Уэйленд, закончив с документом.

– Лучше заверить уже имеющийся экземпляр, для подстраховки, – советует Судья. – Если со мной что-то случится в ближайшее время, завещание останется в силе. Его никто не оспорит; я пережил всех.

– Очень мудрая предосторожность, господин судья. Лучше все сделать сегодня вечером. Как я понимаю, ваша экономка и мажордом...

– Появятся только завтра в восемь утра, – говорит Судья, – но я займусь этим вопросом в первую очередь. Гарри Стейнс, нотариус на Вамо-роуд, не откажется зайти ко мне утром по дороге в контору. Он мне кое-чем обязан. Оставьте завещание у меня, сынок. Я запишу его в сейфе.

– Я должен хотя бы удостовериться...

Уэйленд умолкает, глядя на протянутую старческую руку. Когда судья Верховного суда штата (даже вышедший в отставку) протягивает тебе руку, никаких возражений быть не может. Какого черта, это всего лишь исправленное завещание, которое скоро заменится чистовым экземпляром. Он отдает Судье незаверенное завещание и наблюдает, как тот встает (с трудом), подходит к стене и сдвигает пейзаж с парком Эверглейдс. Картина поворачивается на потайных петлях. Судья набирает код, не пытаясь прикрыть сенсорную клавиатуру, и кладет завещание поверх большой, небрежно сложенной стопки наличных. Во всяком случае, Уэйленду кажется, что это наличные. Боже!

– Ну вот! – говорит Бичер. – Все готово. Осталось только нотариально заверить. Может, отметим? У меня есть очень хорошее виски.

– Ну... думается, один стаканчик не повредит.

– Раньше мне никогда не вредило, но те времена уже в прошлом, так что, простите, компанию я вам не составлю. Кофе без кофеина и слабенький сладкий чай – самое крепкое, что я себе позволяю. Проблемы с желудком. Лед?

Уэйленд показывает два пальца, и Бичер кладет в стакан два кубика льда с церемонной неторопливостью, свойственной старикам. Уэйленд делает глоток, и у него на щеках сразу же проступает румянец. Характерный румянец человека, который всегда не прочь выпить, думает судья Бичер. Уэйленд ставит стакан на стол и интересуется:

– Можно спросить, почему вдруг такая спешка? Как я понимаю, с вами все в порядке. Не считая проблем с желудком.

Судья сомневается, что молодой человек действительно так считает. Он не слепой.

– Стариковские причуды, – говорит он, покачивая рукой, и опускается в кресло, кряхтя и морщась. Секунду подумав, спрашивает: – Вы действительно хотите знать, почему такая спешка?

Уэйленд не торопится с ответом, и Судье это нравится. Потом Уэйленд кивает.

⁸ Безвозмездные юридические услуги (*лат.*).

– Это связано с островком, о котором мы только что позаботились. Вы, наверное, его никогда и не замечали?

– Честно сказать, нет.

– Его почти никто не замечает. Это действительно крошечный островок. Даже морские черепахи не обращают на него внимания. И все-таки это особенный остров. Вы знали, что мой дед участвовал в Испано-американской войне?

– Нет, сэр, не знал. – Уэйленд произносит это с преувеличенным уважением, и Судья понимает, что малыш думает, будто у старика поехала крыша. Но малыш ошибается. Голова у Бичера работает четко и ясно как никогда, и, уже начав говорить, он понимает, что ему хочется рассказать эту историю хотя бы раз, прежде чем...

В общем, прежде чем.

– Да. Есть фотография, где он стоит на вершине холма Сан-Хуан. Она где-то тут. Грампи утверждал, что участвовал и в Гражданской войне, но я провел изыскания – для моих мемуаров, как вы понимаете, – и нашел убедительные доказательства, что такого быть не могло. В то время он был совсем маленьким, если вообще родился. Но он был джентльменом с весьма изощренным воображением, и в детстве я верил всем его выдумкам, даже самым безумным. Да и разве могло быть иначе? Я был ребенком и только-только перестал верить в Санта-Клауса и зубную фею.

– Он был юристом, как вы и ваш отец?

– Нет, сынок, он был вором. Тащил все, что плохо лежит. Все, что не прибито гвоздями, а что прибито, отковыривал и тоже тащил. Однако, как и большинство воров, которые не попались – взять хоть нашего нынешнего губернатора, – он называл себя бизнесменом. Помимо прочего, он проворачивал сделки с землей. Скупал за бесценок участки во Флориде, кишацие аллигаторами и мошкаррой, и продавал втридорога наивным, доверчивым простакам. Бальзак однажды сказал: «За всяким большим состоянием стоит преступление». Это чистая правда по отношению к семейству Бичеров, и, пожалуйста, не забывайте, что вы мой поверенный. Все, что я говорю вам сейчас, строго конфиденциально.

– Да, господин судья. – Уэйленд отпивает еще глоток. Он в жизни не пробовал такого хорошего виски.

– Именно Грампи Бичер показал мне тот остров. Мне было тогда десять. Меня оставили с ним на весь день, а ему, думается, хотелось тишины и покоя. Или хотелось кое-чего пошумнее. В доме в то время служила смазливая горничная, и, возможно, он питал надежду исследовать райские кущи у нее под юбкой. Так вот, он сказал мне, что Эдвард Тич – больше известный как Черная Борода, – по слухам, закопал клад на этом самом острове. Несметные сокровища. «Клад так никто и не нашел, Хави, – сказал он. Он называл меня Хави. – Но вдруг тебе повезет. Вдруг ты найдешь этот клад. Драгоценные камни и золотые дублоны». Вы, наверное, уже догадались, что я сделал потом.

– Вы поплыли на остров, оставив деда развлекаться с девицей.

Судья улыбается и кивает:

– Я взял старую деревянную лодку, привязанную на пристани. Греб так, словно за мной гнались черти. Добрался до острова за пять минут. Сейчас-то это занимает не меньше четверти часа, если нет волны. На берегу, что смотрит на материк, скалы, а на стороне, выходящей к заливу, есть песчаная дюна. Она там всегда. За те восемь десятков лет, что я бываю на острове, она совершенно не изменилась.

– Как я понимаю, сокровищ вы не нашли?

– В каком-то смысле нашел. Но не золото и драгоценные камни. Я нашел имя, написанное на песке этой дюны. Как будто палкой, только палки поблизости не было. Буквы были продавлены глубоко, и из-за теней складывалось впечатление, что они выступают наружу. Почти парят над песком.

– Что за имя, господин судья?

– Думаю, чтобы вы лучше поняли, вам надо увидеть, как оно пишется.

Судья открывает верхний ящик стола, достает лист бумаги, что-то пишет на нем большими печатными буквами и переворачивает бумагу так, чтобы Уэйленд мог прочесть: «РОБИ ЛАДУШ».

– Ясно... – осторожно произносит Уэйленд.

– Это был мой лучший друг, и если бы он тогда не уехал, мы бы отправились за сокровищами вдвоем, ну, вы знаете, как это бывает, когда мальчишки крепко дружат.

– Они неразлучны, как сиамские близнецы, – говорит Уэйленд с улыбкой. Возможно, он вспоминает своего лучшего друга из давно минувших дней.

– Да, – соглашается Бичер. – Но дело было на летних каникулах, и он уехал с родителями к бабушке, маминой маме, в Мэриленд или Виргинию, в общем, куда-то на север. Так что я был один. Но обратите внимание. *По-настоящему* его звали Роберт Ла Дьюш.

Уэйленд опять произносит:

– Ясно...

Судья думает, что это подчеркнуто медлительное «ясно» вполне терпимо в небольших дозах, но со временем начнет раздражать. Впрочем, времени осталось не так много, так что бог с ним.

– Мы с ним были лучшими друзьями, но у нас имелась целая компания мальчишек, и все называли его Робби Ладуш. Понимаете?

– Кажется, да, – говорит Уэйленд, однако Судья видит, что тот ничего не понимает. Впрочем, это простительно; у Судьи было значительно больше времени, чтобы все обдумать. Частенько – бессонными ночами.

– Напомню, что мне тогда было десять. Если бы меня попросили написать имя моего лучшего друга, я бы написал его именно так. – Судья стучит пальцем по «РОБИ ЛАДУШ». И добавляет, обращаясь скорее к себе, чем к собеседнику: – Значит, часть волшебства – от меня. *Наверняка* от меня. Вопрос в том – какая?

– Вы хотите сказать, что не вы написали имя на песке?

– Нет, не я. Мне казалось, я четко все разъяснил.

– Может, кто-то другой из вашей компании?

– Они все были из Нокомиса и даже не знали об этом острове. Если бы не рассказ деда, я бы сам туда не поплыл. Обычный крошечный островок, ничего интересного. Робби о нем знал, он жил тут, в «Пойнте», но он уехал на лето.

– Ясно...

– Мой лучший друг Робби не вернулся с каникул. Где-то через неделю нам сообщили, что он упал с лошади. Сломал шею. Мгновенная смерть. Его родители были убиты горем. Я тоже.

Какое-то время они молчат. Уэйленд раздумывает об услышанном. Бичер тоже задумался. До них донесся приглушенный шум вертолета, летящего над заливом. Управление по борьбе с наркотиками высматривает контрабандистов, решает Судья. Летают тут каждую ночь. Наступил новый век, и в каком-то смысле – во многих смыслах – Судья был бы рад избавиться от его примет.

Наконец Уэйленд произносит:

– Я правильно понимаю то, о чем вы сейчас говорите?

– Не знаю, – отвечает Судья. – О чем я, по-вашему, говорю?

Но Энтони Уэйленд – юрист и не поддается на провокации. Это укоренившаяся привычка.

– Вы сказали об этом деду?

– Когда пришла телеграмма о Робби, деда не было дома. Ему не сиделось на одном месте, он постоянно куда-то ездил. Вернулся только через полгода. Нет, я никому ничего не сказал.

Это был мой секрет. Как Дева Мария, родившая Господу сына, я нес тайну свою в своем сердце. И много думал.

– И к какому пришли заключению?

– Я продолжал ездить на остров смотреть на дюну. Вот ответ на ваш вопрос. Там не было ничего... ничего... и опять ничего. Я уже был готов прекратить проверки и обо всем забыть, но однажды приплыл туда после уроков и увидел еще одно имя, написанное на песке. *Выдавленное* в песке, если быть точным. И опять – никакой палки поблизости, хотя палку могли зашвырнуть в воду. Питер Элдерсон. Вот что там было написано. Для меня это имя не значило ничего, но через несколько дней... Я забирал почту из почтового ящика в конце подъездной дорожки – это входило в мои обязанности по дому. На обратном пути я обычно просматривал первые полосы газет. А путь от ворот до дома, как вы знаете сами, – это добрая четверть мили. Летом я смотрел еще и спортивный раздел, проверял, как сыграли «Вашингтонские сенаторы», потому что в то время это была ближайшая к нашему Югу команда.

В тот день мое внимание привлек заголовок внизу первой страницы: «МОЙЩИК ОКОН РАЗБИЛСЯ НАСМЕРТЬ». Бедняга мыл окна на третьем этаже Общественной библиотеки в Сарасоте. Мостки обвалились, он упал и разбился. Его звали Питер Элдерсон.

По выражению лица Уэйленда Судья понимает, что тот считает его рассказ либо розыгрышем, либо фантазией не совсем здорового старческого ума. Также Судья понимает, что Уэйленд пьет с удовольствием, и когда подливает ему еще виски, тот не отказывается. На самом деле Судье все равно, верят ему или нет. Просто рассказывать – уже удовольствие.

– Возможно, теперь вам понятно, почему я задумываюсь о том, откуда все это волшебство, – говорит он. – Я *знал* Робби, и ошибки в его имени были *моими* ошибками. Но я совершенно не знал того мойщика окон. Как бы там ни было, после этого случая дюна захватила меня целиком. Я начал плавать туда, на остров, чуть ли не каждый день, и продолжаю делать это до сих пор. Да, дюна. Я ее уважаю, я ее опасаясь, но самое главное – меня к ней тянет. За долгие годы на ней появилось немало имен, и люди, чьи имена возникали на дюне, всегда умирали. Иногда через неделю, иногда через две, но не позже чем через месяц. Я знал некоторых из них, и если я знал их прозвища, то видел на песке прозвище. Однажды, в сороковом, я приплыл туда и увидел на песке надпись: «ГРАМПИ БИЧЕР». Дед умер в Ки-Уэсте через три дня. Сердечный приступ.

Уэйленд произносит голосом человека, потакающего причудам явного, но не опасного психа:

– А вы никогда не пытались вмешаться в... этот процесс? Например, позвонить деду и сказать, чтобы он обратился к врачу?

Бичер качает головой:

– Я *не узнал*, что это сердечный приступ, пока мы не получили известие от судмедэксперта округа Монро. Это мог быть несчастный случай или даже убийство. Несомненно, у многих были причины ненавидеть моего деда. Он вел дела, скажем так, не совсем честно.

– И все-таки...

– К тому же мне было страшно. Я чувствовал... и *сейчас* тоже чувствую... словно там, на острове, приоткрылась какая-то дверь. По одну сторону этой двери – мир, который мы называем реальным. По другую – все механизмы Вселенной, занятые работой. Только дурак сунет руку в такой механизм, пытаясь его остановить.

– Судья Бичер, если вам хочется получить официальное утверждение завещания, на вашем месте я бы помалкивал обо всем, что вы сейчас мне рассказали. Вы уверены, что никто не оспорит ваше завещание, но когда речь идет о немалых деньгах, троюродная-пятиродная родня имеет обыкновение появляться из ниоткуда, словно кролики из шляпы фокусника. И вам известна освященная временем формула: в здравом уме и твердой памяти.

– Я молчал восемьдесят лет, – говорит Бичер, и в его голосе Уэйленд явственно слышит: *протест отклоняется*. – Никому ни единого слова, до сегодняшнего дня. И, возможно, мне следует повторить, хотя это и так очевидно... все наши беседы строго конфиденциальны.

– Ясно, – говорит Уэйленд. – Я понял.

– В те дни, когда на песке появлялись имена, меня переполняло волнение... какое-то нехорошее возбуждение, нездоровое... но по-настоящему я испугался всего один раз. Испугался *до глубины души* и плыл обратно домой, словно за мной гнались все черти ада. Рассказать?

– Да, пожалуйста.

Уэйленд отпивает еще глоток виски. Почему бы и нет? У него почасовая оплата.

– Дело было в пятьдесят девятом. Я жил здесь, в «Пойнте». Я жил здесь всегда, кроме нескольких лет в Таллахасси, но об этом лучше не вспоминать... хотя сейчас я понимаю, что моя ненависть к этому заштатному городишке проистекала отчасти – или даже по большей части – из тяги к острову, к дюне. Понимаете, я все время думал о том, что мог упустить. *Кого* я мог упустить. Способность читать некрологи заранее придает человеку потрясающее ощущение силы. Возможно, вам неприятно такое слышать, и тем не менее.

Итак, пятьдесят девятый. Харви Бичер подвизается в юридической фирме в Сарасоте и живет в «Пеликан-Пойнте». Почти каждый день, если не было дождя, возвращаясь домой с работы, я переодевался в старую одежду и плыл на остров, на разведку перед ужином. В тот день мне пришлось задержаться в конторе, и когда я прибыл на остров, солнце уже садилось, большое и красное, как часто бывает у нас над заливом. Я добрался до дюны и застыл как громом пораженный. Я не мог сдвинуться с места, ноги словно приросли к земле. И это не просто фигура речи.

В тот вечер на дюне было написано не одно имя, а много имен, и в красном свете заката казалось, будто их написали кровью. Они теснились, сплетались, накладывались одно на другое. Буквально вся дюна была покрыта гобеленом имен, сверху донизу. Те, что в самом низу, уже наполовину смыла вода.

Наверное, я закричал. Точно не помню, но кажется, да. Помню только, как паралич отпустил, и я со всех ног бросился к лодке. Пока я развязывал узел, прошла целая вечность, а когда все-таки развязал, толкнул лодку в воду, даже не забравшись в нее. Промок до нитки, и удивительно, как я вообще ее не опрокинул. Хотя в те годы я легко добрался бы до берега вплавь, толкая лодку перед собой. Теперь так уже не получится. Если лодка перевернется сейчас, как говорится, пиши пропало. – Судья улыбается. – К слову о надписях.

– Тогда я советую вам оставаться на суше, во всяком случае, пока завещание не будет нотариально заверено.

Судья Бичер холодно улыбается.

– Не беспокойтесь об этом, сынок, – говорит он и задумчиво смотрит в окно, на залив. – Те имена... они так и стоят у меня перед глазами, втиснутые в эту кроваво-красную дюну. Два дня спустя в Эверглейдсе разбился пассажирский лайнер, летевший в Майами. Весь экипаж и пассажиры погибли. Сто девятнадцать человек. В газете был список пассажиров. Я узнал некоторые имена. Узнал *многие* имена.

– Вы их *видели*. Видели эти имена.

– Да. Несколько месяцев после этого я не плавал на остров и поклялся себе, что не поплыву уже никогда. Думается, наркоманы так же клянутся завязать. Но, как любой наркоман, в конечном итоге я дал слабину и возобновил свою пагубную привычку. Ну что ж... Теперь вам понятно, почему я пригласил вас сюда и почему завещание надо было исправить сегодня?

Уэйленд не верит ни единому слову, но, как во всякой фантазии, тут есть своя логика. Ее легко проследить. Судье девяносто; когда-то румяное и цветущее, его лицо стало землистым,

некогда твердая походка превратилась в неуверенное старческое шарканье. У него явно сильные боли, он как-то нехорошо похудел.

– Полагаю, сегодня вы увидели на песке свое имя, – говорит Уэйленд.

Судья Бичер испуганно вздрагивает, потом улыбается. Жутковатая улыбка превращает его худое бледное лицо в оскаленный череп.

– О нет, – говорит он. – Не *свое*.

С мыслями об У.Ф. Харви

Гадкий мальчишка⁹

Перевод Т. Покидаевой

В жизни столько важных вопросов! Судьба или случай? Рай или ад? Любовь или влечение? Здравый смысл или минутный порыв?

«Beatles» или «Rolling Stones»?

Я всегда выбирал «Stones». «Beatles» сделались чересчур мягкими, когда стали Юпитером в Солнечной системе поп-музыки. (Моя жена говорила, что у сэра Пола Маккартни «глаза старого пса», и это отчасти суммирует мои ощущения.) Но ранние «Beatles»... они играли настоящий, честный рок, и я до сих пор слушаю их старые песни – в основном каверы – с большой любовью. Иногда я даже встаю и немного танцую.

Одной из самых любимых моих композиций у «Beatles» была их перепевка «Гадкого мальчишки» Ларри Уильямса, где Джон Леннон солировал хриплым, напористым голосом. Больше всего мне нравилась строчка: «Давай-ка, веди себя хорошо». В какой-то момент я решил, что хочу написать рассказ о гадком мальчишке, поселившемся по соседству. И это будет не сатанинский отпрыск, не ребенок, одержимый каким-то древним демоном, как в «Изгоняющем дьявола», а просто гадкий мальчишка, гнусный до мозга костей, – зло ради зла, апофеоз всех мелких гаденьшей, которые были, есть и будут. Мне он виделся в шортах и бейсболке с пропеллером. Он только и делал, что пакостил всем и каждому, и никогда в жизни не вел себя хорошо.

Из этого образа вырос рассказ о гадком мальчишке, этаким зловерном двойнике Слагго из комиксов о Нэнси. В электронном виде рассказ уже вышел во Франции и Германии, где «Гадкий мальчишка» наверняка входил в репертуар «Beatles» в гамбургском «Звездном клубе». Это первая публикация на английском.

⁹ © Перевод. Т. Покидаева, 2015.

1

Тюрьма располагалась в двадцати милях от ближайшего городишки, на пустынной равнине, продуваемой всеми ветрами. Главное здание являло собой грозный каменный кошмар, возникший посреди чистого поля в начале двадцатого века. С двух сторон из него вырастали бетонные пристройки – тюремные корпуса, которые добавлялись поочередно на протяжении последних сорока пяти лет. В основном они строились на федеральные средства, хлынувшие рекой в годы президентства Никсона и с тех пор не иссякавшие.

На некотором расстоянии от главного корпуса стояло здание поменьше. Заключенные называли его Прививочным корпусом. От него отходил наружный коридор длиной сорок ярдов и шириной двадцать футов, огороженный плотной металлической сеткой: Куриный загон. Каждому из заключенных, содержащихся в Прививочном корпусе – на тот момент их было семеро, – разрешалось гулять в загоне по два часа ежедневно. Кто-то ходил. Кто-то бегал трусцой. Большинство просто сидели, прислонившись спиной к сетчатому ограждению, и смотрели на небо или на низенький горный кряж, разрезавший равнинный пейзаж в четверти мили к востоку. Иногда там бывало на что посмотреть. Но чаще смотреть было не на что. Почти всегда дул сильный ветер. Три месяца в году в Курином загоне было жарко, как в топке. В остальное время – холодно. Зимой – так и вовсе дубак. Но даже зимой заключенные не отказывались от прогулок. Все-таки там было небо. Птицы. Иной раз олени щипали траву на вершине низеньких гор, свободные и вольные бродить где вздумается.

В центре Прививочного корпуса располагалась облицованная кафелем комната, где стоял стол в форме буквы Y и хранился рудиментарный набор медицинского оборудования. В одной стене было окно, задернутое плотными шторами. Если раздвинуть шторы, за ними открывалось обзорное помещение размером не больше гостиной в типовом пригородном доме, с дюжиной пластиковых стульев для гостей, наблюдавших за Y-образным столом. Табличка на стене гласила: «СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ И НЕ ДЕЛАЙТЕ РЕЗКИХ ДВИЖЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ПРОЦЕДУРЫ».

В Прививочном корпусе было ровно двенадцать камер. За камерами – караульное помещение для надзирателей. За ним – пост охраны, где шло круглосуточное дежурство. За постом – комната для свиданий, где стена из толстого оргстекла отделяла стол со стороны заключенных от стола со стороны посетителей. Телефонов там не было, общение происходило через круг высверленных в стекле маленьких дырочек, похожих на дырочки микрофона в старых телефонных трубках.

Леонард Брэдли уселся за стол со своей стороны этого канала связи и открыл портфель. Выложил на стол блокнот и ручку. Потом просто сидел и ждал. Когда минутная стрелка у него на часах сделала три полных круга и пошла на четвертый, дверь, ведущая во внутренние помещения Прививочного корпуса, открылась с громким лязгом отодвигаемых задвижек. Брэдли уже знал всех охранников. Сегодня дежурил Макгрегор. Неплохой парень. Он держал Джорджа Халласа за руку повыше локтя. Руки Халласа были свободны, но по полу звенела стальная цепь, сковывавшая лодыжки. Поверх оранжевой тюремной робы на нем был широкий кожаный ремень, и когда Халлас уселся за стол с той стороны стекла, Макгрегор приковал его к спинке стула еще одной стальной цепью, закрепленной на поясе. Он застегнул цепь, подергал ее, проверяя на прочность, и отсалютовал Брэдли двумя пальцами:

– Добрый день, адвокат.

– Добрый день, Макгрегор.

Халлас не произнес ни слова.

– Вы знаете правила, – сказал Макгрегор. – Сегодня время не ограничено. Беседуйте сколько хотите. Ну или сколько сможете выдержать.

– Я знаю.

Обычно общение клиента с адвокатом ограничивалось одним часом. За месяц до предстоящего клиенту похода в комнату с Y-образным столом время увеличивалось до полутора часов, в течение которых адвокат и его все более нервный партнер в этом вальсе со смертью, санкционированным властями, обсуждали возможные варианты, число которых стремилось к нулю. В последнюю неделю не было никаких ограничений по времени. Правило действовало и для близких родственников, и для адвокатов, но жена Халласа подала на развод сразу после того, как суд признал его виновным, а детей у них не было. Он остался один в целом свете, если не считать Лена Брэдли, однако Халлас не проявлял интереса к многочисленным апелляциям и, как следствие, отсрочкам, которые подавал адвокат.

До сегодняшнего дня.

Он еще с вами заговорит, сказал ему Макгрегор после короткой десятиминутной встречи месяц назад, когда участие Халласа в беседе сводилось к *нет, нет и нет*.

Когда время подходит, они становятся разговорчивыми. Потому что им страшно. Они забывают о том, как собирались войти в комнату для инъекций с высоко поднятой головой и расправленными плечами. До них потихоньку доходит, что это не кино, это по-настоящему, и смерть близка, и вот тогда они начинают хвататься за любую возможность отменить неизбежное. Или хотя бы отсрочить.

Однако Халлас не производил впечатления человека, которому страшно. Он был таким, как всегда: невысокий мужчина, слегка сутулый, с бледным землистым лицом, редеющими волосами и невыразительными глазами, которые казались нарисованными. Он походил на бухгалтера – им и был в прошлой жизни, – потерявшего интерес к числам, которые раньше казались такими важными.

– Ладно, ребята, приятного вам общения, – сказал Макгрегор и отошел в угол, где стоял стул. Там он уселся, включил свой айпод и заткнул уши музыкой. Однако он не сводил взгляда со своего подопечного и его собеседника. Сквозь мелкие переговорные дырочки не пролез бы и тоненький карандаш, а вот иголка – запросто.

– Что я могу для вас сделать, Джордж?

Халлас ответил не сразу. Он молча разглядывал свои руки, маленькие и слабые с виду, – и не скажешь, что это руки убийцы. Потом он поднял взгляд.

– Вы хороший человек, мистер Брэдли.

Брэдли удивился и не знал, что ответить.

Халлас кивнул, словно Брэдли пытался ему возразить:

– Да. Вы хороший человек. Вы продолжали меня защищать даже после того, как я дал вам понять, что не хочу никаких апелляций и пусть все идет своим чередом. Но вы от меня не отказались. Так поступили бы очень немногие защитники, назначенные судом. Они бы просто пожалели плечами, сказав: «Ну как хотите», – и занялись следующим неудачником, которого им подсунут. Но вы не такой. Вы мне рассказывали о шагах, которые думали предпринять, и когда я говорил, что не надо, вы все равно делали, как считали нужным. Если бы не вы, я бы отправился на тот свет еще год назад.

– Не всегда получается так, как нам хочется, Джордж.

Халлас сдержанно улыбнулся.

– Кому, как не мне, это знать. Но было не так уж плохо. В основном из-за Куриного загона. Мне там нравится. Нравится ветер в лицо, даже когда он холодный. Нравится запах травы из прерии, нравится полная луна, когда она видна даже днем. И олени. Да, олени. Иногда они прыгают и бегают друг за другом. Мне это нравится. Иной раз я наблюдаю за ними и смеюсь.

– Жизнь – хорошая штука. И стоит того, чтобы за нее побороться.

– Чья-то другая жизнь – да. Моя – нет. Но я все равно ценю ваши усилия, ценю то, как вы за нее боролись. Я очень признателен, что вы меня не бросаете. Поэтому я расскажу вам все,

о чем не стал говорить в суде. И тогда вы поймете, почему я не хотел подавать апелляции... хотя не мог помешать вам подавать их за меня.

– Апелляции, поданные без участия заявителя, не имеют почти никакого веса в суде этого штата. Как и в судах высших инстанций.

– И вы навещаете меня здесь, за что я тоже вам благодарен. Очень немногие проявили бы доброту к осужденному детоубийце, а вы – проявили.

И снова Брэдли не знал, что ответить. За последние десять минут Халлас сказал больше, чем за все их свидания в течение двух лет и десяти месяцев.

– Я не могу вам заплатить, но *могу* рассказать, почему я убил того ребенка. Вы мне не поверите, но я все равно расскажу. Если вы хотите послушать.

Халлас посмотрел на Брэдли сквозь дырочки в обшарпанном оргстекле и молча улыбнулся.

– А вы хотите послушать, да? Потому что вас смущают некоторые моменты. Прокурора они не смущали, а вас смущают.

– Ну... да, у меня возникали кое-какие вопросы.

– Но я это сделал. Взял револьвер и разрядил весь барабан в того мальчишку. Было много свидетелей, и вы сами знаете, что апелляции только отсрочили бы неизбежное еще года на три – или четыре, или шесть, – даже если бы я не отказывался от участия. Вопросы, которые у вас возникали, меркнут перед безоговорочным фактом предумышленного убийства. Разве не так?

– Мы могли бы заявить об ограниченной вменяемости. – Брэдли подался вперед. – И это еще можно сделать. Еще не поздно, даже теперь. Мы можем попробовать.

– Защита ссылкой на невменяемость редко бывает успешной постфактум, мистер Брэдли.

Он так и не назовет меня Ленем, подумал Брэдли. Даже после неполных трех лет. Он пойдет на смерть, называя меня мистером Брэдли.

– «Редко» не значит «никогда», Джордж.

– Да, но я-то не сумасшедший. Я вменяем теперь – и был вменяем тогда. В здравом рассудке, как нельзя более здравом. Вы уверены, что хотите услышать признание, которое я не сделал в суде? Если нет, не обижусь. Но это единственное, что я мог бы вам дать.

– Конечно, хочу, – ответил Брэдли. Он взял ручку, но в итоге не записал ни единого слова. Он только слушал как завороченный, слушал, что с мягким южным акцентом говорил Джордж Халлас.

2

Моя мама, которая никогда в жизни не жаловалась на здоровье, умерла от эмболии сосудов легких через шесть часов после моего рождения. Это было в шестьдесят девятом. Должно быть, какое-то генетическое нарушение, потому что ей было всего двадцать два года. Папа был старше мамы на восемь лет. Он был хорошим человеком и хорошим отцом. Горный инженер по профессии, он работал по большей части на юго-западе, пока мне не исполнилось восемь.

Мы постоянно переезжали с места на место, и вместе с нами ездила домработница. Ее звали Нона Маккарти, и я называл ее мамой Ноной. Она была чернокожей. Наверное, папа с ней спал, хотя когда я приходил к ней в кровать, – а я часто к ней приходил по утрам, – она всегда лежала одна. Меня совершенно не волновало, что она чернокожая. Я даже не знал, что есть какая-то разница. Она относилась ко мне по-доброму, готовила обед и читала сказки на ночь, когда папы не было дома и он не мог почитать мне сам, – и только это имело значение. Да, не самый обычный расклад, и, наверное, где-то подсудно я это понимал, но был вполне счастлив.

В семьдесят седьмом мы переехали на восток, в Талбот, штат Алабама, неподалеку от Бирмингема. Там рядом располагался военный городок, Форт-Джон-Хьюи, но вообще это шахтерский край. Отца пригласили возобновить разработку на шахтах «Удача» – первой, второй и третьей – и привести их в соответствие с природоохранными требованиями, что означало строительство новых вентиляционных отверстий и новой системы удаления пустой породы, чтобы отвалы не загрязняли местные реки.

Мы жили в приятном зеленом предместье, в доме, предоставленном отцу компанией, владевшей шахтами. Маме Ноне там нравилось, потому что отец отдал ей гараж, где обустроил отдельную двухкомнатную квартиру. Как я понимаю, это делалось для того, чтобы не пошли слухи и домыслы. По выходным я помогал ему с ремонтом, подносил доски и подавал инструменты. Это было хорошее время. Мне удалось проучиться два года в одной и той же школе – достаточно долго, чтобы завести друзей и ощутить некоторую стабильность.

В частности, я дружил с одной девочкой, жившей неподалеку. Будь это история в дамском журнале или телесериал, все завершилось бы так: мы с ней поцеловались бы в первый раз в домике на дереве, влюбились друг в друга, а потом вместе пошли бы на выпускной бал. Но этого нам с Марли Джейкобс было не суждено.

Как бы мне ни хотелось верить, что мы останемся в Талботе навсегда, папа этой надежды не поощрял. Он говорил, что нет ничего хуже, чем напрасные детские мечты. Да, возможно, я отучусь в средней школе «Мэри Дей» весь пятый класс, может, даже шестой, но когда-нибудь его работа на шахте «Удача» закончится – удача вся выйдет, – и мы переберемся куда-то еще. Обратно в Техас или Нью-Мексико, в Западную Виргинию или Кентукки. Я с этим смирился, и мама Нона тоже. Папа был боссом, но боссом очень хорошим, и он нас любил. Это лишь мое мнение, но я считаю, что отец делал все правильно.

Вторая сложность касалась самой Марли. Она была... ну, теперь-то таких называют детьми с особенностями развития, но в те времена наши соседи называли ее слабой на голову. Вы, мистер Брэдли, наверное, считаете, что это жестоко, но сейчас, уже задним числом, мне думается, что в этом был свой резон. И даже некая поэтичность. Именно таким она видела мир: шатким и хрупким, размытым и мягким. Иногда... на самом деле довольно часто... так даже лучше. Опять же, это лишь мое мнение.

Мы с Марли познакомились в третьем классе, учились вместе, но ей было уже одиннадцать. На следующий год мы оба перешли в четвертый, хотя ее перевели только по той причине, что иначе пришлось бы оставить на второй год. В то время так часто делалось в небольших городках. Но Марли не была деревенской дурочкой. Она худо-бедно умела читать, знала

сложение, решала простые примеры, а вот вычитание ей не давалось. Я пытался ей объяснить всякими разными способами, какие знал сам, но она, хоть убей, не могла это усвоить.

Мы не целовались в домике на дереве – мы вообще ни разу не целовались, – но всегда держались за руки утром по дороге в школу и по дороге домой после уроков. Наверное, со стороны это смотрелось смешно. Я был мелким и худосочным, а она была крупной девочкой, выше меня на четыре дюйма, и у нее уже росла грудь. Это она захотела держаться за руки, не я, но я не возражал. И меня совершенно не волновало, что она была слабой на голову. Возможно, со временем я бы напрягся по этому поводу, но мне было всего девять лет, когда ее не стало, а в этом возрасте дети еще легко принимают многое из того, что творится вокруг. Думаю, это благословенная невинность. Если бы все люди были слегка слабы на голову, как по-вашему, в мире существовали бы войны? Хрена с два.

Если бы мы жили на полмили дальше от школы, то ездили бы на автобусе. Но мы жили рядом – примерно шесть или восемь кварталов – и ходили пешком. Мама Нона вручала мне пакет с завтраком, приглаживала мой вихор, говорила: «Веди себя хорошо, Джордж», – и провожала до двери. Марли ждала меня на крыльце *своего* дома, одетая в платье или юбку и кофту, прическа – два хвостика с ленточками, в руках – коробка для завтраков. Эта коробка до сих пор стоит у меня перед глазами. На ней был портрет Стива Остина из сериала «Человек на шесть миллионов долларов». Ее мама говорила мне: «Привет, Джордж», – и я отвечал: «Доброе утро, миссис Джейкобс», – и она произносила: «Ладно, детишки, ведите себя хорошо», – а Марли ей отвечала: «Да, мама», – потом брала меня за руку, и мы шли в школу. Первые два-три квартала мы шли одни, а потом на нашу улицу выходили другие ребята, которые жили в предместье Рудольф. Там жило много семей военных, потому что жилье было дешевым, а Форт-Джон-Хьюи располагался всего в пяти милях к северу по шоссе номер 78.

Наверное, зрелище было и вправду дурацким – мелкий шкет с пакетом для завтраков идет за ручку с каланчой, стучащей коробкой со Стивом Остином по своей сбитой коленке в засохших струпьях, – но не помню, чтобы нас дразнили или чтобы над нами смеялись. Наверное, иногда все же смеялись, дети есть дети, но это точно были не издевательства, а просто беззлобные насмешки. Чаще всего мальчишки кричали мне: «Привет, Джордж, давай после школы сыграем в бейсбол», – а девочки здоровались с Марли: «Привет, красивые у тебя бантики». Я не помню, чтобы кто-то нас обижал. Пока не появился тот гадкий мальчишка.

Однажды после уроков я ждал Марли на школьном дворе, а она все не выходила и не выходила. Дело было вскоре после моего дня рождения, когда мне исполнилось девять. Я хорошо это помню, поскольку у меня была с собой ракетка с мячиком на резинке. Мама Нона подарила мне эту ракетку, но хватило ее ненадолго – я влупил по мячу слишком сильно, и резинка порвалась, – однако в тот день она у меня была, и я с ней играл, пока ждал Марли. Меня никто *не заставлял* ее ждать, я сам так решил.

Наконец она вышла из школы – в слезах. Ее лицо покраснело, нос распух, из него текло в три ручья. Я спросил, что случилось, и она сказала, что не может найти свою коробку для завтраков. Как обычно, она все съела и вернула коробку на полку в раздевалке, поставила рядом с розовой коробкой Кэти Морс, но после уроков она пропала. Ее *украли*, сказала Марли.

Нет, сказал я, наверное, кто-то ее переставил, и завтра она найдется. Хватит реветь, стой спокойно. Надо вытереть сопли.

Когда я выходил из дома, мама Нона всегда проверяла, чтобы у меня был с собой носовой платок, но я вытирал нос рукавом, как остальные мальчишки, ведь только девчонки и хлюпки пользуются носовыми платками, и вообще это не по-мужски. Так что платок был совсем чистым, даже ни разу не развернутым, когда я вынул его из кармана и вытер нос Марли. Она перестала реветь, улыбнулась и сказала, что ей щекотно. Потом взяла меня за руку, и мы пошли домой. Как обычно, она болтала без умолку. Но я был не против. По крайней мере, она забыла про свою коробку.

Вскоре все остальные ребята, которые жили в Рудольфе, свернули на улицу, что вела к их предместью, и пропали из виду, хотя до нас доносились их голоса и смех. Марли все щебетала и щебетала – обо всем, что приходило ей в голову. Я особо не вслушивался, иногда вставлял «да», «угу» или «да ладно», а думал совсем о другом: вот приду я сейчас домой, сразу переоденусь в старые вельветовые штаны, и если у мамы Ноны нет для меня никаких поручений, возьму свою бейсбольную перчатку и побегу на спортплощадку на Оук-стрит, где каждый день проходили дворовые матчи, до самого вечера, пока мамы не загоняли детей домой ужинать.

И вдруг мы услышали, как кто-то кричит нам с другой стороны Скул-стрит. Кричит вроде бы человеческим голосом, только больше похожим на ослиный рев:

– *ДЖОРДЖ И МАРЛИ НА ВЕТКЕ! ЦЕ-ЛУ-ЮТ-СЯ!*

Мы остановились. На той стороне, рядом с кустом черемухи, стоял мальчишка. Я никогда раньше его не видел, ни в школе, ни где-то еще. Ростом не больше четырех с половиной футов, коренастый, слегка полноватый. В серых шортах до колен и полосатом зелено-оранжевом свитере, обтягивавшем круглый живот и грудь. На голове – совершенно дурацкая бейсболка с пластмассовым пропеллером на макушке.

Его лицо было пухлым и жестким одновременно. Волосы – рыжие, почти оранжевые, как полоски на свитере, того морковного оттенка, который никто не любит. Торчат во все стороны над оттопыренными ушами. Нос маленький, пуговкой, а глаза – ярко-зеленые, таких глаз я не видел больше ни у кого. Губы бантиком и такие насыщенно-красные, словно он их покрасил маминой помадой. Потом я встречал многих рыжих с такими же красными губами, но все равно не с такими яркими, как у того гадкого мальчишки.

Мы стояли и смотрели на него. Марли резко умолкла. Она носила очки в розовой пластмассовой оправе, и за стеклами этих очков ее широко распахнутые глаза казались невероятно огромными.

Мальчишка – явно не старше шести-семи лет – надул красные губы и изобразил звук поцелуя. Потом схватился за задницу и стал дергать бедрами вперед-назад.

– *ДЖОРДЖ И МАРЛИ НА ВЕТКЕ! ТРА-ХА-ЮТ-СЯ!*

Он ревел, как осел. Мы смотрели на него, оглушенные.

– Ты надевай гондон, когда ей заправляешь, – крикнул он, ухмыляясь. – Если не хочешь наплодить недоумков, как она сама.

– Заткнись, – сказал я.

– Или что? – спросил он.

– Или я тебя сам заткну, – заявил я.

Я не шутил. Папа наверняка рассердился бы, если бы узнал, что я грозился побить кого-то слабее и младше меня, но этот мальчишка... он не должен был так говорить. Выглядел он как ребенок, но слова произносил вовсе не детские.

– Отсоси у меня, засранец, – сказал он и скрылся за кустом черемухи.

Я раздумывал, не побежать ли за ним, но Марли так крепко сжимала мне руку, что стало почти больно.

– Мне не нравится этот мальчишка, – призналась она.

Я сказал, что мне тоже не нравится, но шел бы он лесом. Пойдем домой, предложил я.

Но не успели мы сдвинуться с места, как тот мальчишка снова вышел из-за куста. В руках он держал коробку для завтраков со Стивом Остином. Коробку Марли. Он поднял ее над головой.

– Ничего не потеряла, дурында? – крикнул он и рассмеялся. Его лицо, сморщенное от смеха, стало похоже на поросычье рыло. Он обнюхал коробку и сказал: – Наверняка это твое. Пахнет пизденкой. *Безмозглой* пизденкой.

– Отдай, это мое! – завопила Марли и отпустила мою руку. Я попытался ее удержать, но ладони у нас обоих вспотели, и рука просто выскользнула.

– Иди и возьми, – предложил он, протягивая коробку.

Прежде чем продолжить, мне надо сказать несколько слов о миссис Пекхам. Она была учительницей первого класса в школе «Мэри Дей». Я у нее не учился, потому что ходил в первый класс в Нью-Мексико, но почти все ребята в Талботе учились – и Марли тоже, – и все ее очень любили. Даже я ее любил, хотя мы с ней общались только на переменах, на школьном дворе, когда была ее очередь следить за порядком. Если мы затевали игру в бейсбол, мальчики против девочек, она всегда была питчером в девчачьей команде. Иногда она бросала мяч из-за спины, и всех это смешило. Она была из тех учителей, которых помнишь и через сорок лет после окончания школы, потому что она была доброй, веселой и в меру строгой и умела заинтересовать учебной даже самых непоседливых ребятшек.

У нее был большой старый «бьюик-рудмастер», небесно-голубого цвета, и между собой мы называли ее Пекхам-Копуша, поскольку она никогда не ездил быстрее тридцати миль в час, сидела, вцепившись в руль, выпрямив спину, и щурилась на дорогу. Конечно, мы ее видели на машине только на улице рядом со школой, где имелось ограничение скорости, но я почему-то не сомневаюсь, что и на загородном шоссе она ездил точно так же. Даже на скоростной магистрали. Она была очень внимательной и осторожной. И никогда не причинила бы вред ребенку. Преднамеренно – нет.

Марли бросилась за коробкой и выскочила на проезжую часть. Тот гадкий мальчишка расхохотался и швырнул ей коробку. Коробка упала и от удара раскрылась. Из нее выкатился термос. Я увидел, как на улицу выезжает голубой «бьюик», и крикнул Марли, чтобы она уходила с дороги, но я совершенно не волновался: это же Пекхам-Копуша, ехать ей было еще целый квартал, и она, как всегда, еле ползла.

– Это ты виноват, – сказал гадкий мальчишка, – ты отпустил ее руку. – Он смотрел на меня и ухмылялся. Он так сильно оскалился, что стали видны все его мелкие зубы. – Ты не можешь вообще *ничего* удержать, членосос.

Показал мне язык, издал такой звук, словно перднул. И снова скрылся за кустом черемухи.

Миссис Пекхам потом говорила, что у нее заклинило педаль газа. Не знаю, поверили ей в полиции или нет. Знаю только, что больше она не работала в школе «Мэри Дей».

Марли нагнулась, подняла термос и легонько его встряхнула. Мне было слышно, как он зазвенел. Марли сказала:

– Он разбился внутри.

И расплакалась. Опять наклонилась, чтобы поднять коробку, и вот тут педаль газа у миссис Пекхам, должно быть, и вправду заклинило, потому что мотор взревел, и ее «бьюик» *рванулся* вперед. Как волк на кролика. Марли выпрямилась и застыла, прижимая к груди коробку, а другой рукой держа разбитый термос. Она видела, как приближалась машина, но не сдвинулась с места.

Может быть, я успел бы ее оттолкнуть и спасти. Но если бы я выбежал на дорогу, то и сам, вероятно, угодил бы под колеса. Я не знаю, как все могло обернуться, потому что тоже застыл словно парализованный. Просто стоял и смотрел. И не сдвинулся с места, даже когда ее сбила машина. Я даже голову не повернул, лишь проследил взглядом за Марли – она пролетела по воздуху и упала, ударившись об асфальт головой, своей бедной слабой головой. Потом я услышал, как кто-то кричит. Это была миссис Пекхам. Она выскочила из машины, упала, поднялась с разбитыми коленками и бросилась к тому месту, где неподвижно лежала Марли и из головы у нее текла кровь. Я тоже бросился к ней. И на бегу оглянулся. Я отбежал уже достаточно далеко, и куст черемухи отлично просматривался со всех сторон. За кустом никого не было.

3

Халлас умолк и закрыл лицо руками. Он просидел так какое-то время и только потом отнял руки.

– Вы хорошо себя чувствуете, Джордж? – спросил Брэдли.

– Все хорошо, просто хочется пить. Я отвык так много говорить. В камере смертников как-то не до разговоров.

Он сделал знак Макгрегору. Тот вынул наушники из ушей и встал.

– Вы закончили, Джордж?

Халлас покачал головой:

– Еще не скоро закончу.

Брэдли сказал:

– Мой клиент хочет пить, мистер Макгрегор. Это можно устроить?

Макгрегор подошел к переговорному устройству у двери на пост охраны и что-то быстро проговорил в микрофон. Брэдли воспользовался паузой, чтобы спросить у Халласа, сколько учеников было в школе «Мэри Дей».

Халлас пожал плечами:

– Маленький городок, небольшая школа. Вряд ли там было больше полутора сотен учеников. С первого по шестой класс.

Дверь на пост охраны приоткрылась. В щели показалась рука с пластиковым стаканчиком. Макгрегор взял его и отнес Халласу. Тот жадно отпил, одним глотком осушив полстакана, и поблагодарил.

– Всегда пожалуйста, – отозвался Макгрегор. Снова уселся на стул в углу, вставил в уши наушники и погрузился в музыку, или что он там слушал.

– А тот мальчишка – тот гадкий мальчишка, – он был *по-настоящему* рыжим? Вы говорили, цвет казался оранжевым, как у моркови?

– Волосы прямо горели, как неоновая реклама.

– Значит, если бы он ходил в вашу школу, вы бы его запомнили и узнали?

– Да.

– Но вы его не узнали, и в вашу школу он не ходил?

– Нет. В школе я его не видел.

– Тогда как же он взял коробку для завтраков той девочки Джейкобс?

– Не знаю. Но есть вопрос поинтереснее.

– Какой же, Джордж?

– Куда он делся из-за того куста черемухи? Там был только газон, спрятаться негде. Но он исчез.

– Джордж!

– Да?

– Вы уверены, что там и вправду *был* мальчик?

– Ее коробка для завтраков мистер Брэдли. Она упала прямо на дорогу.

«В этом я не сомневаюсь, – подумал Брэдли, постукивая кончиком ручки по блокноту. – Возможно, она вообще не терялась, коробка. Возможно, она все время была у нее.

Или, может (мысль нехорошая, но нехорошие мысли – это нормально, когда слушаешь бредовую историю детоубийцы), это *ты*, Джордж, отобрал у нее коробку. Может быть, ты отобрал у нее коробку и швырнул на проезжую часть, чтобы ее подразнить».

Брэдли поднял голову и по выражению Халласа сразу понял, что все, о чем он только что думал, читалось у него на лице так же явно, как если бы по его лбу бежала светящаяся строка. Он почувствовал, что краснеет.

- Хотите послушать, что было дальше? Или вы уже сделали выводы?
- Никаких выводов я не сделал, – ответил Брэдли. – Продолжайте, пожалуйста. Халлас допил воду и продолжил.

4

Лет пять или дольше мне снились кошмары об этом гадком мальчишке с морковными волосами в бейсболке с пропеллером, но со временем все прошло. Со временем я смог поверить в то, во что, видимо, верите вы, мистер Брэдли: что это был просто несчастный случай, что педаль газа у миссис Пекхам и вправду заклинило, как иной раз бывает, а если там и присутствовал какой-то мальчишка, который дразнил Марли... ну, иногда ведь дети *дразнятся*, верно?

Папа закончил работу на «Удаче», и мы переехали в восточный Кентукки, где отец занялся тем же, что и в Алабаме, только с бóльшим размахом. В тех местах много богатых месторождений, и там нужны горные инженеры. Мы поселились в Айронвиле и прожили там достаточно долго, чтобы я успел закончить школу. В предпоследнем классе шутки ради я записался в школьный драмкружок. Кому сказать – будут смеяться. Невзрачный мальчик, тихий как мышь, подрабатывавший заполнением налоговых деклараций для мелких предпринимателей и стареньких вдов, играет в спектаклях вроде «За закрытыми дверями». Прямо «Тайная жизнь Уолтера Митти»! Но я играл, и играл хорошо. Все говорили, что у меня есть способности. Я даже подумывал об актерской карьере. Я понимал, что мне никогда не дадут главных ролей, но кто-то же должен играть советника президента по экономическим вопросам, или помощника главного злодея, или механика, которого убивают в самом начале фильма. Я знал, что смогу играть такие роли, и был уверен, что меня возьмут. Я сказал папе, что после школы хочу учиться актерскому мастерству. Он согласился: ладно, учись, только возьми еще какой-нибудь курс, чтобы был запасной вариант. Я поступил на театральный факультет Питсбургского университета, а неосновной дисциплиной выбрал административное управление.

Первой пьесой, в которой мне дали роль, была «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости», и на репетициях я познакомился с Вики Абингтон. Я играл Тони Лампкина, а она – Констанс Невилл. Вики была настоящей красавицей, с кудрявыми светлыми волосами, стройная, тоненькая, очень нервная. Я сразу подумал, что она слишком красивая для меня, но в итоге набрался смелости и пригласил ее выпить кофе. Так у нас все и началось. Мы часами просиживали в «Нордиз» – была такая забегаловка в Питсбургском университете, – и она мне рассказывала о своих бедах, в основном связанных с ее чересчур властной матерью, и о своих честолюбивых планах, которые непременно были связаны с театром, особенно с серьезным театром в Нью-Йорке. Четверть века назад еще был такой театр.

Я знал, что она принимает таблетки, которые ей выписывали в Норденбергском центре здоровья – может, от приступов тревоги, может, от депрессии, может, от того и другого сразу, – но я думал: это лишь потому, что она очень творческий человек, творческий и амбициозный, возможно, все по-настоящему великие актеры и актрисы принимают эти таблетки. Возможно, Мэрил Стрип принимает эти таблетки или принимала раньше, пока не стала знаменитой после «Охотника на оленей». И знаете что? У Вики было великолепное чувство юмора, которого так не хватает многим красивым женщинам, особенно если они страдают от нервных расстройств. Она умела посмеяться над собой. И частенько смеялась. Она говорила, это единственное, что не дает ей сойти с ума.

Мы сыграли Ника и Хани в «Кто боится Вирджинии Вулф?» и получили хорошие отзывы. Нас отметили даже больше, чем ребят, игравших Джорджа и Марту. После этого мы стали не просто друзьями за чашечкой кофе, мы стали парой. Иногда мы целовались где-нибудь в темном углу, прямо в университете, но чаще всего эти страстные встречи заканчивались слезами. Вики плакала и говорила: она ни на что не годится, актрисы из нее не выйдет, о чем мама сказала ей сразу. Однажды вечером – после проб для «Смертельной ловушки» – у нас был секс.

В первый и единственный раз. Она говорила, будто ей понравилось, все было волшебным, но я полагаю, что нет. Во всяком случае, больше мы этим не занимались.

Летом двухтысячного мы не поехали домой на каникулы, потому что в парке Фрик готовилась летняя постановка «Музыканта». Это было большое событие: спектакль должен был режиссировать Мэнди Патинкин. Мы с Вики пробовались на роли. Я совершенно не нервничал, не ожидая, что мне что-то дадут, но для Вики тот кастинг стал главным событием в жизни. Она называла его первым шагом к всемирной славе – вроде бы в шутку, но это была не совсем шутка. Нас вызывали по шесть человек, каждый заранее приготовил картонную карточку, на которой написал роль, которую хотел получить, и Вики дрожала как осиновый лист, пока мы ждали нашей очереди у двери в репетиционный зал. Я приобнял ее за плечи, и она успокоилась, но только чуть-чуть. Она была такой бледной, что ее макияж казался нарисованной маской.

Я вошел в зал и отдал свою карточку с «мэром Шинном». Я выбрал мэра, потому что это была самая маленькая из ролей, а в итоге мне неожиданно дали главную роль – Харолда Хилла, обаятельного афериста. Вики пробовалась на роль Мэриан Пару, библиотекарши, дающей уроки игры на фортепьяно. Это главная женская роль. Отрывок она прочитала нормально, как мне показалось, – не идеально, не на высоте, но очень неплохо. А потом надо было спеть песню.

Песня очень важна для роли. Если вы вдруг не знаете, это очень простая и очень трогательная песня. Называется «Спокойной ночи, мой кто-то». Вики мне ее пела – без музыкального сопровождения – полдюжины раз, и у нее получалось отлично. Нежно, печально, с надеждой. Но в тот день на прослушивании она все завалила. Она пела ужасно, из серии «стиснуть зубы, зажмуриться и умереть». Не попадала в ноты и никак не могла вовремя вступить. Приходилось начинать заново – и не один раз, а дважды. Я видел, что Патинкин начинает терять терпение, поскольку ему предстояло прослушать еще с полдюжины претенденток. Аккомпаниаторша закатывала глаза. Мне хотелось дать ей по морде, по этой тупой, рыхлой морде.

Когда Вики закончила, ее всю трясло. Мистер Патинкин поблагодарил ее, она поблагодарила его, очень вежливо, а потом убежала. Я бросился следом и догнал ее, прежде чем она выскочила на улицу. Догнал и сказал, что она была великолепна. Она улыбнулась, сказала «спасибо» и добавила, что мы оба знаем, как все обстояло на самом деле. Я предположил: если мистер Патинкин такой гениальный, как о нем говорят, он разглядит в ней хорошую актрису даже сквозь всю нервозность. Она обняла меня со словами, что я ее лучший друг. К тому же, сказала она, будут и другие спектакли. «В следующий раз я приму валиум перед прослушиванием. Я просто боялась, что от него голос изменится, я слышала, что от некоторых таблеток меняется голос». Потом она рассмеялась: хуже, чем было сегодня, уж точно не будет. Я сказал, что куплю ей мороженое в «Нордиз», ей понравилась эта идея, и мы отправились в кафе.

Мы шли по улице, взявшись за руки, и мне сразу вспомнились наши прогулки с Марли Джейкобс. Из школы и в школу, рука об руку. Я не утверждаю, что его вызвали эти воспоминания, но и не утверждаю обратного. Я не знаю. Знаю только, что до сих пор порой задаюсь этим вопросом, когда мне не спится в камере по ночам.

Наверное, она слегка успокоилась по дороге, потому что заговорила о том, какой великолепный профессор Хилл получится из меня, и тут мы услышали, как кто-то кричит нам с другой стороны улицы. Только это был не человеческий крик, а ослиный рев.

– *ДЖОРДЖ И ВИКИ НА ВЕТКЕ! ТРА-ХА-ЮТ-СЯ!*

Это был он. Тот самый мальчишка. Те же шорты, тот же свитер в полоску, те же морковные волосы, торчавшие из-под бейсболки с пластмассовым пропеллером на макушке. Прошло больше десяти лет, а он ничуть не повзрослел. Меня как будто отбросило назад в прошлое, только теперь со мной была Вики Абингтон, а не Марли Джейкобс, и мы шли по Рейнолдс-стрит в Питсбурге, а не по Скул-стрит в Талботе, штат Алабама.

– *Что такое?* – спросила Вики. – Ты его знаешь, Джордж?

Что я должен был ей ответить? Я не произнес ни слова. Я так удивился, что даже не мог открыть рот.

– Ты играешь паршиво, а поешь еще хуже! – выкрикнул он. – **ВОРОНЫ** каркают лучше, чем ты поешь! И еще ты **УРОДИНА! УРОДИНА ВИКИ!**

Она зажала руками рот. Я помню, какими большими стали ее глаза и как они вновь заблестели от слез.

– А ты ему отсоси! – крикнул мальчишка. – Это единственный способ получить роль для такой страшной, бездарной сучки, как ты.

Я рванулся к нему, только казалось, что все происходит не по-настоящему. Словно во сне. Дело близилось к вечеру, и на Рейнолдс-стрит было много машин, но я об этом не подумал. А Вики подумала, она схватила меня за руку и оттащила назад. Вероятно, я обязан ей жизнью, потому что буквально через две секунды мимо промчался автобус, гудящий клаксоном.

– Не надо, – попросила она. – Он того не стоит, кем бы ни был.

За автобусом следовал большой грузовик, и когда он проехал мимо, мы с Вики увидели, как тот мальчишка бежит по другой стороне улицы, трясая большой задницей. Он добежал до угла и свернул в переулок, но перед тем, как свернуть, резко остановился, стянул шорты вниз, наклонился и показал нам свои голые ягодички.

Вики села на скамейку, и я опустился рядом. Она снова спросила, кто это такой, и я сказал, что не знаю.

– Тогда откуда он знает, как нас зовут? – спросила она.

– Я не представляю, – ответил я.

– Ну, в одном он был прав, – согласилась она. – Если я хочу получить роль в «Музыканте», мне надо вернуться и отсосать Мэнди Патинкину. – Потом она рассмеялась, и на этот раз смех был настоящим, идущим от сердца. Она запрокинула голову и расхохоталась. – Видел его уродскую задницу? – спросила она. – Как две рыхлые непропеченные булки!

Тут я тоже рассмеялся. Мы обнялись, и сидели щека к щеке, и буквально ревели от смеха. Я думал, что раз мы смеемся, значит, все хорошо, на самом же деле – такое понимаешь только потом, да? – у нас обоих случилась истерика. У меня – потому, что это был *тот же самый мальчишка*, по прошествии стольких лет. У Вики – потому, что она верила в то, что он сказал: она совершенно бездарная актриса, а даже если бы была очень талантливой, все равно не смогла бы преодолеть нервозность.

Я проводил ее до женского общежития – вернее, это было не совсем общежитие, а большой дом, где снимали квартиры только девушки-студентки, – и на прощание она обняла меня и еще раз сказала, что из меня получится потрясающий Харолд Хилл. Меня насторожил ее тон, было в нем что-то странное, и я спросил, все ли с ней хорошо. Она сказала: конечно, все хорошо, балда, – и побежала к подъезду. Больше я ее живой не видел.

После похорон я пригласил Карлу Уинстон на чашечку кофе, потому что Карла была единственной близкой подругой Вики. В итоге мне пришлось перелить ее кофе из чашки в стакан – у нее так тряслись руки, что я испугался, вдруг она обожжется. Карла была просто раздавлена: в том, что случилось, она винила себя. Точно так же, как – я уверен – миссис Пекхам винила себя в том, что произошло с Марли.

В тот вечер она увидела Вики в общей гостиной на первом этаже. Вики сидела перед телевизором. Вот только телевизор был выключен. Карла сказала, что Вики была заторможенной и рассеянной. С ней такое случалось, когда она теряла счет таблеткам и принимала больше, чем требовалось, или когда принимала их не в том порядке. Карла спросила, не надо ли ей показаться врачу. Вики сказала, что нет, не надо, с ней все в порядке, просто сегодня был тяжелый день, но ей уже лучше. А скоро станет совсем хорошо.

Там был какой-то противный мальчишка, сказала Вики Карле. «Я провалила прослушивание, а потом тот мальчишка стал надо мной издеваться».

«Вот гаденыш», – ответила Карла.

«Джордж его знает, – сказала Вики. – Он говорил, что не знает, но было понятно, что знает. Сказать тебе, что я думаю?»

Карла согласилась. Она уже не сомневалась, что Вики что-то напутала со своими таблетками, или покурила травы, или и то и другое вместе.

«Я думаю, это Джордж его подговорил, – сказала Вики. – Чтобы он надо мной посмеялся. Но когда Джордж увидел, как я расстроена, он попытался остановить мальчишку. Только тот не желал останавливаться».

Карла сказала: «Не может быть, Вик. Джордж никогда не стал бы издеваться над тобой из-за роли. Ты ему нравишься».

«Но в одном тот мальчишка был прав, – сказала Вики. – В театре мне делать нечего».

Тут я перебил Карлу и сказал, что не подговаривал того мальчишку. Я вообще не знаю, кто он такой. Карла ответила, что можно было этого не говорить, она и так знает, что я хороший человек и что Вики мне нравилась. Потом она расплакалась.

«Это *моя* вина, не твоя, – сказала она. – Я видела, что ей плохо, и не сделала ничего, чтобы помочь. И ты знаешь, что было потом. Это тоже моя вина, потому что на самом деле она вовсе не собиралась... Я уверена, она не хотела ничего такого».

Карла оставила Вики внизу, а сама поднялась к себе в комнату. Часа через два она постучала в комнату Вики.

«Я подумала, что мы, может быть, погуляем и где-нибудь поедим, – сказала она. – И даже выпьем по стаканчику вина, если действие таблеток прошло. Но ее не было дома. Я спустилась на первый этаж, в общую комнату, но и там ее не было. Две девушки смотрели телевизор, и одна из них сказала, что, кажется, видела, как Вики спустилась в подвал. Наверное, решила устроить стирку.

Потому что у нее в руках были простыни, сказала та девушка».

Это встревожило Карлу, хотя она не хотела задумываться почему. Она спустилась в подвал, но в прачечной не было никого, и ни одна из стиральных машин не работала. Рядом с прачечной располагалась кладовка, где девушки, жившие в доме, хранили вещи. Из кладовки доносились какие-то звуки, и когда Карла туда вошла, она увидела Вики, стоявшую спиной к двери на стопке чемоданов. Она связала две простыни, чтобы получилась веревка. Один конец веревки лежал петлей у нее на шее, другой был привязан к трубе под потолком.

Но дело в том, сказала мне Карла, что в стопке было всего три чемодана, а веревка из простыней заметно провисала. Если бы Вики всерьез собиралась покончить с собой, она обошлась бы одной простыней, а стопку из чемоданов сделала повыше. Это была, что называется, генеральная репетиция.

Ты не можешь знать наверняка, сказал я. Ты же не знаешь, сколько она приняла таблеток и что там творилось у нее в голове.

«Я знаю то, что видела, – сказала Карла. – Она могла бы шагнуть вниз с чемоданов, и веревка из простыней даже не натянулась бы. Но тогда я об этом не думала. Я испугалась. И выкрикнула ее имя».

Этот громкий крик за спиной напугал Вики; вместо того чтобы просто шагнуть вниз, она дернулась и начала падать вперед, чемоданы заскользили у нее под ногами, и она не устояла. Она могла бы просто упасть, грохнувшись животом об пол, но веревка была *не такой* длинной. Она все равно могла бы выжить, если бы узел между двумя простынями не выдержал и развязался, но он был завязан на совесть. При падении петля затянулась под весом тела, и голова Вики резко дернулась назад.

«Я услышала хруст, – сказала Карла. – Громкий хруст сломанной шеи. И это была только моя вина».

Потом она плакала, плакала и никак не могла остановиться.

Мы вышли из кафе, и я проводил Карлу до автобусной остановки. Я вновь и вновь повторял ей, что она ни в чем не виновата, и постепенно она успокоилась. И даже слегка улыбнулась.

«Умеешь ты убеждать, Джордж», – сказала она.

Я не стал говорить – потому что она все равно не поверила бы, – что моя убедительность проистекает из абсолютной уверенности.

5

– Этот гадкий мальчишка забирал всех, кто мне дорог, – сказал Халлас.

Брэдли кивнул. Очевидно, Халлас сам верил в то, что рассказывал, и если бы эта история всплыла на суде, его, скорее всего, присудили бы к пожизненному заключению, а не к процедуре в Прививочном корпусе. Об оправдательном приговоре нечего было и думать, но у присяжных появился бы хороший повод снять с повестки дня смертную казнь. Теперь, вероятно, было уже поздно. Письменное ходатайство об отмене смертного приговора с учетом истории Халласа о гадком мальчишке вряд ли будет принято к рассмотрению. Нужно быть рядом, нужно видеть его лицо, исполненное уверенности. Нужно слышать его голос.

Человек, приговоренный к смерти, смотрел на Брэдли сквозь слегка запотевшее оргстекло и едва заметно улыбался.

– Он был не просто зловредным и гадким, этот мальчишка. Он был жадным. Всегда пытался прихватить кого-то в нагрузку. Один мертв; второй медленно варится в густой подливе вины.

– Видимо, вам удалось убедить Карлу, – заметил Брэдли. – Раз она вышла за вас замуж.

– Если и удалось, то не полностью. И она никогда не верила в этого гадкого мальчишку. Если бы верила, то пришла бы на суд. И мы до сих пор были бы женаты. – Халлас смотрел на Брэдли сквозь стекло, и его взгляд оставался спокойным. – Если бы Карла мне верила, она была бы только рада, что я его убил.

Охранник, сидевший в углу – Макгрегор, – посмотрел на часы, вынул наушники из ушей и поднялся:

– Не хочу вас торопить, господин адвокат, но уже одиннадцать тридцать, и скоро вашему клиенту нужно будет вернуться в камеру для полуденной проверки.

– А ему обязательно идти? – спросил Брэдли, но смиренно и вежливо. Охранников лучше не злить, и хотя Макгрегор был неплохим человеком, он мог быть суровым и жестким. Жесткость характера – обязательное качество для людей, надзирающих за отбывающими срок преступниками. – Вот же он, прямо у вас перед глазами.

– Таковы правила. – Макгрегор поднял руку, словно отменяя возражения, которые не высказал Брэдли. – Я знаю, срок близится, и сейчас время свиданий не ограничено. Если вы подождете, я отведу его на перекличку, а потом опять приведу к вам. Хотя он пропустит обед. И вы, наверное, тоже.

Они вместе наблюдали, как Макгрегор вернулся к своему стулу в углу и опять сунул в уши наушники. Когда Халлас снова посмотрел на Брэдли, его улыбка стала шире.

– Вы, наверное, уже *догадались*, что было дальше.

Хотя Брэдли не сомневался, что догадаться несложно, он сложил руки на своем нераскрытом блокноте и сказал:

– Но мне бы хотелось послушать вас.

6

Я отказался от роли Харолда Хилла и ушел из университетского театра. Я потерял интерес к актерству. В последний год в Питсбурге сосредоточился на курсе административного управления и на Карле Уинстон. Мы поженились сразу после того, как я закончил учебу. Отец был моим шафером. Три года спустя он погиб.

Он курировал несколько шахт в Виргинии, в частности – шахту в Луизе, чуть южнее Айронвиля, где он по-прежнему жил с Ноной Маккарти, мамой Ноной, в качестве «домоправительницы». Шахта называлась «Глубокая». Однажды во второй лаве произошло обрушение, на глубине около двух сотен футов. Ничего страшного не случилось, никто из шахтеров не пострадал, но затем отец и два представителя администрации спустились на место аварии, чтобы оценить ущерб и понять, сколько времени уйдет на восстановление участка. Он не вернулся назад. Никто из них не вернулся.

Мама Нона потом говорила, что несносный мальчишка названивает ей. Она всегда была видной, красивой женщиной, но после гибели отца буквально за год превратилась в сморщенную старуху. Еле ползала, шаркая ногами, а когда кто-нибудь заходил в комнату, вся сжималась, словно ждала, что ее ударят. Ее подкосила не папина смерть – тут постарался гадкий мальчишка.

«Он все звонит и звонит, – говорила она. – Обзывает меня черножопой сучкой, но это не страшно. Меня обзывали и похуже. Мне такие оскорбления – что с гуся вода. Но он говорит, что все это случилось из-за сапог, которые я подарила твоему папе. Ведь это неправда, Джорджи? Там было что-то другое. Он должен был надеть войлочные бахилы. Он *никогда* не забыл бы надеть бахилы после аварии в шахте, даже если авария не очень серьезная».

Я согласился, но видел, что ее гложут сомнения.

Это были отличные охотничьи сапоги. Мама Нона подарила их папе на день рождения меньше чем за два месяца до взрыва в «Глубокой». Думаю, они обошлись ей долларов в триста, но они того стоили. Высотой до колен, из мягкой как шелк кожи, но очень прочные. Такие сапоги не знают сносу, всю жизнь в них проходишь, да еще сыну оставишь. Каблуки подбиты гвоздями, и на определенных поверхностях эти гвозди могли высекать искры, как кремь о сталь.

Папа никогда не спустился бы в шахту в кованых сапогах, тем более в аварийную, где мог быть и рудничный газ, и чистый метан. И не говорите мне, что он просто забыл. Они спускались туда с респираторами и с кислородными баллонами, и папа уж точно переобулся бы. Или, как верно заметила мама Нона, надел бы на сапоги войлочные бахилы. Ей незачем было искать у меня подтверждения, она сама знала, какой он ответственный и осторожный. Но даже самая безумная мысль может тобой завладеть, если ты одинок и убит горем, а кто-то умело на этом играет. Эта безумная мысль присосется к тебе, как паразит, ввинтится в голову, отложит яйца, и очень скоро твой мозг превратится в клубок извивающихся червей.

Я посоветовал ей сменить телефонный номер, она так и сделала, но мальчишка узнал новый номер и продолжал ей названивать. Он говорил ей, что папа забыл, что на нем кованые сапоги, один из гвоздей высек искру, и случился большой бабах.

Ничего не произошло бы, если бы тебе не вздумалось подарить ему эти сапоги, старая ты черножопая сучка. Вот как он с ней разговаривал – или, может быть, еще хуже, просто она мне не передавала.

Наконец она вообще избавилась от телефона. Я говорил ей, что телефон *нужен*, ты живешь совершенно одна, и не дай бог что случится, но она не желала слушать. Повторяла: «Иногда он звонит посреди ночи, Джорджи. Ты не представляешь себе, что я чувствую, когда

лежу в темноте, слушаю, как звонит телефон, и знаю, что это он, тот мальчишка. Куда, интересно, смотрят его родители? Ребенок не спит по ночам и названивает чужим людям!»

Я говорил: отключай телефон на ночь.

Она отвечала: «Я отключаю. Но он все равно звонит».

Я говорил, что это ей чудится. Я пытался сам в это поверить, но не мог, мистер Брэдли. Если тот гадкий мальчишка сумел украсть коробку Марли, если он знал, что Вики завалила прослушивание на роль, если знал о папиных сапогах – *если он оставался мальчишкой все эти годы*, – то он, конечно же, мог позвонить и на отключенный телефон. В Библии сказано, что дьявол рыщет по всей земле и десница Господня его не оставит. Я не знаю, был ли тот гадкий мальчишка самим дьяволом, но что-то дьявольское в нем имелось.

И я не знаю, можно ли было спасти маму Нону, если бы она позвонила в «скорую». Я знаю только, что когда у нее прихватило сердце, она не смогла никуда позвонить, поскольку в доме не было телефона. Она умерла в одиночестве. Соседка нашла ее на полу в кухне на следующий день.

Мы с Карлой приехали на похороны и провели ночь в папином доме, где мама Нона осталась жить после его смерти. Мне приснился кошмар, я проснулся посреди ночи и больше не смог заснуть. Уже утром, услышав, как на крыльцо упала газета, я вышел за ней и увидел, что на почтовом ящике за калиткой поднят флажок. Я подошел к ящику – как был, в халате и тапочках. Внутри лежала детская бейсболка с пластиковым пропеллером на макушке. Я взял ее в руки, и она была *горячей*, как будто ее только что снял с головы человек, пылавший в лихорадке. Мне было противно к ней прикоснуться, но я все равно перевернул ее и заглянул внутрь. Внутри бейсболка лоснилась от какого-то допотопного масла для волос, которым уже давно никто не пользовался. К подкладке прилипло несколько ярко-рыжих волосков. И там лежала записка, написанная корявым детским почерком: «БЕРИ СЕБЕ, У МЕНЯ ЕСТЬ ЕЩЕ» .

Я отнес чертову бейсболку на кухню – держа двумя пальцами, потому что, как я уже говорил, мне было противно к ней прикоснуться, – запихнул ее в дровяную печь и поднес спичку. Бейсболка сгорела мгновенно. Вспыхнула зеленоватым пламенем и осыпалась пеплом. Где-то через полчаса Карла спустилась в кухню, принялась и спросила: чем так воняет? Как будто гнилыми водорослями.

Я сказал, что это, скорее всего, выгребная яма за домом. Она, наверное, переполнилась, и надо вызвать ассенизаторов, чтобы все откачали. Но я знал правду. Это был запах метана. Возможно, последний запах, который почувствовал мой отец перед тем, как что-то выскло искру и папа вместе с двумя его спутниками отправился на тот свет.

Я тогда работал в аудиторской фирме – одной из крупнейших независимых аудиторских компаний на Среднем Западе – и очень быстро поднялся до руководящей должности. Собственно, так всегда и бывает, когда приходишь на работу пораньше, уходишь попозже и занимаешься делом, а не считаешь ворон. Мы с Карлой хотели иметь детей, и мой доход позволял всерьез думать об этом, но ничего не получалось, ее месячные приходили регулярно, как по часам. Мы ездили в Центр акушерства и гинекологии в Топеке и сдали все необходимые анализы. Врач сказал, что у нас все нормально и говорить о лечении бесплодия пока рано. Он велел нам возвращаться домой и наслаждаться интимной жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.